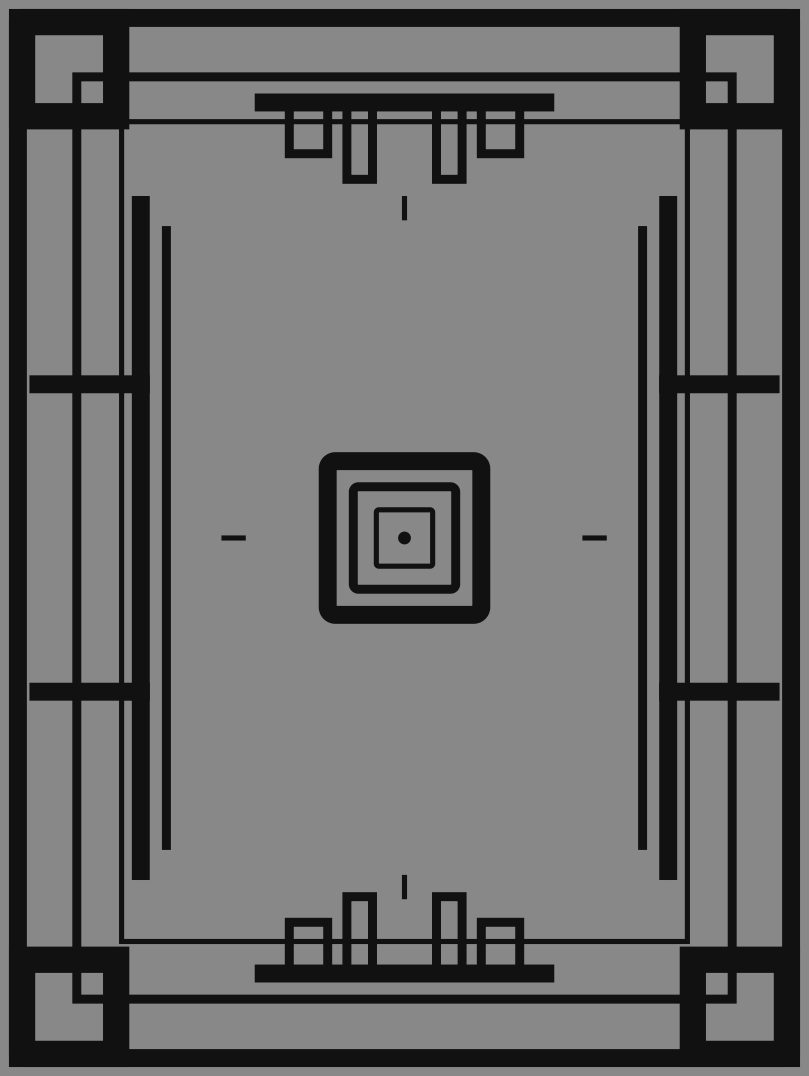


Мы истребляем людей (сборник, том 2)

Генри Каттнер, Кэтрин Люсиль Мур

Генри Каттнер. Мы истребляем людей. (Составитель А.Бурцев)
КАК ЭТО БЫЛО
Глава I. Синие эмалевые часы
Глава II. Снова и снова
Глава III. Ограбление
Глава IV. Время терпения
Глава V. И терпение со Временем
Глава VI. Губка из прошлого
Глава VII. Якорь тащит весь корабль!
Глава VIII. Управляемая ракета
КОНЕЦ СНА
МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ. (В соавт. с К. Мур под псевд. Льюис Пэджетт)
ПРОЕКТ. (В соавт. с К. Мур под псевд. Льюис Пэджетт)
СЛЕПЫЕ ПОВОДЫРИ. (В соавт. с К. Мур под псевд. Льюис Пэджетт)
ПОЛЕ ДЛЯ ОШИБКИ. (В соавт. с К. Мур под псевд. Льюис Пэджетт)

ОДИССЕЯ ЮГГАРА ТРОЛГА. (В соавт. с К. Мур под псевд. С.Х. Лидделл)
Глава I. Почему это должно было случиться со мной?
Глава II. Дзынь!
Глава III. Поход в Хель
Глава IV. Нет дома для гнома

Генри Каттнер
Мы истребляем людей
(Составитель А.Бурцев)

КАК ЭТО БЫЛО

Глава I
Синие эмалевые часы

Что-то не давало Питеру Оуэну заснуть. Либо прибрежный шторм за окном спальни отвлекал его, либо выбор того, что почитать на ночь, оказался не очень мудрым. Книга, которую Оуэн притащил в постель, могла похвастать дурацким названием «Новые распрямляющиеся гастроподы из середины девонского периода» и обещала быть хорошей заменой весьма захватывающему томику «Простые ациклические и моноциклические терпены».

Питер Оуэн вздохнул и перевернул страницу. Когда в дверь постучали, он резко распрямился, как гастропод.

— Войдите, — отозвался он и, с некоторой тревогой подняв голову, увидел низенького пухлого седоволосого старика, добравшегося до спальни Питера по его приглашению.

— Почему бы не взять пива, подумал я, — объявил старый джентльмен, держа пенящийся стакан. — Затем я подумал о молодом человеке, собиравшемся спать... Ты правильно догадался,

Питер. Пиво.

С налетом ликования доктор Зигмунд Крафт позволил себе улыбнуться помятым невозмутимым месивом морщин, которое он называл лицом. Оуэн, перейдя от тяжелой жизни гастроподов к своим немного более насущным проблемам, взял пиво, едва заметно моргнув. А потом вспомнил, что доктор Крафт все-таки гость в этом доме, который, правда, принадлежал не Питеру. Он собрался подняться с кровати.

— Почему вы не позвонили, доктор? — спросил он. — Я бы достал вам пива. Это то, для чего я здесь, после того как слуги уходят спать. Не то чтобы я возражал. Хочу сказать... — он слегка запутался.

Крафт пришел на помощь.

— Никаких проблем, Питер. Я подумал о следующем вторнике. Вечером следующего вторника я буду сидеть в своем уютном кабинете в Коннектикуте, в тишине и спокойствии, с кружкой пива. Так что я подумал: Зигмунд, — да, ты правильно догадался, — подумал, что возьму пива прямо сейчас и представлю, что уже следующий вторник.

С нижнего этажа донесся звук удара, затем топот и громкий крик. Оуэн и доктор Крафт обменялись многозначительными взглядами.

Старик слегка пожал плечами. Крик стал еще громче, через стены здания и шум бури можно было услышать сердитые возгласы.

— Ломайся, разнеси тебя гром! — вопил голос внизу. — Ломайся!

Донесся быстрый топот.

— Записи Шостаковича, — заметил доктор Краффт. — Их, видишь ли, не сломать. Не вырубить топором... Может, ножовкой... хотя, все равно нет. Лучше держись подальше, пока он не успокоится. Я подумал о следующем вторнике и забыл обо всем плохом, что связано с твоим дядей, парень. Мне жаль, что мы не сошлись во мнениях, но как я мог сказать, что пространственно—временной континуум не циклический, когда я знаю, что это не так?

— Ломайся! Ломайся! — кричал снизу голос, а возобновленный топот заставил стены немного дрожать, видимо, всемирно известный писатель С. Эдмунд Штамм, критик и драматург, всем своим весом обрушился на оскорбившие его записи. — Ломайся! — крикнул он по-теннисоновски, но послушного треска виниловой пластинки так и не последовало.

Оуэна охватил легкий ужас. Взбешенный С. Эдмунд Штамм не располагал к тому, чтобы

размышлять о вечном.

— Эта молодая леди, твоя подруга — храбрая она девушка, — трезво сказал доктор Краффт.

Оуэн содрогнулся. Клэр Бишоп, красивая и очаровательная, была не столько храброй, сколько безрассудной. К тому же, по вспыльчивости она ничуть не уступала С. Эдмунду Штамму. Как прямое следствие — он пытался в музыкальной студии этажом ниже одолеть пределы прочности злосчастной пластинки. Сегодня днем, в качестве кульминации совершенно катастрофического собеседования с дядей Эдмундом, Клэр сгоряча выразила свое предпочтение Шостаковичу перед Прокофьевым. Тем самым она перечеркнула все отчаянные усилия Оуэна, который весь последний месяц пытался устроить дружескую встречу между восходящей молодой киноактрисой и дядей, чья известная бродвейская пьеса «Леди Пантагрюэль» могла быть написана специально под Клэр.

Благодаря странным закономерностям голливудской логики, роль леди Пантагрюэль была именно тем, в чем так сильно нуждалась Клэр. Ее карьера находилась в серьезной опасности. Но все усилия Оуэна пошли прахом, как только начался фейерверк. Дядя Эдмунд был близок

— так близок! — к подписанию договора, с болью в сердце вспомнил Оуэн. Тем не менее, как он мог винить Клэр? Он уставился в пол и пожалел, что не умер в тот момент.

— ...потерял моего дорогого Макси, — растерянно прошептал доктор Крафт, оглядывая комнату. — Если тебе вдруг случиться увидеть, куда я мог положить Макси...

— Прошу прощения, доктор, — сказал Оуэн, возвращаясь к действительности.

— Я потерял беднягу Макси, — повторил Крафт, глубоко вздохнув. — Ах, впрочем, кто из нас совершенен? Проблема с опытами со временем состоит в том, что ты не всегда можешь вспомнить, когда что сделал. Чтобы найти Макси, мне нужна тишина и сосредоточенность. Но без Макси я не могу сосредоточиться, — улыбнулся доктор. — Парадокс! Для меня, ученого, оказаться беспомощным без маленькой каменной лягушки — ты верно догадался, Питер. Нелепость! Ах, к черту все это!

Крафт повернулся к двери, качая седой головой.

— Спокойной ночи, Питер. Если увидишь Макси, ты же скажешь мне?

— Всенепременно, — пообещал Оуэн. — Доброй

ночи, доктор. Спасибо за пиво.

— Конечно, это всего лишь привычка и фетиш, но...

Дверь закрылась под тихое бормотание доктора. В то же самое время за окном сверкнула фиолетовая вспышка и раздался ужасный грохот, что заставило Оуэна вздрогнуть и вскочить с постели. Каким-то образом, машинально, он приписал звук успеху дяди по разламыванию пластинки, возможно, с помощью атомной бомбы. Но увиденное быстро внесло коррективы в это предположение.

За окном, на самом краю скалы, вдающейся в Тихий океан, стоял одинокий кипарис, охваченный пламенем. Когда молния погасла, огонь продолжал метаться на фоне неба, и затем стало видно, как кипарис падает со скалы в бушующую воду.

У Оуэна появилось странное убеждение, что кипарис, наверное, тоже как-то оскорбил его дядю. Он вздохнул. Штормы не являлись редкостью в это время года в Лас Ондасе — малоизвестном небольшом курорте на морском побережье. Штормы не были редкими и в жизни Оуэна, что объясняет, почему он натренировался в последние шесть месяцев так, что по инертности стал

схожим с громоотводом.

Он бы предпочел просто распрямиться, как гастропод, из неудобного положения, в котором находится с того момента, как, по настоянию дяди, уволился с административной должности в голливудской кинокомпании и стал частным секретарем мистера Штамма. Изворотливость обещаний дяди только подчеркнула то, что сам С. Эдмунд Штамм является одним из наиболее скользких ужей штата Калифорния, занимающего значительную территорию.

Оуэн машинально потянулся за пивом. Его глаза вернулись к маленькому изображению в книге, что он читал, которое имело нечто общее с милым, бесчувственным, кротким мирком, где рост и размножение скользкой саламандры вида *plethodon glutinosis* шло размеренным и предсказуемым путем.

Вы когда-нибудь брали стакан воды, думая, что в нем молоко или пиво? Вы помните этот долгий момент ступора и полной дезориентации, когда истина доходит до ошеломленных вкусовых рецепторов?

Оуэн сделал длинный, насыщающий глоток того, что по всем признакам должно было быть пивом, охлажденным до правильной температу-

ры в специальном отделении холодильника.

Это оказалось не пиво.

Это был самый вкусный и самый невероятный напиток из всех, что Оуэн когда-либо пробовал в своей жизни. Прохладный, темный, легкий, нереальный, словно ветерок, дующий из ниоткуда, напиток полился в горло Питера Оуэна.

Пораженный запоздалым открытием, он опустил стакан и уставился на него. Но это был уже не стакан.

Он держал часы!

Оуэн никогда их раньше не видел. Сидя вертикально, упершись спиной в подушки, слыша, как дождь барабанит по стеклу и как вдалеке над морем гремит гром, он судорожно сглотнул два-три раза. Оказалось, что во рту еще остался вкус невероятного напитка. Или нет?

Горло, казалось, слегка покалывало, и Оуэн почувствовал себя необычайно хорошо, от чего у него чуть было не закружилась голова. Это состояние быстро прошло и сменилось озадаченностью и сомнением.

Он взглянул на часы, стоящие на прикроватном столике. Там был и стакан с белым ожерельем пены над янтарным пивом и с запотевшими от влаги стенками. Совершенно убежденный в

том, что сходит с ума, Питер Оуэн уставился на голубые эмалевые часы, вертя их в руках и пытаясь найти возможное объяснение. Его вкусовые рецепторы все еще покалывало.

Или нет? Он быстро взял стакан и сделал глоток. Совсем другое ощущение. Это было хорошее пиво, но всего лишь пиво, а не нектар богов. Вполне очевидно, что нельзя пить из часов. Из черепа — да, возможно, если у вас странные вкусы, как и шампанское из туфельки, но из часов? Что можно выпить из часов, если из них в принципе можно вообще что-то выпить?

— Время? — мелькнуло в голове Оуэна безумное предположение. — Время — не жидкость. Нельзя выпить время. Я просто перевозбужден. Вот что. Воображение разыгралось. — Он обдумал эту мысль. — Я ожидал почувствовать вкус пива, поэтому его и ощутил — не считая того, что вкус был совершенно иной. Ну, это вполне естественно. Просто это было не пиво. Это было ничто. Просто... глубокий вдох?

Откинувшись на подушку, Оуэн поломал над этим голову. Затем внезапно снова выпрямился и уставился на часы, неожиданно поняв, что никогда раньше их не видел.

У него появилось ужасное подозрение, что дя-

дя, вероятно, решил ему сделать неожиданный подарок. *Бойтесь данайцев, дары приносящих,* с опаской подумал он. Дядя Эдмунд никогда ничего ему не дарил. Со стороны могло показаться, что пригласить доктора Краффта в Лас Ондас на длинный отпуск на море было великодушным жестом, но мотивы этого поступка лежали крайне далеко от великодушия. В это время дядя Эдмунд работал над продолжением «Леди Пантагрюэль» и коварно использовал идеи доктора Краффта. Популярность «Леди Пантагрюэль» в большой степени была обязана работам доктора, опубликованным два года назад во время написания пьесы. В ней шла речь о путешествиях во времени, что сильно напоминало «Площадь Беркли», и бóльшая часть лучших идей принадлежала доктору Краффту, хотя на театральной афише вообще не упоминалось его имя.

Что касается часов, которые Оуэн все еще сжимал в руке, то если это и был подарок дяди Эдмунда, вероятно, он являлся хорошо замаскированной атомной бомбой. Оуэн осторожно осмотрел предмет. Явно какая-то ловушка. Неужели она уже захлопнулась? Что-то определенно произошло, хотя он, конечно же, ничего не пил из часов. Некая галлюцинация могла обмануть

его на пару секунд, но уж точно не дольше. Невозможно...

Это были маленькие часы, — не больше старомодных карманных часов, — напоминающие сжатый лимон, как подумал Оуэн с каким-то естественным смущением, а тикали они громко и пронзительно. У них были две обычные стрелки, и они не являлись будильником. К тому же, часы спешили на тринадцать минут.

Оуэн поморгал, глядя на свои часы на прикроватном столике — электрическую модель с будильником, установленным на семь. Он задумчиво поставил правильное время на голубых эмалевых часах, выставив черную минутную стрелку на десять сорок в соответствии с электрическими. Затем осторожно поставил громко тикающий предмет на столик, подозрительно поглядел на него и потянулся к пиву.

Стакана не было.

Оуэн вскрикнул от испуга и, наклонившись, внимательно посмотрел на пол. Он отчетливо помнил, как несколько секунд назад поставил стакан на стол. Он что, упал? На полу не было ни малейших следов пива или осколков. Со страшным подозрением, что его разум в конце концов не выдержал проживания вместе с дядей, Оуэн

свесился с кровати и повис головой вниз (как мистер Квилп, содрогнувшись, подумал он), молясь, чтобы стакан просто закатился под кровать.

Стакана там не было.

— Мания преследования, — пробормотал Оуэн себе под нос, вися вниз головой, и подумал, как странно звучат его слова. — Теперь я подозреваю, что пиво украл дядя Эдмунд. О, это ужасно. Я никогда не смогу жениться на Клэр. Нельзя же передать печать безумия нашим детям.

Пока Оуэн висел, как летучая мышь, глядя под кровать, кровь прилила к голове, и он смутно понадеялся, что эта терапевтическая мера поможет вернуть здравомыслие.

Продолжая висеть вниз головой, он увидел, как на другом конце комнаты открылась нижняя часть двери и в проходе показались шишковатые ноги в тапочках.

— Что-то потерял? — спокойно спросил доктор Краффт.

— Пиво, — ответил Оуэн ногам. — Я ищу стакан пива.

— Не там ищешь, — заметил доктор Краффт. — Почему бы не взять пива, подумал я. Затем вспомнил про молодого человека, собирающегося спать, — да, Питер, ты правильно все понимаешь.

Пиво.

Оуэн вернулся в естественное положение и сел в кровати, глядя на доктора Краффта с чувством, что он уже проходил через это. Старик держал пенящийся стакан.

— Я тоже выпью стаканчик, — безмятежно сказал доктор Краффт. — И представлю, что уже следующий вторник, когда я вернусь домой. Только... Питер, боюсь, я потерял моего дорогого Макси.

— Опять?

Доктор Краффт добродушно посмотрел на Оуэна.

— Ну, я стал забывчивым, Питер. Конечно, нелепо иметь такую привычку-фетиш. Но я не могу сосредоточиться на долгое время, если не смотрю на Макси, понимаешь? И эксперименты с тессерактом придется прекратить до тех пор, пока я не найду Макси. Такая работа требует абсолютной концентрации, прежде чем можно будет покончить с этим напряжением. Когда-то давно я использовал опал. Но сейчас привык к малышу Макси и теперь не могу без него работать. Если увидишь его, Питер, пожалуйста, тут же дай мне знать. — Он мрачно покачал седой головой. — А, к черту все, — добавил Краффт. — Спокойной

ночи, Питер.

— Доброй ночи, — ответил Оуэн и стал смотреть, как доктор Крафт уходит, оставляя его размышлять о том, что он тут не единственный сумасшедший.

Вспышка фиолетового света и ужасающий грохот снаружи заставили Оуэна дернуться к окну. Подсвеченный молнией, одинокий кипарис стоял на краю скалы. Видимо, он восстановился, залез обратно на скалу, как это сделал росток из Дунсинана, и как раз успел врасти в камень, чтобы опровергнуть прописную истину, что молния никогда не бьет дважды в одно и то же место. Вторая вспышка показала, как упрямый, но обреченный, кипарис снова ныряет в океан с края обрыва.

— Нет, нет, — сказал Оуэн тихим неодобрительным голосом.

Затем немного посмеялся, но прозвучало это несколько неестественно.

— Ты — стакан пива, — сказал он стакану пива. — А я — белый кролик с голубыми эмалевыми часами в жилете, кармане... нет, о чем это я? Соберись, Питер. Ты спишь, вот и все. Держись за эту мысль. Ты можешь ее доказать. Поставь стакан на столик и смотри, как он исчезнет.

Глава II
Снова и снова

Впечатленный своим предположением, Оуэн поставил стакан и стал пристально смотреть на него. Ничего не произошло. Сверкнула молния. Оуэн глянул в окно. Кипариса все еще не было. Поддавшись порыву, он снова заглянул под кровать, ожидая увидеть там кипарис. Пусто.

Выпрямившись, он посмотрел на голубые эмалевые часы. Стрелки медленно, но уверенно, подбирались к десяти пятидесяти трем, той неправильной минуте, с которой Оуэн их перевел. Он осознавал растущее напряжение. В десять пятьдесят три, подозревал он, может что-нибудь произойти.

Но опять ничего. Озадаченный, он взял часы и сравнил их показания с тем, что было на электронном табло часов на столике. Да... нет... что-то либо случилось, либо нет. Оуэн не мог понять. Но электронные часы показывали десять сорок. С тех пор, как он настроил голубую эмалевую аномалию, прошло тринадцать минут, тем не менее электронные часы все еще показывали

десять сорок. Разве выключали электричество? Нет. Свет даже ни разу не мигнул.

Оуэн задумался на некоторое время. Затем покачал головой, откинув невозможные варианты, и с чувством облегчения посвятил себя прозаической обязанности по установлению правильного времени на голубых эмалевых часах. Галлюцинации были очень реалистичными, но электрические часы оставались неизменными в мире быстро развивающихся событий. В это Оуэн вложил всю свою веру, поворачивая черные стрелки эмалевых часов, пока они не пришли в согласие с электрическими, которые теперь показывали десять сорок пять!

В этот же самый момент, с чем-то похожим на толчок в середине головы, Оуэн понял, что часы передумали и теперь показывают десять тридцать две. Более того, знакомый голос сказал:

— А, к черту все. Спокойной ночи, Питер.

Оуэн резко оглянулся. Покачав седой головой, доктор Краффт вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Когда дверь захлопнулась, фиолетовая вспышка заставила Оуэна повернуться к окну. Он как раз успел увидеть, как неутомимый кипарис на краю скалы подсветила молния, прежде чем

преследуемое дерево снова упало в воду.

— Доктор! — воскликнул испуганный Питер Оуэн. — Доктор Краффт!

Он плотно закрыл глаза, бросил голубые эмалевые часы на постель и вслепую потянулся к пиву. Затем открыл веки — из страха, что может случайно засунуть руку в открытую пасть гоблина. Когда стакан с пивом в целости и сохранности оказался в руке Оуэна, он снова закрыл глаза и сделал глоток, тихо простонав от удовольствия. Открылась дверь. Донесся непонятный шуршащий звук.

— Если это доктор Краффт, входите быстрее, — не открывая глаз, сказал Оуэн после долгой паузы. — Если вы кипарис, я не могу вам помочь. Уходите. Молния все равно вас настигнет, и тогда нам обоим крышка. Радуйтесь, что вы дерево. Вы не можете сойти с ума. А вот я могу.

— Как ты так быстро напился? — спокойно спросил доктор Краффт. — У тебя же был только один стакан!

Оуэн открыл глаза и с облегчением увидел морщинистое лицо под буйно растущими седыми волосами.

— Один стакан? — переспросил он. — Да вы носите мне пиво всю ночь.

Он встревоженно посмотрел на руки доктора Краффта.

— Пиво? — спросил доктор. — Я?

Он развел пустыми руками.

— Ну, — слабо ответил Оуэн, — мне казалось, что так.

— Вон твое пиво, — сказал доктор Краффт. — Там, где я его поставил. Теперь мне надо найти Макси!

— Доктор, — поспешно обратился Оуэн. — Сколько сейчас времени?

Доктор Краффт посмотрел на электрические часы, показывающие десять тридцать пять. Лежащие на смятой постели голубые эмалевые часы тупо взирали на них. Стрелки показывали десять сорок восемь.

— Ровно десять сорок восемь, — сказал доктор Краффт, ссылаясь на наручные часы, которые никогда не ошибались даже на секунду. — Электрические часы врут. Должно быть, отключали электричество. Такой шторм.

Он подошел к столику и настроил электрические часы. Теперь на них было то же время, что и на голубых эмалевых.

— Доктор Краффт, — в отчаянии спросил Оуэн, вертя часы в руках, — я хочу вас кое о чем спро-

сить. Возможно ли путешествовать во времени?

Крафт меланхолично взглянул на него.

— Мы и сейчас путешествуем по времени, Питер, — ответил он.

— Да, знаю, знаю. Но я имею в виду — действительно перемещаться в будущее или прошлое. Кому-то это уже удавалось?

— Как можно определить это? — спросил Крафт, предлагая Оуэну подумать. — Доказательство этого я и ищу в экспериментах по созданию тессеракта. Ты понял? Я построю модель тессеракта — четырехмерную модель куба в трех измерениях — и затем попытаюсь освободить свой разум от осознания времени так, что он сможет свободно существовать в паравремени. Я сосредоточу всю энергию своего разума на тессеракте. Должно случиться так, что энергия, перемещающаяся сквозь время, ударит в тессеракт, и он сложится в обычный куб. Инерция — это инерция, а масса — это масса, как в пространстве, так и во времени. Но это трудно доказать, Питер.

— А что могло бы послужить доказательством этого? — потребовал Оуэн. — Если бы кто-нибудь нашел способ совершать прыжки на десять минут назад, как он сможет это доказать?

Старый ученый покачал головой и с сомнением

посмотрел на Питера Оуэна.

— Зачем ему это делать, Питер? — разумно спросил доктор Крафт. — Путешествовать в будущее — да. Так можно чего-то добиться. Но ведь ты уже знаешь, что случилось в прошлом. Зачем туда возвращаться?

— Я не знаю *зачем,* — закрыв глаза, ответил Оуэн. — Но знаю *как.* Всё эти часы. — Он открыл глаза и безумно посмотрел на доктора Крафта. — Сейчас я переведу их на пять минут назад и покажу! — сказал он. — Нет, стойте. Сделайте это сами. Переведите стрелки на пять минут и посмотрите, что произойдет.

— Ладно, Питер, — пробормотал доктор Крафт.

— Вот, попробуйте!

Моргнув, Крафт взял часы и выполнил инструкцию. Не случилось вообще ничего. Крафт ждал. Оуэн тоже.

Затем Крафт вернул стрелки в исходное положение и отдал часы Оуэну, одарив того вопросительным взглядом. Оуэн потупил глаза.

— Но это происходило, — в отчаянии сказал он. — Смотрите — все, что я делал, это...

Оуэн стал крутить маленькую ручку на задней панели часов и смотрел, как минутная стрелка

скользит назад...

— Спокойной ночи, Питер, — сказал доктор Краффт и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Оуэн схватил полный до краев стакан с пивом, который, как он знал, стоит на прикроватном столике. Из него не было сделано ни единого глотка. Жадно глотая, он в ужасе смотрел на окно, дрожа от сочувствия к бедному кипарису, даже сейчас взбирающемуся на скалу, чтобы не опоздать на встречу в Самарре[1]. Неизбежно сверкнула молния...

Значит, сейчас он еще вообще не разговаривал с доктором Краффтом о путешествиях во времени. Этого еще не произошло! Как Оуэн мог доказать, что часы — машина времени? Видимо, она воздействовала лишь на него одного. Не только ей не мог воспользоваться никто другой, но и у самого Оуэна не получилось бы показать результат действия этих часов, автоматически не стерев последние воспоминания Краффта.

В отчаянии Оуэн осушил стакан с пивом, отбросил его в сторону, выключил ночник и притворился свернувшимся гастроподом, за-

---

[1] Примечания: 1

Встреча в Самарре — намек на библейскую притчу о рабе и Смерти (*здесь и далее прим. перев.*).

копавшись под одеяло и ни о чем не думая. Он не смел думать. Если бы он увидел, как чертов кипарис получает еще один удар молнией, то, наверное, спрыгнул бы со скалы следом за ним. Все казалось совершенно невозможным, очевидно, каким-то необъяснимым образом он напился, обезумел и грезил наяву. Оуэн полностью выключил сознание.

И через долгое, долгое время наконец заснул.

Ему приснился странный сон.

Во сне Оуэн был рыбой, бездельничающей в водах тропического моря. Высоко над ним проплывала тень корабля, странно напоминающего гигантский деревянный башмак. Из тени тянулись вниз длинные стержни, медленно изучающие дно моря, как телескопы. Оуэн подплыл к одному из них. Вода текла через его жабры, напоминая об удивительном, необъяснимом напитке времени, который он испил из голубых эмалевых часов будучи человеком. Казалось, это произошло давным-давно.

Пошевеливая плавниками, Оуэн опустился под ближайший стержень и подплыл ближе, вглядываясь в то, что могло быть линзой. Он смотрел прямо в большой внимательный странный голубой глаз...

Оуэн проснулся.

Голубой глаз оказался квадратом ясного голубого неба в окне. Оуэн лежал, глядя на него и не желая принять темноту реального мира. Он все еще не отошел от сна и слабо махал руками, пытаясь плавно выплыть из кровати. Но вскоре понял, что больше не является рыбой. Он был Питером Оуэном, с ужасными проблемами и темным будущим.

Он сел и заранее начал бояться предстоящего дня. Жизнь в качестве секретаря дяди Эдмунда мало чем могла похвастать, особенно сейчас, когда все надежды выхлопотать роль леди Пантагрюэль для Клэр были мертвы. Дядя Эдмунд находился в худших из возможных отношений со всеми, кого встречал, причем сам к этому и стремился! Он даже пытался то и дело поссориться с миролюбивым доктором Краффтом, впрочем, так ничего и не добившись. Со всеми остальными он постоянно и с радостью ругался, и одной из самых сложных обязанностей его секретаря было улаживание этих конфликтов до такой степени, чтобы сохранить С. Эдмунду Штамму жизнь. На тот момент дядя Эдмунд состоял в смертельной вражде с начальником полиции Лас Ондаса и с местным мусорщиком. И всему этому дядя Эд-

мунд уделял искреннее внимание.

Это делало жизнь посредника между дядей Эдмундом и всем остальным человечеством очень сложной. Но уже завтра Питер Оуэн перестанет им быть. Возможно, умрет, потому что уйти от дяди Эдмунда было все равно что пригласить к себе домой молнию, но смерть — это еще не худший конец.

С несчастным видом Оуэн посмотрел в окно. Скала успокаивала тем, что на ней не было кипариса, и это слегка улучшило настроение племянника.

— Что за сон, — пробормотал он.

Потому что это должен был быть сон, — скорее, два сна: один с пивом и кипарисом, а второй с рыбой и кораблем. В каком-то еще были часы. Или нет? Оуэн глянул на прикроватный столик. Только электрические часы.

Ах, это сон, — подумал он. — Ясный, но все же сон.

Он говорил это себе, — не сильно веря в свои слова, — спускаясь на завтрак на нижний этаж.

— Необязательно было так торопиться, — оторвавшись от овсяной каши, сказал дядя Эдмунд с едкой улыбкой.

— Дядя Эдмунд, — сделав глубокий вдох, начал

Оуэн. — Дядя Эдмунд, заткнитесь! Я от вас ухожу.

Затем он задержал дыхание и стал ждать удара, который выбьет из него дух.

В чем же заключалась проблема, которая привела Питера Оуэна к такому опрометчивому решению? Всему причиной была Клэр Бишоп. Вы все помните Клэр Бишоп в киноверсии «Укрощение строптивой» с Джеймсом Мэйсоном, Ричардом Уидмарком, Дэном Дюрэ и Этелем Бэрримором. В такой выдающейся компании можно было ожидать, что дебютантка вроде Клэр окажется в тени, но этого не произошло. Все заметили и запомнили ее. Она была очень привлекательным созданием с копной светлых волос и неотразимой походкой, которое подъехало на зеленом кабриолете в конце второго акта (можно вспомнить, что Голливуд всегда допускал некоторые вольности в обращении со сценарием).

За этим последовал стремительный взлет карьеры Клэр, и таким же стремительным было ее падение из-за нескольких неудачно выбранных картин с ужасными актерами и отвратительным сценарием. Очутившись на дне, она встретила Питера Оуэна. Расцвела любовь. И из любви родилась розовая надежда, что с помощью Питера у нее получится достичь невозможного и сыг-

рать леди Пантагрюэль в будущей постановке. В свободное время Питер Оуэн на крыльях любви сдвинул горы и собрал группу тех, кто был согласен вложить деньги в съемку трех фильмов с Клэр, если «Леди Пантагрюэль» вырвут из неослабевающей хватки С. Эдмунда Штамма.

А это, вообще, было возможно? Питеру нужно было только спросить. Он спросил. С. Эдмунд Штамм, любивший власть как ничто другое, не сказал ни «да», ни «нет». Вместо этого, однако, он заметил, что ему нужен личный секретарь, чтобы делать простую работу за низкую зарплату. Возможно, намекнул он, что если этот личный секретарь застанет его в момент слабости, то он, С. Эдмунд Штамм, вероятно, подпишет договор, передающий права на экранизацию фильма по пьесе «Леди Пантагрюэль».

Вот тут и началась деградация Оуэна. Предыдущий секретарь либо сошел с ума, либо покончил с собой — никто не знает наверняка. Грань между секретарем и рабом была прискорбно размытой, но Оуэн храбро сносил все тяготы и лишения, держа в голове красивое лицо Клэр и возможность того, что дядя Эдмунд в конце концов подпишет злосчастный договор.

До вчерашнего дня еще оставалась надежда.

Но Клэр — это уже было упомянуто? — тоже обладала своенравным характером. Вчера был один из тех редких безмятежных дней, когда С. Эдмунд Штамм, смягченный серией удачных совпадений, зашел так далеко, что намекнул, — если Клэр, ее адвокат и договор окажутся в его библиотеке в подходящий момент, он обдумает возможность написать свое имя...

Собеседование закончилось, когда Клэр выхватила пластинку Прокофьева из фонографа и швырнула ее через всю комнату, тем самым выразив предпочтение Шостаковичу, а заодно и неприязнь к талантам С. Эдмунда Штамма, и вместе с этим умерла надежда, что она вообще когда-нибудь сыграет леди Пантагрюэль.

Затем Клэр выскочила из дома, разбив сердце Питера Оуэна и пластинку Прокофьева в библиотеке дяди Эдмунда, разъярившегося, как никогда прежде. Отсюда ночное нападение на несокрушимую запись Шостаковича. Отсюда утреннее отчаяние Питера Оуэна. И, как следствие всего этого, его безрассудный вызов урагану, сидящему с другой стороны кухонного стола.

Ненадолго попав в прошлое, даже без помощи голубых эмалевых часов, мы вошли в кухонную дверь и уселись за стол рядом с Питером Оуэном,

уставившимся в лицо С. Эдмунда Штамма и своей смерти. Теперь, — если желаете, — продолжим историю.

* * *

— Дядя Эдмунд... заткнитесь! Я ухожу от вас.

Таков Питер Оуэн. После этого он приготовился к худшему и пожалел, что не может закрыть глаза. Но он не смел. В переломные моменты лучше было следить за дядей Эдмундом как можно более внимательно. И хорошо, что Оуэн так и сделал.

Дядя Эдмунд выглядел не особенно обнадеживающе. Он походил на злобного коршуна средних лет с прилизанными пучками седых волос и заостренным носом, больше напоминающим клюв. Его рот был узкий, маленький, аккуратный и созданный для произнесения язвительных замечаний.

Дядя Эдмунд прервал трапезу и медленно поднял голову, пока слова его личного секретаря вибрировали в утреннем воздухе. Он подливал сливки в овсяную кашу, держа кувшин над тарелкой и одновременно глядя на Оуэна маленькими буравящими глазками, постепенно наливающимися ярко-красным цветом, пока до него медленно доходило значение слов Оуэна.

— Ты... что это? — со скрежетом отодвигая стул, потребовал дядя Эдмунд глухим голосом. — Что ты сказал?

— Я сказал, что... — Питер Оуэн начал говорить весьма храбро, но так и не закончил. Дядя Эдмунд швырнул кувшин со сливками!

Глава III
Ограбление

Сливки попали Оуэну прямо в лицо. Кувшин разбился о стену за его спиной, и осколки упали на ковер. Доктор Краффт безмятежно покачал седой головой и продолжал потягивать кофе. Ничто не могло возмутить доктора Краффта.

Дрожащей рукой Оуэн вытер сливки с лица. Что он мог сделать, как только снова обрел способность видеть, — спорный вопрос. Теперь он считает, что выбил бы дяде зубы первой попавшейся под руку тарелкой. Но тогда у него не было на это времени. Потому что сердечный смех дяди Эдмунда заглушил гул ярости в ушах Оуэна. Захрустела бумага.

— Смотри сюда, ты, малолетний дуралей! — закричал дядя Эдмунд. — Вытри сливки со своей глупой морды и посмотри на это!

И он снова засмеялся, так радостно, так искренне, что сердце Питера Оуэна опустилось, как гирька весов.

«Это» было договором. Вообще, если быть точным, — договором, по которому Клэр получала

права на роль леди Пантагрюэль. Дядя Эдмунд махал им перед измазанным сливками носом Оуэна, как сочным куском мяса перед собакой.

— Возможно, тебе, неблагодарному болвану, станет интересно, — сказал дядя Эдмунд язвительным тоном, — что этим утром я получил письмо из «Метро», где они наотрез отказались увеличивать сумму, предлагаемую ими за «Леди Пантагрюэль». Ты понимаешь, что это значит? О, нет, конечно же, нет! С чего бы ты вдруг понял? Для этого же требуется ум трехлетнего ребенка, так что, разумеется, нет!

Дядя Эдмунд сильно ударил по столу, заставив посуду затанцевать. Доктор Краффт предусмотрительно поднял свою чашку.

— А я тебе скажу, что это значит! — проорал дядя Эдмунд. — Предложение мисс Бишоп было самым лучшим из всех, что я получил. Ты знаешь это. Сам видел. Поскольку роешься в моей личной корреспонденции... — Это было самым нечестным, слезно подумал Оуэн, — ...нагло читаешь мои письма, — продолжал бушевать дядя Эдмунд, — и пронюхал, каким было наилучшее предложение. Затем увидел, что мисс Бишоп перекрыла его. Отлично! Небольшая верность семье — это все, что я прошу. Верность своей плоти

и крови и руке, что кормит тебя. Скажешь, это слишком много? Да, думаю, для такой жабы, как ты, это и вправду много. Так что! — Дядя Эдмунд снова атаковал стол. — Когда ты ворвался сюда, как бешеный тигр, я уже намеревался попросить тебя позвонить мисс Бишоп. Я передумал. Мне нужны деньги, и кому лучше тебя об этом знать, ты, подлый шпион? Если «Метро» не предложит больше, у меня не будет другого выхода. Я поддерживаю твою жизнь в роскоши, а роскошь стоит денег. Я — нищий. Меня обложили со всех сторон! — Дядя Эдмунд свирепо посмотрел на спокойное, погруженное в мысли лицо доктора Краффта, наполовину скрытое чашкой кофе. — Меня обложили со всех сторон! — закипая от этого зрелища, проревел дядя. — Я собирался принять предложение этой мегеры. Слышишь меня, Питер? Если бы не твои оскорбления, я бы осуществил твое желание!

— Дядя Эдмунд... — начал Оуэн. — Дядя Эдмунд, я...

Звук рвущейся бумаги прервал его. Яростно улыбаясь, дядя Эдмунд порвал договор пополам. Сложив обе половины вместе, он разорвал их еще. Четвертованный договор спланировал в тарелку. Дядя Эдмунд взял чашку с недопитым

кофе и вылил ее содержимое на клочки бумаги.

— Вот! — прокричал он. — Вот! Можешь теперь сожалеть! Слишком поздно, мой пронырливый юный друг, слишком поздно! Пошел прочь! Сию секунду! Долой с моих глаз! Если не соберешься и не исчезнешь через пятнадцать секунд, я сделаю так, что этот бестолковый начальник полиции посадит тебя за решетку. Пошел вон отсюда!

И Оуэн ушел.

Торопливо выходя из комнаты, он услышал голос доктора Краффта.

— Сегодня ночью мне приснился такой интересный сон... — безмятежно сказал тот.

* * *

Если бы только мой сон оказался реален! Если бы я мог повернуть стрелки так, чтобы дядя Эдмунд подписал договор Клэр... — закидывая рубашки и носки в чемодан, с горечью думал Оуэн.

В эту секунду пара носков свернулась, как — вы правильно догадались — гастропод, пролетев мимо чемодана и упав на незаправленную постель. Оуэн увидел, как они исчезли в овраге из простыней, бессознательно порылся в нем руками и нащупал что-то маленькое, круглое, твердое и холодное. Оно тикало.

Лицом к лицу Оуэн и голубые эмалевые часы уставились друг на друга пустыми взглядами.

— Сон? — отвлеченно прошептал Оуэн. — Сон? Получается, *я рыба?* — он встревоженно глянул вниз, проверяя, нет ли у него плавников.

Не было ни одного. Но остальное все еще было не совсем реальным. У него в руке, мерно тикая, лежали часы, сделавшие последнюю ночь бесконечным повторением себя самой, если, конечно, сном не являлось вообще все, что происходило вокруг.

Они стирают время! — зачем-то тряся часы, безумно подумал Оуэн. — Они отматывают время назад. «Одним пальцем...» — Отчасти по своей воле его пальцы взялись за маленькую ручку, вращающую минутную стрелку. — Этого не может быть, — убеждал он себя, поворачивая стрелку. — Это все сон. Я знаю это. Я не дурак. Но тем не менее, если это *сработает...*

Прежде чем Оуэн стал вращать стрелки, часы показывали девять ноль пять. Он осторожно двигал черную минутную стрелку, пока на циферблате не стало восемь пятьдесят пять.

Я что, могу вернуться в любой момент времени? — безумно подумал Оуэн. — Вот в чем вопрос. Если я могу, — хотя, конечно, нет, — тогда все

прекрасно. Распакую чемодан и пойду на завтрак как ни в чем не бывало.

Какой чемодан? — посмотрев на кровать, тупо подумал Оуэн.

Потому что чемодана там больше не было. Рубашки и носки магическим образом улетели назад в свои гнезда. Сам чемодан переместился на верхнюю полку шкафа. А с лестницы доносились тихий звон посуды и голоса С. Эдмунда Штамма и доктора Краффта, ведущие бодрую утреннюю беседу.

Питер Оуэн положил часы в карман куртки, продолжая крепко сжимать их дрожащей рукой, и спустился к завтраку.

— Необязательно было так торопиться, Питер, — с язвительной улыбкой заметил дядя Эдмунд. — Присаживайся и располагайся, раз уж пришел. Боже, как это ужасно, что я вынужден есть овсянку. Особенно, когда одновременно приходится видеть твое постное лицо по другую сторону стола...

Дядя Эдмунд притворно содрогнулся и подлил в тарелку еще сливок из чудесным образом склеившегося кувшина.

— Доброе утро, дядя, — уверенным голосом сказал Питер Оуэн. — Доброе утро, доктор. Вы

нашли Макси?

Доктор Крафт печально покачал головой.

— Есть новая почта, дядя? — спросил Оуэн с хитрой, натянутой улыбкой.

— Не улыбайся мне, юноша, — ответил Штамм. — Вряд ли можно улучшить овсяную кашу, представив, что в нее добавили сахар! Нет, писем, касающихся тебя, не было. — Тут он слизал сливки с тонких губ и сам улыбнулся, словно услышал какую-то шутку для посвященных. — Мне нужно, чтобы после завтрака ты кое-что сделал, — сверля Оуэна взглядом, добавил дядя Эдмунд. — Этот болван Иган, называющий себя начальником полиции, прошлой ночью оставил штрафную квитанцию на ветровом стекле моей машины. Сходи и разберись с этим.

Оуэн болезненно сглотнул.

— Но, дядя, вы же знаете, что Иган не... неважно, я оплачу штраф.

— Из своего кармана? — резко поинтересовался Штамм. — Делай, что хочешь. Я не стану за это платить. Какой толк быть первым гражданином Лас Ондаса, если гестапо изводит меня денно и нощно? С тех пор как купил этот дом, я привлек в Лас Ондас больше туристов, чем его правительство за все время существования городка. Если

Фред Иган считает, что может доставать меня штрафами за неправильную парковку просто потому, что я оставляю машину рядом с гидрантом на всю ночь, ему лучше подумать дважды. Иди сразу после завтрака и разберись с этим, Питер. Преступники безнаказанно совершают преступления в этом городе, пока Иган сидит в кустах, ожидая, что я допущу какую-нибудь мелкую оплошность. Я выше законов Лас Ондаса.

Дядя Эдмунд прервался и стал яростно пить кофе.

— Вы уверены, что не было никаких *важных* писем? — рассеянным голосом спросил Оуэн. — Я лучше схожу проверю. Может, вы не заметили какое-нибудь.

— Сядь, юноша! Ты что, принимаешь меня за такого же дурака, как ты сам?

— Ах, — примирительно пробормотал доктор Крафт, — какое прекрасное утро, какое прекрасное утро. Прошлой ночью, джентльмены, мне приснился крайне интересный сон...

— Точно! — внезапно сказал дядя Эдмунд. — Это напомнило мне кое-что. Я тоже видел сон. Очень любопытный.

Он внимательно посмотрел на кусок жареного хлеба, вцепился в него и закинул в рот. Сделав

это, он опять заговорил:

— Этим утром мне хочется оказать теориям доктора Краффта особенное доверие. Мне и самому приснился странный, но очень реалистичный сон. Возможно, вещий. Я смотрел глазами птицы, словно это было, как мог бы сказать доктор Краффт, временное прозрение. Все казалось сферическим.

— Ах, — еще раз сказал доктор Краффт.

— Сферическим, — твердым голосом повторил Штамм. — Как небесная сфера. Я удивился, когда увидел во сне, как то, что я сначала принял за огромный деревянный ботинок, плыло ко мне. В корабле я заметил группу путешественников во времени из далекого будущего, посетивших этот день и век, чтобы своими собственными глазами увидеть человека, чье имя, должно быть, гремело в коридорах времени вплоть до их эпохи, а именно — меня. — Дядя Эдмунд помолчал. — С. Эдмунд Штамм, — прошептал он, улыбаясь сам себе, как человек, подливающий сливки в тарелку со своим эго. — Кое-что было очень странным, — вскоре добавил он. — Их якорь. Он казался крайне необычным.

— Чем именно? — настойчиво спросил Оуэн. — Вы его видели?

Штамм одарил его сердитым взглядом.

— Не твое дело, — сказал он.

Затем, когда дядя Эдмунд посмотрел на племянника, на его лице появилось выражение еще более глубокого счастья. Он плавно опустил руку в карман пиджака. Захрустела бумага.

— Кстати, Питер, — внезапно сказал Штамм. — Я получил предложение на «Леди Пантагрюэль» от «Метро». Они заплатят на пять тысяч больше, чем эта мегера предложила мне вчера. Просто подумал, что тебя это заинтересует. — Он слегка прокашлялся. — Несмотря на злобный нрав и ужасные манеры мисс Бишоп, — добавил дядя Эдмунд, — если она уравняет щедрую цену «Метро», я еще могу передумать. Подумай об этом, мой мальчик.

Оуэн пытливо посмотрел на дядю. В *который* раз он соврал? Какая история была правдой, а какая нет? Что делать дальше? Он все еще размышлял над ситуацией, когда доктор Крафт тихо зажужжал.

— Мой сон был почти как твой, Эдмунд. Да, все точно. Шхуна с путешественниками во времени. Странно, да? В общем-то, то же самое, но с той окраской, что мы разные люди и воспринимаем мир по-разному. Мне снилось, что эксперименты

по созданию тессеракта, точно пузырьки, всплывали на поверхность паравременного океана, привлекая внимание наших друзей и путешественников. И знаешь, якорь тоже заинтриговал меня. Теперь, когда я вспоминаю сон, кажется, что якорь раскачивался туда-сюда, как маятник. Конечно, он не мог сделать больше одного оборота... двенадцати часов. — Доктор Краффт замолчал, погрузившись в размышления. — Действительно, почему? — прошептал он себе под нос. — Почему я так сказал? Часть сна, без сомнения. Время и пространство так легко перепутываются. — Тут он вздохнул. — Бедный мой, дорогой Макси, — сказал он. — С Макси я быстро бы выяснил как и почему. А без Макси... — Доктор покачал седой головой, сердитый взгляд омрачил его лицо. — В последнем эксперименте по созданию тессеракта, — продолжал он, — я был почти уверен, что пробился в следующее временное измерение. Самая интересная цепочка размышлений зависла на краю моего разума. О, Макси, где же ты!

— Забудь о Макси, — коротко сказал Штамм. — Ты и так тратишь кучу времени на свои эксперименты. Вспомни, у меня только три недели, чтобы закончить черновую версию новой пьесы. Нынче утром мне бы хотелось получить твое

полное внимание, Зигмунд. Вчера ты просидел весь день нос к носу с этой дурацкой каменной лягушкой. Сегодня у нас есть дела поважнее — Третий Акт.

— Но якорь!.. — со слезами сказал Оуэн. — Жаль, что никто из вас не помнит, как он выглядел. Интересно, а может...

— Раздался голос овсяной каши, — неприятным тоном заметил дядя Эдмунд.

— Макси! — внезапно воскликнул доктор Крафт.

Он вскочил на ноги, а его старое лицо засветилось радостью.

— Да, я знаю, где Макси! Я вспомнил, где оставил его! В библиотеке, Эдмунд! Прошу прощения, мне нужно идти к Макси!

Быстро шаркая ногами, доктор Крафт пересек комнату и направился к двери в библиотеку. Отсветы его радостного лица, казалось, опережали самого доктора, словно луч фонаря. Штамм наблюдал за этим с саркастической усмешкой на хищном лице, что Оуэн нашел весьма озадачивающим.

— Дядя Эдмунд, — сказал он.

— Ну? — нетерпеливо проворчал тот.

— Не думаю, что поручители мисс Бишоп под-

нимут свою цену еще раз. Но продажа может состояться по их последней цене, если я скажу ей об этом сегодня.

— Эдмунд! — Испуганный крик доктора Крафф-та поднял дядю и племянника на ноги. — Эдмунд! Грабители! Воры! О, мой бедный Макси!

Глава IV
Время терпения

Библиотека действительно представляла собой страшное зрелище. На ковре поблескивали осколки стекла из резных дверей. Дождь промочил шторы, а бесформенные кучи грязи вели по мокрому ковру к стенному шкафу. Прежде его дверцы были застеклены. Прежде в нем хранилась удивительно неинтересная коллекция золотых монет — собственность С. Эдмунда Штамма. Теперь там было пусто.

Штамм драматически выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Мои монеты! — воскликнул он и помчался в другой конец помещения к разграбленному шкафу.

— Макси! — рванувшись за дядей Эдмундом, рассеянно вскрикнул доктор, но он добежал только до гигантского стола и нагнулся, чтобы мягко похлопать по пустой обширной поверхности. — Прошлой ночью он сидел тут. Теперь я вспомнил. О, бедный Макси, тебя украли! Эдмунд, мы должны вернуть его, иначе я пропал!

— Чепуха, — осматривая шкаф, сказал Штамм. — Мои монеты пропали — тысячи долларов. — Он ужасно преувеличивал, хотя коллекция, действительно, имела некоторую стоимость и была хорошо застрахована. — Зачем ворам понадобилась каменная лягушка? Неужели она чего-то стоит, как и мои монеты?

— Только для меня, — печально ответил Краффт. — Я знаю, он сидел вот тут. Теперь я четко помню. Его, наверное, забрали воры, и я больше никогда не смогу размышлять.

— Питер, — холодно обратился к племяннику Штамм. — Принеси мне телефон.

— Но, дядя Эдмунд, — возразил Оуэн, глядя на стену за столом, где среднего размера сейф выставлял напоказ стальной кружок, прикрывающий панель цифрового замка, — не лучше было бы сначала проверить все? Возможно, грабители взяли не только монеты. Давайте я открою сейф?

— Я сказал, тащи мне телефон, — еще более холодно повторил Штамм. — Не нужно терять времени, юноша. Каждая секунда промедления дает грабителями возможность убраться еще дальше, что усложнит полиции их поиск. Оставь сейф в покое. Ты бы хотел узнать шифр, не так ли, мой умный юный друг? Возможно,

ты расстроишься, узнав, что в сейфе нет ничего дорогостоящего, — только различные бумаги. Так ты дашь мне телефон, или я должен вызывать полицию, крича из открытого окна?

Оуэн молча передал устройство дяде. Пока он диктовал номер мэра, в голосе Штамма было определенное яростное удовлетворение.

— Теперь посмотрим, — ожидая ответа, бормотал он. — Сейчас этот дурак, называющий себя начальником полиции... алло, алло! Это ты, Джеймс? Говорит С. Эдмунд Штамм. Мой дом ограбили.

После этого драматического объявления телефон что-то радостно пролопотал.

— Это сделал начальник Иган, — уверенно сказал дядя Эдмунд. — О, я не обвиняю лично его. Не говорю, что это он ограбил меня своими жирными руками. Но преступность уже давно бушует в Лас Ондасе, Джеймс, и это последняя капля. Знаешь, какие у меня неприятности из-за этого человека? Иган должен уйти!

Телефон опять что-то прошипел.

— Да будь у него хоть шесть десятков детей! — рявкнул дядя Эдмунд. — Долг мэра Лас Ондаса защищать граждан своего города. Это место стремительно превращается в новую Касбу. Я больше

не хочу, чтобы мое имя связывали с притоном, в котором воняет также, как и в самых дешевых кварталах Порт-Саида.

Из телефона понеслись увещевания.

— Нет, — отрезал наконец Штамм. — Либо уходит Иган, либо я — и это окончательное решение. Предупреждаю тебя, Джеймс, я серьезно думаю о том, чтобы переехать. Выбирай между нами. Иган преследует меня повсюду, и мне это надоело. Кто отправил полицейского докучать мне в четыре часа утра на прошлой неделе, когда я устраивал вечеринку? Иган. Кто сунул штрафную квитанцию под стеклоочиститель моей машины? Кто пытался заставить меня в воскресенье проехать дальше, когда я припарковался посреди Мэйн-стрит, чтобы раздать автографы? Говорю тебе, Джеймс, либо Иган, либо я. Делай свой выбор.

Дядя Эдмунд с силой положил трубку. Но когда его глаза встретились с тревожным взглядом Оуэна, в них светилась непривычная доброта.

— Отметь этот день красным, — метафорически скомандовал Штамм. — Мой триумф над этим тупицей наконец-то состоялся. — Он взглянул на тихонько причитающего Краффта. — Не могу сказать, что сильно скорблю из-за пропажи Макси. Эта каменная лягушка и так отняла у тебя слиш-

ком много драгоценного времени, которое лучше было бы посвятить мне. Я отлично себя чувствую, Питер. Это — прекрасный день, жаворонки кружат над головой, и я, может быть, соглашусь на то, чтобы мисс Бишоп приобрела мою пьесу, если она застанет меня в хорошем настроении и будет следить за своим злобным нравом. Ты уверен, что у ее поручителей есть в наличии нужная сумма?

— На сто процентов, — чуть не запев от радости, заявил Оуэн. — Мне позвонить ей?

— Если хочешь, — великодушно ответил дядя Эдмунд. — И если думаешь, что это стоит того. Как мне помнится, когда она вырвалась отсюда вчера, то допустила пару необдуманных замечаний о том, что лучше умрет, чем сыграет леди Пантагрюэль. Тем не менее сегодня я хочу быть добрым ко всему миру. Делай, как считаешь нужным. И Питер — убедись, что она принесет заверенный чек.

Начальник Иган — незначительная, но по-своему важная фигура в истории Питера Оуэна — был крупным, розовощеким, добродушным и, возможно, не слишком умелым полицейским. Пока Лас Ондас был просто небольшим придорожным городишком, Иган справлялся со своими обязанностями вполне достойно. Но с тех пор, как

Лас Ондас вырос, методы Игана не изменились. И начальник полиции весьма нерационально настаивал на том, чтобы закон беспрекословно соблюдался даже самыми знаменитыми гражданами Лас Ондаса.

Питер Оуэн встретил Игана у двери. Сопровождаемый тремя офицерами, являющимися почти всей полицией Лас Ондаса, начальник ступал неуклюже. Создавалось впечатление, что замешательство делало его пунцовым и беспомощным всякий раз, когда он оказывался в непосредственной близости от С. Эдмунда Штамма. Иган встревоженно улыбнулся Оуэну.

— Здравствуй, Пит, — с облегчением сказал он. — Я думал, что к двери подойдет сам мистер Штамм. Что случилось?

— Воры, — кратко ответил Оуэн. — Проходите, начальник — сюда.

Дверь в библиотеку была закрыта. Начальник Иган взялся за ручку и понял, что она не поддается.

— Заело, да? Из-за ночного ливня дерево, наверное, разбухло, — предположил он и после секундной паузы могучим плечом толкнул дверь, которая распахнулась под аккомпанемент громкого треска и глухого удара. Тут же последовали

яростные вопли. За дверью оказался С. Эдмунд Штамм, лежащий на спине, его рука сжимала записную книжку, а на узком лице была пугающая гримаса.

— Ох, черт возьми, — поспешно поднимая дядю с ковра, сказал Оуэн.

— Боже! — воскликнул Иган, действительно став пунцовым. — Я... ох... мне так жаль, мистер Штамм. Вы как раз выходили?

— Да, — ответил Штамм после долгой паузы.

Он молча позволил Оуэну помочь ему подняться на ноги, пока лицо того все больше краснело и багровело, наливаясь буйной яростью.

— Да, начальник Иган, — отряхивая брюки, педантично сказал Штамм, — я выходил. В надежде избежать сегодня всех возможных раздражителей и сосредоточиться на работе. И для того, чтобы случайно не увидеть вашу некомпетентную голову, я решил взять свои записи и убраться прежде, чем вы ворветесь в библиотеку.

Тут дядя Эдмунд яростно помахал записной книжкой. Неужели он на какое-то время исчерпал все слова?

Хищное лицо свирепо воззрилось на Оуэна.

— Что же касается тебя, — внезапно изменив направление атаки, гневно сказал Штамм, — ес-

ли эта мегера Бишоп хоть на секунду зайдет в мой дом, я распоряжусь, чтобы ее арестовали за взлом и проникновение. Одна только перспектива услышать ее противный голос заставляет мои уши сворачиваться в трубочки. Сегодня же я подпишу договор с «Метро». Молчать, юноша! Расскажи этому безмозглому бизону все, что он якобы хочет знать. Хотя от этого все равно не будет никакого толку. Что касается мисс Бишоп, здесь больше нечего обсуждать. Человек не может столько вынести. Меня уже и так ударили дверью, от чего я пролетел через полкабинета... да этот человек ничем не лучше убийцы! Долой с глаз моих, вы оба! И заберите гестапо с собой. Живее, пока я не потерял терпение!

Оуэн поспешно увел полицейского в библиотеку и закрыл дверь. Из коридора все еще доносился голос дяди Эдмунда, язвительно требующего выхода на междугороднюю линию. Начальник Иган с малиновыми ушами заковылял вперед, чтобы обследовать ограбленный шкаф, но Оуэн не особо следил за этим. Он внимательно слушал дядю Эдмунда, вышедшего на нужного человека.

— Договорились, Луис, «Леди Пантагрюэль» твоя, — громко сказал Штамм для всех, кто мог подслушивать. — Пусть твой юрист приходит с

договором сегодня днем.

Питер Оуэн дико засмеялся.

— Значит ты *так,* С. Эдмунд Штамм, — сказал он вслух.

Голубые эмалевые часы лежали у него в кармане. Он вытащил их и повернул минутную стрелку назад.

* * *

— Здравствуй, Пит, — с облегчением сказал начальник полиции, оглядывая холл позади Оуэна. — Я думал, что к двери подойдет сам мистер Штамм. Что случилось?

— Воры, — сказал Оуэн, как и прежде. — Входите. Но *будьте осторожны.* Лучше позвольте мне идти первым.

Дверь в библиотеку была заперта. К тому же ее слегка заело. Отказавшись от неуклюжих попыток начальника распахнуть дверь, Оуэн громко постучал.

— Дядя Эдмунд, — позвал он. — Начальник Иган уже тут.

— Пусть заходит, пусть заходит, — раздраженно ответил дядя Эдмунд.

— Отойдите, — сказал Оуэн. — Дверь заело.

Но Иган ударом плеча распахнул непокорную

дверь. Стискивая записную книжку, Штамм свирепо посмотрел на Игана и, казалось, был слегка на взводе.

— Доброе утро, мистер Штамм, — краснея, сказал Иган. — Слышал, ночью у вас были неприятности.

— У *меня* не бывает неприятностей, — язвительно заметил Штамм. — Да я их и не ожидаю. Для этого существуют страховые компании.

— Ваши монеты, — оглядывая комнату, сказал Иган. — Это все, что пропало? А как насчет сейфа?

— Я только что проверил его, спасибо, — ответил Штамм с высокомерным презрением. — Можете мне поверить, я кое-что смыслю в ведении своих дел. Содержимое — бумаги, ничего не стоящие ни для кого, кроме меня, — не тронуто. Я считаю, что меня ограбили дилетанты, потому что не произвели никаких видимых попыток вскрыть сейф. Но даже дилетанты чувствуют себя в полнейшей безопасности, совершая ужасные бесчинства прямо под вашим носом, сэр!

Сказав это, дядя Эдмунд вытянул руку с записной книжкой и обвиняюще указал на начальника, который отшатнулся, врезался в угол стола и сбил на пол лампу.

Яростный крик Штамма превратился в растянутый угасающий вой, когда Оуэн достал часы и отвел минутную стрелку назад.

* * *

На этот раз прошло не меньше десяти минут, прежде чем Иган наступил на ногу Штамма, пока они стояли рядом и осматривали шкаф. Взбешенный драматург заорал, чтобы ему принесли арнику, рентгеновский аппарат и привели специалиста по костям, пока Оуэн, тяжело вздыхая, отматывал время назад.

На этот раз он не стал ограничиваться какими-то пятью минутами, поскольку понял, что шансы завершить эту ситуацию мирно равны нулю. Штамм и Иган просто не могли находиться в одном доме дольше пары минут без того, чтобы не разругаться на пустом месте. Не стоило затрачивать усилия, пытаясь предугадать место и время, когда случится новый конфликт.

Убрать Игана в сторону тоже было нельзя, поскольку ему предстояло раскрыть преступление. Ответ казался очевидным. Пока ночью бушевал шторм, грабители ворвались через застекленную дверь, взяли коллекцию монет дяди Эдмунда и, предположительно, прихватили Макси. Все что

Оуэну нужно было сделать, чтобы никто не расстроился, — кроме, конечно, воров, — отмотать время назад, узнать, когда совершили преступление, и сорвать его осуществление. Жалея, что не подумал об этом раньше, он взялся за маленькую ручку, отвечавшую за поворот стрелок. В этот момент они указывали почти на десять часов утра. Оуэн начал азартно отматывать время назад.

Щелк!

Ручка больше не крутилась. Оуэн замер, главным образом из-за того, что теперь не видел циферблата часов. Уже было совсем не десять часов солнечного утра, а где-то часа три темной штормовой ночи. Оуэн стоял в кромешной темноте и слышал барабанящий дождь и отдаленные звуки «Скифской сюиты» Прокофьева, доносящиеся из музыкальной студии. Вырвавшийся из темноты порыв влажного прохладного ветра дунул Оуэну в лицо. Испугавшись худшего, он на ощупь дошел до стола, включил стоящую на нем лампу и в ее весьма неприятном голубом свете увидел, что опоздал.

Под прикрытием непогоды грабители вошли и ушли. На ковре лежали осколки стекла, пятна грязи покрывали мокрый пол, а стеклянные дверцы пустого шкафа были разбиты. Макси тоже

не сидел на столе. Очевидно, грабители смели дорогого малыша Макси вместе с монетами.

Голубые часы с безразличным взглядом убедили Оуэна, что было десять часов вечера. Он слегка потряс их и снова попробовал крутить ручку, удивляясь, почему ее заело. Он смог сдвинуть минутную стрелку назад, но только на пятнадцать секунд. Это привело лишь к тому, что библиотека опять погрузилась в темноту, а «Скифская сюита» отмоталась назад на десяток тактов.

Оуэн терпеливо включил лампу еще раз и обратился к часам.

— Итак, ты не поворачиваешься больше, чем на двенадцать часов, — задумчиво сказал он. — Почему?

Затем то, что доктор Крафт заметил во время одного из завтраков сегодня утром, вернулось к Оуэну из бесконечного далека.

«Якорь, — сказал доктор Крафт, — казалось, он качается туда-сюда, как маятник. Конечно, он не может повернуться больше чем на двенадцать часов».

— Якорь? — снова встряхнув часы, потребовал Оуэн. — *Ты* якорь? Маятник? И двенадцать часов — твой предел, да?

От холодного ветра из окна Оуэн задрожал. Он

неуверенно оглядел ограбленную библиотеку. Ему не удастся предотвратить ограбление, если он не вернется назад во времени дальше, чем часы, казалось, хотят или могут сделать. Кроме того, если Оуэна найдут тут, то за дядей Эдмундом не станется обвинить в краже его.

Он немного подергал стрелки часов. До этого времени у Оуэна не было возможности экспериментировать. Если промотать стрелки вперед, используя другую ручку, переместиться ли он в будущее — обратно в завтрашнее утро?

Нет. Он прокрутил стрелки вперед, но ничего не произошло. Дождь все еще заливался в библиотеку через разбитое окно. Прокофьев не пропустил ни одной ноты. Даже если бы не было грозы, грабители могли вломиться незамеченными, подумал Оуэн и угрюмо вышел из обворованной библиотеки.

С какой-то безнадежностью в душе Оуэн поднялся в свою спальню, думая о том, что же он там найдет. Постель была недавно застлана. На прикроватном столике ничего не стояло, даже стакана пива. Вполне естественно, ведь доктор Краффт не приносил пива почти до десяти сорока прошлой ночи... *прошлой?* Или этой?

— Это, — вслух подумал Оуэн, — называется

проблемой Данна[2]. Если вам нужно Второе Время, чтобы измерить Первое, то вам понадобится новый язык, чтобы описать эти действия.

Сверкнула молния, и за окном появился возродившийся кипарис, отважно занявший место на краю скалы.

— Кипарис бессмертный, — простонав, сказал Оуэн. — О нет, только не опять!

Он взглянул на черное небо вверху, словно ожидая увидеть корпус странно выглядящей шхуны, зависшей в воздухе, и тревожно подумал, что трое людей не могли видеть один и тот же сон по чистой случайности. И это *был* тот же самый сон.

---

[2] Примечания: 2

Данн (Dunne) Джон Уильям (1875-1949) — английский мыслитель. Близок к теософии и другим неклассическим направлениям мысли. В книгах «Опыт со временем» (1920) и «Серийный мир» (1927) развил концепцию множественности миров, оказавшую влияние на трактовку времени у Х. Л. Борхеса.

Глава V
И терпение со Временем

Питер с унынием оглядел комнату. Что дальше? Назад он, очевидно, пойти не мог. Двигаться вперед казалось единственным вариантом, и, видимо, все должно было происходить обычным поминутным ходом обычной жизни. Так что ему предстояло прожить вечер, сон (будет ли он точно таким же, если предположить, что Оуэн вообще заснет?), последующий завтрак, прибытие Игана, дядин мстительный звонок в «Метро» и окончательную потерю «Леди Пантагрюэль».

Обязаны ли все события происходить точно так же, как и прежде, или прошлое можно изменить? Конечно, можно. Оуэн уже сделал это. Изначально он не спускался в библиотеку в десять вечера. Но как насчет самого важного? Он не очень-то преуспел, пытаясь предотвратить конфликт между дядей Эдмундом и Иганом.

Сверкнула молния, и обреченный кипарис на краю скалы печально взмахнул ветвями. Через десять минут — Оуэн глянул на часы — в несчастное дерево снова ударит разряд. А минут через

восемь с пивом войдет доктор Крафт и спросит про Макси.

Крафт был тем, кто был нужен Оуэну. Если кто и сможет объяснить эту чертовщину, то только он. И, вероятно, даже придумать решение, но — Оуэн вздохнул — доктор не поверит ему. Прошлой ночью — этой ночью — Оуэн пытался продемонстрировать доказательство, которое бы привлекло внимание ученого, но это оказалось невозможным. По крайней мере пока все необходимые воспоминания автоматически стираются из головы Крафта.

— А вы, черт возьми, что, — снова встряхнув часы, сказал Оуэн и в тот же самый момент вспомнил Безумного Шляпника.

На секунду к нему пришло совершенно ясное и ужасное ощущение, что часы в его руке были теми же часами, что доставал из кармана Безумный Шляпник и много раз тряс их, узнавая, какой сейчас день месяца. «Если бы вы оставались со Временем в дружеских отношениях, — говорил Безумный Шляпник, а он наверняка хорошо разбирался в этом предмете, — то сделали бы с часами почти все, что захотели бы». Масло — *лучшее* сливочное масло — остановило те конкретные часы. Смазка.

— Так вот что со мной случилось? — спросил Оуэн вслух. — Когда я... выпил... из этой штуки? Какая-то смазка, сделавшая меня свободным от трения времени? Но *откуда* она взялась? И *что такое* эти часы?

Затем Оуэн подумал о трех снах, о шхуне в форме деревянного башмака и рыбаках, измеряющих глубину времен, раскачивая якорь, закрепленный на... чем? Этих часах? Нечто в форме часов, выглядящее в глубине как что-то обычное, но совсем не являющееся часами, чтобы не пугать рыбу.

— Это, — внезапно испугавшись, подумал Оуэн, — может быть опасно. Мне нужно поговорить с доктором Краффтом!

* * *

— Почему бы не взять пива, подумал я, — объявил старый джентльмен, держа пенящийся стакан, и безмятежно улыбаясь, остановился в дверях. — Затем я подумал о молодом человеке, собирающемся спать... Что случилось, Питер? Еще не ложишься?

— Доктор Крафт, мне надо с вами поговорить! — Оуэн взял у него стакан пива и пододвинул стул. — Пожалуйста, садитесь. Послушайте, док-

тор. Это касается путешествий во времени. Хочу сказать, что-то произошло. Дело в том, что мне надо доказать вам, что путешествия во времени возможны.

— Ты хочешь доказать *мне*, что путешествия во времени возможны? — удивившись, изумленно спросил старик. — Как ты думаешь, почему я посвятил бóльшую часть жизни изучению всего, что связано со временем? Нет, Питер, это мило с твоей стороны, но тебе не нужно доказывать это мне. Ты правильно догадался, мой мальчик, — я и так в этом убежден.

— Вы не понимаете, — горячо сказал Оуэн. — Смотрите — сейчас ровно десять тридцать восемь, так?

— Да, все верно. Почему ты носишься с этими часами, как с писаной торбой?

— Неважно. Видите, за террасой, на краю скалы, стоит кипарис? Ну вот, ровно через три минуты в это дерево попадет молния, и оно рухнет в океан.

— А, я понял, — неожиданно спокойно прошептал доктор Краффт, — так, говоришь, через три минуты?

— Вас это не удивляет?

— После многих лет опытов с вещими снами? — раздраженно спросил Краффт. — Нет, я совсем

не удивлен. Тебе приснилось, что в дерево ударит молния, да? Так. Значит, я запишу это.

— Мне это не приснилось! — прокричал Оуэн. — Это случилось. Я видел, как это происходило. Я видел это снова и снова.

— Повторяющийся сон? Как правило, это самое интересное из всего.

— Каждую ночь в десять сорок в кипарис бьет молния, — уже отчаявшись, тихо сказал Оуэн. — Никому нет до этого дела. Никому, кроме меня.

— Мне есть дело, Питер, — ободряюще сказал доктор Крафт. — Видишь, я сделал про это запись. В десять сорок мы поглядим. В следующей книге я, возможно, сделаю сноску на это. Но всему свой черед.

— Всему свой черед, — прошептал Оуэн и гулко засмеялся.

— А? Сначала Макси — мой малыш Макси. Да. Я потерял Макси.

— Макси похитили, — быстро сказал Питер. — Неважно. Может быть, я смогу найти его. Может быть, сумею остановить грабителей прежде, чем они вообще появятся, если вы только послушаете. Пожалуйста, садитесь. А теперь, доктор Крафт... — Оуэн придал своему голосу важность. — Я уже проживал эту ночь. И не единожды. Я доживал

ровно до десяти часов утра. Затем перемещался в десять часов сегодняшнего вечера. Теперь я следую нормальному течению времени и не могу перевести стрелки часов на более раннее время, чем десять вечера. — Оуэн с отчаянием посмотрел на Краффта. — Если вы не поможете мне, — жалобным голосом сказал он, — я пропал.

Однако из всего этого Краффт услышал только имя Макси. Бóльшую часть времени он был добрым стариком, обеспокоенным проблемами своих друзей, но у всех нас есть личные страхи, и мы знаем, чего боялся доктор Краффт.

— Макси похитили? — вскочив со стула, переспросил он. — Когда? Как? Расскажи мне все, Питер!

— Воры ворвались в библиотеку и обчистили шкаф дяди Эдмунда, — немного устало сказал Оуэн. — Макси сидел на столе. По крайней мере, вы казались уверены в этом. Они забрали его. Никто никогда не узнает зачем, если я не смогу отмотать время дальше, чем на двенадцать часов назад.

— Ты прав! — возбужденно воскликнул доктор Краффт. — Теперь я вспомнил! Этим утром я действительно оставил Макси на столе Эдмунда. Он ворчал на меня, потому что я не мог думать о каком-то дурацком диалоге в его дурацкой новой

пьесе, а вместо этого пытался в уме превратить тессеракт в куб через новое измерение времени. Так что, разумеется, я думал о Макси — да, да! Спасибо, Питер! Я должен бежать туда.

— Не надо, — остановил его Оуэн. — Я только что вернулся из библиотеки. Макси пропал. Как и золотые монеты дяди. Видите ли, воры забрались туда до еще десяти часов.

— Пропал! И ты ничего не сказал? Но Питер, Питер, мы должны что-то предпринять! Надо вызвать полицию, прежде чем грабители, утащившие Макси, окажутся слишком далеко!

— Подождите, доктор Краффт. Пожалуйста, послушайте меня минуту. Я говорю вам — я уже прожил эту ночь раньше и знаю все! Лучший способ вернуть Макси — предотвратить кражу. Если вы только выслушаете меня, то, может быть, мы сумеем придумать способ отмотать время дальше десяти часов, и тогда все будет идеально.

— Питер, Питер, — печально прошептал доктор Краффт, — я так и знал, что не стоило приносить пиво тебе на ночь. Ложись в постель, мой друг, и поспи. Мы поговорим завтра, когда твоя голова прояснится. А сейчас я должен идти!

Молния за окном на секунду осветила черные стекла фиолетовым светом. Раздался страшный

треск веток кипариса, еще раз принимающих удар судьбы. Затем вторая вспышка, точно следуя расписанию, показала, как дерево покорно падает со скалы.

— А? — посмотрев на часы, сказал с вопросительной интонацией доктор Краффт.

Он достал записную книжку из кармана халата и быстро нацарапал что-то.

— Ровно десять сорок. Крайне интересно, Питер. Крайне интересно! Твой сон был весьма точным. Конечно, мы должны сделать скидку на возможность совпадения.

— Доктор Краффт, вы помните, что вам снилось прошлой ночью? — спросил Оуэн. — Сон о путешественниках во времени и странном корабле?

Краффт вопросительно поморгал.

— Прошлой ночью? Нет.

Оуэн схватился за голову.

— Нет, нет, нет! Прошу прощения! Моя ошибка. Вам это еще пока не приснилось. Это будет только сегодняшней ночью и еще не произошло. Ангелы и святые угодники, защитите нас, разве не существует способа убедить вас?

— Питер, — сказал доктор Краффт с некоторой торжественностью. — Садись. Вот сюда, на кровать. Отлично. Сложи подушки в кучу. Распо-

лагайся поудобнее, мой мальчик. Вот, видишь? Я сел тут. Мне тоже удобно. Бедный Макси подождет. Сначала мы должны добраться до сути. Расскажи мне, пожалуйста, что у тебя на уме.

Оуэн все рассказал.

— Могу я взглянуть на часы? — спросил Крафт, когда тот договорил.

Оуэн молча дал их ему. Крафт внимательно осмотрел часы, потер голубую эмаль, не добившись никакого эффекта, потряс их, послушал, как они идут, и сравнил их показания с теми, что были на электронных часах. Затем ухватился за маленькую ручку на задней стороне часов и легко выставил стрелки на девять часов вечера, затем на восемь. И поднял голову.

— Видишь? — прошептал он Оуэну. — Видишь?

— Конечно, вижу, — ответил тот с намеренной терпеливостью. — Это могут сделать все, кроме меня. Я уже доказал вам это сегодня. У *меня* никак не получается повернуть стрелки на время более раннее, чем десять часов.

— Попробуй, — протягивая часы, настаивал Крафт.

— О, нет! Я не хочу стереть все, что произошло сегодня до десяти вечера. Послушайте, доктор.

Называйте это гипотетическим, если нужно. Но с учетом того, что предпосылки верны, вы можете, пожалуйста, попробовать придумать объяснение всему этому? Гипотетически!

— Гипотетически, — прошептал Крафт с раздражающим спокойствием, — ты действительно столкнулся с чрезвычайно интересным парадоксом. Должен признать, все звучит очень убедительно... если допустить одну невозможную вещь — эти часы и правда могут отматывать время назад. Я должен записать все — позже — как интересную проблему временной логики. Но позже, после того как я снова найду Макси. Без этого я не могу нормально сосредоточиться.

— Попробуйте! — призвал Оуэн доктора Крафта и вытянул руку ладонью вверх. — Представьте, что тут сидит Макси. Смотрите на него. И думайте!

Голубые глаза доктора Крафта с интересом глядели на пустое место, уставившись в одну точку и фокусируясь на несуществующем Макси.

— *Представьте* шхуну с путешественниками во времени, — с отчаянием внушал Оуэн. — Если они сбросили якорь, — гипотетически, символически, не буквально, — и якорь выглядит, как эти часы, а моя история была бы проблемой, которую

вам нужно решить, что бы вы сделали?

— Для начала я бы сказал, — продолжая неотрывно смотреть на невидимого Макси, пробормотал доктор Краффт, — что у этих часов нигде нет швов. Ты заметил это? У обычных часов после сборки остается много всяких зазоров, что дает возможность понять, как их сделали. Голубые эмалевые часы разобрать нельзя. Без сомнения, какая-то новая технология. Особый метод сборки, не оставляющий швов и стыков. Однако, гипотетически, давай подумаем. Часы являются самыми интересными реликвиями древних халдейских, египетских и сходных математических систем. Как и компас. Эти две вещи представляют собой почти единственные остатки устаревшей шестидесятиричной математики, в основе которой лежит число шестьдесят, а не десять, как в нашем десятичном методе. Так что, вообще-то, и пространство и время до сих пор измеряют древним способом. Поэтому путешественники во времени, создавшие космический якорь в форме часов, не кажутся мне чем-то совершенно бессмысленным. Да, Макси? — Седая голова нетерпеливо покачалась. — Нет, нет, все *это* вздор. И здесь нет никакого Макси.

— Продолжайте, доктор, — призвал Оуэн. — У

вас отлично получается. Если часы -якорь времени, что тогда? Напиток, который я выпил — или думал, что выпил, — наталкивает вас на какую-то мысль? Некая смазка времени, как сливочное масло Безумного Шляпника?

— Когда у меня есть Макси, — объяснял Крафт, — я сосредотачиваюсь гораздо лучше и тогда у меня иногда получается высвободить сознание из пространственно—временного континуума, словно... словно происходит определенная переориентация направления, не имеющего аналога в пространстве. Будто я больше не подвержен трению времени, если тебе так больше нравится. Идем дальше. Если принять гипотезу, что ты действительно каким-то образом выпил из часов некую смазку — в этом, конечно, мало смысла, — то одним из результатов может быть то, что ты и только ты так сросся с часами, что когда поворачиваешь стрелки, тебя затягивает назад во времени.

— Словно тащат якорь? — с интересом предположил Оуэн. — Возможно, шхуна тоже дрейфует назад во времени, и когда я кручу стрелки, якорь проскальзывает и сдвигается в прошлое. Интересно, а они замечают это?

— Перемешать смазку времени будет непросто,

мой мальчик, — усмехнулся Краффт.

— Нет, конечно, нет. Но вы же знаете про жидкую сцепку? Смешиваете с маслом миллионы крошечных частиц железа, и когда намагничиваете их, масло становится твердым, пока не исчезнет магнитное поле. Что, если я выпил нечто подобное?

— Тогда ты останешься закрепленным в обычном времени, пока не повернешь стрелки часов назад, отсоединяя себя от времени и позволяя якорю тащить тебя обратно. Да. Я могу представить это. Однако не путай время с пространством, но помни, что время такое же огромное, как и пространство, а, возможно, даже больше. Что бы ни держало нас в обычном ходе времени, мы должны быть благодарны этому. Оказаться неподверженным трению времени может быть очень опасно. Только инерция будет предохранять нас от соскальзывания в прошлое, или будущее, или параллельные течения времени. Крайне неудобно! Легчайший толчок от всего, что движется сквозь время, отправит тебя в долгий полет.

— Но что это может быть?

— Ну, например, шхуна, если ты столкнешься с ней. Или другой путешественник во времени,

что маловероятно. Ты должен рассматривать море, по которому плывет шхуна, как... как некое паравремя, отличающееся от обычного времени, в котором мы живем и воспринимаем вещие сны и воспоминания. Когда ты не подвержен трению времени, — как ты, пока стрелки часов повернуты назад, но, конечно, я только предполагаю это, мой мальчик, — тогда ты предоставлен на милость любому обычному путешественнику через паравремя, который может столкнуться с тобой и отправить тебя, беспомощного, дрейфовать без возможности ухватиться за что-нибудь, чтобы остановиться. Поэтому я прошу тебя остерегаться путешественников во времени.

— Как космическая ракета в пространстве, — прошептал Оуэн. — Хотя это неважно. Послушайте, доктор, *почему* я не могу попасть во время, которое было до десяти часов? Если двенадцать часов — это предел, и, думаю, так и должно быть с таким количеством цифр на циферблате, то почему я не могу отмотать двенадцать часов с текущего момента?

— Потому что сейчас, очевидно, ты не существуешь, мой мальчик, — объяснил Краффт. — Гипотетически, конечно, только гипотетически. На самом деле, ты не обманул время. А

следуешь нормальному течению паравремени, как планеты движутся через пространство, в то же время продолжая вращаться по своим орбитам и вокруг оси. Исходя из того, что мы знаем, я предполагаю, что ты подчиняешься незыблемым законам, на самом деле находясь, как и должно быть, в десятом часу завтрашнего утра, когда повернул стрелки часов. Они вернули тебя — гипотетически — в десять часов сегодняшнего вечера.

Доктор Крафт кивнул на голубые часы, которые держал Оуэн.

— Если мы останемся в рамках нашей гипотезы, Питер, то сможем сделать много удивительных выводов из того, как эти часы запечатаны. В целом, мы считаем часы набором винтиков, собранных воедино, чтобы измерять время. Внутри этих часов, если сумеем открыть их, мы, вероятно, найдем много интересного. Пространственно-временной континуум, мой мальчик, это, по существу, вибрирующая материя, неудержимо напоминающая атомные часы с наблюдающим за ними осциллографом. *Они* работают на принципе квантовых переходов, как ты, без сомнения, знаешь. Симметричный выходной импульс создается линией поглощения частоты аммиач-

ного газа, получающего управляющие сигналы, так что точность атомных часов практически идеальна. Они определяют время, Питер, по движению самих атомов. Частота, как ты понимаешь! Это все отлично согласовывается... в теории. Часы — как раз то, что путешественники во времени могут сбрасывать за борт в качестве якоря, устройство, которое настраивается на определенный участок пространственно—временной частоты, чтобы не дать им соскользнуть во времени из-за недостатка трения, пока они занимаются исследованиями.

— Вам приснилось, — сказал Оуэн, — что они рассматривали пузыри, которые подняли на поверхность моря ваши эксперименты с тессерактом.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — пробормотал Краффт.

— Но, доктор, так и было! Подождите. Это еще вам приснится нынче ночью.

Краффт тихо засмеялся.

— Я не удивлюсь, Питер, если после нашей занимательной беседы так и случится. Но ни ты, ни я не будем теми, кто это придумал!

— Они создали эту теорию и применили ее на практике, — упрямо сказал Оуэн, глядя вверх,

словно рассчитывая увидеть корпус парящего корабля. — Они из будущего?

— Возможно, обитатели самого паравремени, — предположил Крафт снисходительным тоном. — Возможно, они существуют только в абсолютном времени, как глубоководные создания. Можно только представить, что давление обычного времени раздавит их, как давление в глубинах океана раздавит человека. Кроме того, сжатие должно происходить вне времени — их сожмет во времени до однодневного существования. — Крафт засмеялся. — Возможно, вот что такое поденки, Питер, — путешественники во времени, вся жизнь которых сжата в один день!

— Если мою жизнь не раздавит, — сказал Оуэн, — мне надо вернуться во время до десяти часов и предотвратить кражу. Мне очень нужно сделать это, доктор!

— Мой мальчик, это у тебя не получиться, — решительно заявил Крафт. — Даже если маленькие голубые часы и есть якорь корабля времени, как ты говоришь. Будь я на твоем месте, то попытался бы воспользоваться ситуацией наилучшим возможным образом, например, не дать Эдмунду обнаружить то, чего ты не можешь предотвратить. Таково было бы мое решение

этой крайне занимательной гипотетической проблемы. — Доктор с трудом встал. — А теперь, мой мальчик, *мне* надо спуститься и забрать Макси.

— Макси больше нет.

— Ах! Ну, мы посмотрим. Завтра мы, возможно, узнаем, что ограбление тоже было частью твоего чрезвычайно любопытного сна.

— А кипарис! — воскликнул Оуэн. — Это единственное доказательство, которое у меня осталось, но, по крайней мере, оно принесло свои плоды. Вы сами это видели!

— Да, Питер, мой мальчик, я это видел. Поздравляю с тем, что ты столкнулся с очень интересным вещим сном. И это не может быть ничем иным. Ты устал, мой мальчик. И перевозбужден. Так что, я рекомендую тебе — да, да, ты угадал, Питер, — допить пиво и лечь в постель.

— Я уже устал ложиться в постель! — отчаянно сказал Оуэн. — Кроме того, я могу проснуться вчера. Путешественники во времени могут поймать меня. Может быть, они как раз ловят рыбу на ужин.

— Допивай пиво, — невозмутимо сказал Краффт. — Благодарю, что рассказал мне, где найти Макси.

— Если его там нет, — цепляясь за соломинку,

спросил Оуэн, — то вы мне поверите? Если узнаете, что грабители действительно ворвались в дом, вы поверите?

— Но Питер, ты говоришь об уже свершившемся факте. Если это вообще случилось, то еще до десяти часов вечера. Именно так. Только вот причем тут путешествия во времени? Если ты говоришь, что был внизу и видел разбитое окно, я верю в это. Но для того, чтобы это узнать, не нужны магические часы. Ты должен был рассказать обо всем дяде, а не сидеть со мной, беседуя о странных вещах. Нет, нет, ты перевозбужден, Питер. Мне нужно идти. Мне действительно нужно идти.

Доктор Краффт повернулся к выходу.

Вздохнув, Оуэн взял часы. Ему не хотелось этого делать, но выбора не было. Добрый старик обнаружит обчищенный сейф и вызовет дядю Эдмунда и полицию, а ярость дяди Эдмунда не знает границ.

— Спокойной ночи, доктор Краффт, — спокойно сказал Оуэн и повернул стрелки часов назад.

Глава VI
Губка из прошлого

Позже Питер все-таки лег в кровать. Со временем он заснул, а его голова кипела от бесполезных планов и мыслей, таких мудреных, что они не поддавались описанию. И приснился ему странный сон.

Летающее блюдце плавало на поверхности непонятно выглядящего океана, где волны необъяснимо походили на минуты, хотя как Оуэну удалось определить такую схожесть, он и сам не понял. На борту блюдца находились трое путешественников во времени, которых звали Прищур, Зевок и Кивок, и все они страдали от морской болезни.

Периодически они с трудом добирались до якорной цепи и вяло пытались вытащить ее. Цепь продолжала болтаться и дико извиваться.

Кроме очевидного факта, что все трое членов экипажа непрерывно сворачивались и разворачивались, как гастроподы, внешность путешественников во времени было невозможно описать.

* * *

На следующее утро — так сказать — Оуэн проснулся с гораздо более ясной головой, но ощущение скорой гибели, висевшее над ним, заставило его чувствовать себя, как кипарис. Было очень рано. Свежий рассветный морской ветерок, пахнущий солью с ароматом шалфея, приправленного лимоном, веял с холмов неподалеку, наполняя комнату сложной смесью запахов.

Оуэн сел на кровати и задумался.

— Гибель? — вопросительно пробормотал он себе под нос. — Почему?

И ответ тут же пришел к нему. Путешественники во времени, тянущие цепь, к которой прикреплен якорь. Оуэн быстро схватил голубые часы и также быстро их отпустил, боясь, что его в мгновение ока унесет через потолок в паравремя.

— Это, конечно, не совсем так, — принялся убеждать он себя. — На самом деле они не страдают от морской болезни. Мы приукрашиваем свои сны в соответствии с личными предрассудками. Я, наверное, беспокоился о том, что якорь проскальзывает каждый раз, когда я отматываю время. Но разве я могу быть уверен, что они не

поднимают якорь? Эти часы совсем не подарок. В лучшем случае — одолжение, и его могут забрать в любую минуту.

В этом и состояло чувство грозящей гибели. Оуэн мог потерять часы в любое время. А он стал зависеть от них. Ни одно человеческое учреждение не могло распутать отвратительную неразбериху с «Леди Пантагрюэль», дядей Эдмундом, начальником Иганом и Клэр. Даже с часами Оуэн не знал, как можно добиться этого.

— Ох! — внезапно воскликнул Питер и сел еще прямее.

Конечно, он мог кое-чего добиться. Даже всего, если будет действовать быстро и думать головой. И ему придется действовать быстро, потому что Прищур, Зевок и Кивок могли решить поднять якорь и отправиться домой прежде, чем Оуэн справится со своей задачей.

В конце концов, доктор Краффт дал подсказку. Оуэн не мог предотвратить кражу, но целью было помешать грабителям, а если дядя Эдмунд не узнает об ограблении до того, как, к удовлетворению Оуэна, продаст «Леди Пантагрюэль» Клэр, тогда будет достигнут тот же результат.

Оуэн возбужденно поморгал в сером воздухе раннего утра. Вскоре он спустится к завтраку.

Затем дядя Эдмунд, — если время не изменилось больше, чем казалось, — начнет намекать, что предложение Клэр может быть принято. Тогда наступит время нападения, пока настроение дяди Эдмунда остается относительно хорошим.

Каким-то образом Оуэну придется держать ограбление в тайне. Каким-то образом ему нужно будет заставлять молчать доктора Краффта всякий раз, когда тот близко подойдет к тому, чтобы вспомнить, что оставил Макси в библиотеке. Надо будет не пускать в дом начальника Игана и во что бы то ни стало привести Клэр.

В халате и тапочках, бесшумно двигаясь по молчаливому дому, Оуэн быстро спустился к телефону в гостиной. У него было тревожное чувство, что он может пройти мимо себя самого где-то в паравремени, и разыгрался настоящий невроз из-за боязни найти Питера Оуэна, спящего в его собственной постели, по возвращении в комнату. Но он сумел дозвониться до апартаментов Клэр в Лос-Анджелесе без каких-либо серьезных промахов.

Долгое время Оуэн слышал только гудки.

— Алло, — после нескольких невыносимых минут раздался сердитый и сонный голос Клэр. — Здравствуй... Питер? Зачем ты звонишь в та-

кую рань?

— Дорогая, выслушай меня. После вчерашнего я не вынесу еще одной сцены. Сделай глубокий вдох и постарайся не злиться. Хорошо? — быстро проговорил Оуэн.

Колеблясь между гневом и нежностью, Клэр неуверенно рассмеялась.

— Я хочу, чтобы ты прямо сейчас собралась, разбудила своего юриста и приехала в Лас Ондас, — торопливо продолжал Оуэн.

— Питер, ты сошел с ума!

— Не спорь, дорогая. Ты не знаешь, через что я прошел со вчерашнего вечера. Если ты будешь делать все, как я скажу, то я смогу достать для тебя «Леди Пантагрюэль».

— Я ненавижу «Леди Пантагрюэль»! — страстно заявила Клэр.

Оуэн, словно на экране телевизора, увидел копну ее светлых волос и внезапную вспышку в больших голубых глазах.

— В гробу я видела твоего противного дядю Эдмунда и его пьесу.

Так продолжалось еще некоторое время. Но все же не вечно.

— Ну, дорогой, если бы не ради тебя, я никогда бы не согласилась. В отличие от меня, у тебя доб-

рое сердце, дорогой Питер. Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Приезжай сюда как можно быстрее. Дядя Эдмунд садится завтракать в девять. Я собираюсь сделать так, что к девяти тридцати он будет готов подписать договор. И будет нужно, что бы ты со своим юристом вошла в дом в ту же минуту. Если остановишься на завтрак в... скажем — в отеле «Лас Ондас», я позвоню, как только придет время.

— Ладно, дорогой. Я сделаю это.

— И не выходи из себя!

— Постараюсь, Питер. — Пауза. — Питер, дорогой!

— Да, дорогая?

— У меня есть для тебя хорошие новости. Отгадай какие? Ты будешь работать управляющим в кинокомпании «Клэр Бишоп»... если мы получим «Леди Пантагрюэль».

Оуэн глубоко выдохнул прямо в телефон.

— Как тебе это удалось?

— Ох, я долго занималась этим. Твой опыт работы на коммерческую кинокомпанию сделал тебе имя в определенных кругах, и я продолжала нахваливать тебя. Вчера вечером я выбила конкретное обещание из самого важного поручи-

теля, и все, что нам надо, — подписать договор с дядей Эдмундом. Что думаешь, Питер, дорогой?

— Ах, — сказал Оуэн, а затем последовал короткий период символических чмоки-чмоки.

* * *

— Необязательно было так торопиться, Питер, — с язвительной улыбкой заметил дядя Эдмунд. — Присаживайся, располагайся, раз уж пришел. Боже, как это ужасно, что я вынужден есть овсянку. Особенно, когда одновременно приходится видеть твое постное лицо по другую сторону стола...

И он наигранно содрогнулся.

— Доброе утро, дядя. Доброе утро, доктор Краффт. Приходила какая-нибудь интересная почта?

— Да, приходила, — ответил дядя Эдмунд. — Я получил предложение от «Метро», перебивающее цену мисс Бишоп на целых десять тысяч. Разумеется, я собираюсь...

Тут он резко дернул рукой, зацепил рукавом кувшин со сливками и опрокинул его содержимое прямо себе на колени.

От яростных воплей задрожали стекла.

— Разумеется, я собираюсь продать пьесу «Мет-

ро», как только Луис доберется до своего стола! — прокричал дядя Эдмунд, вскакивая и неистово отряхивая брюки. — Питер, это твоя работа — следить, чтобы мои вещи не стояли там, где я могу уронить их. Мне очень хотелось кинуть кувшин тебе в лицо!

Оуэн безмятежно сунул руку в карман и перевел стрелки часов...

— ...получил предложение от «Метро», касающееся «Леди Пантагрюэль», — работая ложкой, весьма спокойно проговорил дядя Эдмунд.

Оуэн перегнулся через стол и осторожно передвинул кувшин со сливками. Дядя Эдмунд одарил племянника раздраженным взглядом, но прежде чем он успел открыть рот, тихо заговорил доктор Крафт, следуя какой-то своей нити размышлений.

— Вы знаете, — мечтательно рассматривая ноготь своего большого пальца, сказал он, — я почти вспомнил кое-что. Подождите, пожалуйста. — Он плотно закрыл веки. — Думаю, я знаю, где оставил моего дорогого малыша Макси.

— На пляже! — выпалил Оуэн так резко, что дядя Эдмунд подпрыгнул и чуть не перевернул тарелку с овсяной кашей. Открыв глаза, доктор Крафт поморгал и покачал головой, — Нет, Пи-

тер, ты ошибся. Это было... стойте, я почти...

— Вчера утром вы пошли прогуляться по пляжу, — сказал Оуэн. — Вам нужно было о чем-то подумать. И вы взяли Макси с собой, помните?

— Ах, но я принес его обратно, — прошептал доктор Крафт. — Нет, я оставил Макси... оставил его...

— На пляже, — уверенно закончил Оуэн. — Вы оставили его там. Я точно помню. Еще подумал, что вы, наверное, положили лягушку в карман. Но вы не могли. Потому что на вас были только плавки. Это логично, разве нет?

— Что? — спросил вконец запутавшийся старик. — Карманы? Нет, у меня нет карманов на плавках. Так что, конечно, Макси не мог быть там. Но я почти...

— Ну, вот мы все и выяснили, — многоречиво продолжал Оуэн. — Вы пришли на пляж поразмышлять и посадили Макси так, чтобы сосредоточиться на нем, а когда закончили, просто забыли про него. Он, наверное, все еще сидит на том камне, если, конечно, прилив не смыл его в океан, — хитроумно добавил Оуэн.

— Ох, мой бедный малыш Макси! — схватившись за сердце, воскликнул доктор Крафт.

Он оттолкнул стул и бросил на стол тревожный

взгляд.

— Вы должны извинить меня, Эдмунд, Питер. Моего бедного Макси смыло в океан! Нет, нет! Я иду, Макси!

И он быстро вышел из комнаты.

Штамм мрачно продолжал есть овсяную кашу, многозначительно игнорируя неловкий момент. Оуэн кашлянул.

— Если пытаешься привлечь мое внимание, — заметил Штамм, — помни, что ты разумное существо, а не тупое животное. Лаять, как эрдельтерьер — плохая замена цивилизованной речи.

Подавляя желание спросить дядю Эдмунда, откуда ему знать, что такое цивилизованная речь, Оуэн тактично затронул тему «Леди Пантагрюэль». Штамм сказал, что получил лучшее предложение и тут больше нечего обсуждать.

— В почте нет ничего, кроме счетов, — весьма смело заметил Оуэн.

— Следи за своим языком, — приказал дядя Эдмунд. — Основной постулат... — Тут он слегка замялся, осознав величие предмета, к которому приближался, передумал и вытащил из внутреннего кармана конверт. — Ты видел только часть почты, — сказал дядя. — А не всю ее. Я вскрыл это письмо до того, как ты с таким запозданием

притащился к завтраку. От «Метро». Видишь? — Он протянул конверт, но быстро отдернул руку, когда Оуэн потянулся к бумаге. — Не лапай, — сказал он. — У меня и в мыслях не было ублажать твое любопытство.

Оуэн быстро подумал.

— Это не от «Метро», — сказал он. — Я вижу это.

Дядя перевернул конверт, проверив оттиск на лицевой стороне.

— Ты что, ослеп? — язвительно спросил он. — Вот — смотри.

Резко дернувшись вперед, Оуэн выхватил конверт из рук дяди и вытащил письмо. С. Эдмунд Штамм, потеряв дар речи, сидел изумленный и такой испуганный, словно его обругала овсяная каша.

Оуэну хватило мимолетного взгляда на письмо. Потом он бросил его обратно на стол, ухмыляясь прямо в багровеющее лицо Штамма.

— «На десять тысяч больше», да? — спросил он у задыхающегося дяди. — Тогда почему «Метро» в ответ на вашу просьбу говорит, что они не могут повысить свое предложение шестимесячной давности, которое стоит считать окончательным? Дядя Эдмунд, вы лжец.

— Питер Оуэн, ты понимаешь, что сейчас произойдет? — спросил дядя Эдмунд хриплым, задушенным голосом.

— Я прекрасно *знаю,* что произойдет, — самодовольно ответил Оуэн.

Голубые часы уже были в его руке. Сделав быстрый подсчет и приготовившись увернуться от кувшина, он отмотал время на две минуты...

И пол рухнул под ногами!

Это было как сон, как кошмар, только еще хуже. У Оуэна закружилась голова, возникло чувство дезориентации, словно его бросили в неизвестном направлении, а измерения вращались вокруг, хотя на самом деле он прекрасно осознавал, что комната не изменилась, разве что поведение Штамма стало совсем уж омерзительным — он подносил пустую ложку ко рту, наполнял ее до краев овсянкой, складывал кашу в тарелку и заново повторял этот тошнотворный процесс.

А доктор Краффт, предположительно сойдя с ума из-за потери Макси, вбежал в комнату, плюхнулся на стул и вскоре начал повторять отвратительные замашки хозяина. Затем и доктор и Штамм вскочили и выбежали из комнаты, и... и...

Пол под ногами еще быстрее устремился вниз! Страшный толчок чуть не вытряхнул из Оуэна душу, затем он полетел в обратном направлении, также странно, как и в первый раз. Штамм и доктор Крафт опять ворвались в кухню, запрыгнули на стулья и начали уплетать завтрак, будто не ели целый день. Затем доктор Крафт вскочил на ноги — он и минуты не мог просидеть спокойно — и выбежал из комнаты, в то время как С. Эдмунд Штамм встал, достал из кармана конверт и...

Толчок!

Побледневший от страха Оуэн обнаружил, что, сидя на стуле, смотрит на часы, которые держит так, словно они превратились в разъяренную кобру, хотя и не предпринимали никаких враждебных действий. Стрелки сдвинулись на две минуты назад. Поскольку Штамм сказал:

— ...ты с запозданием притащился сюда к завтраку. Письмо от «Метро». Видишь?

Оуэн посмотрел на конверт, слабо улыбнулся и искоса глянул на часы, лежащие на бедре. И вдруг похолодел. Якорь? Поднимают? Что насчет его сна? Что случится дальше? Он машинально вцепился обеими руками в стул. Ничего не произошло. Возможно, якорь можно поднять, только

пока он движется сквозь время...

— Ну? — кисло спросил Штамм. — Конечно, если мисс Бишоп предложит больше, чем «Метро»...

— Она не станет делать этого. У нее нет таких денег, — успокоившись, уверенно сказал Оуэн. — Это самая высокая цена, которую Клэр может предложить, и если вы не примете эти условия, она найдет другой материал, вот и все. Но она не в состоянии заплатить деньги, превышающие бюджет ее компании.

Это, казалось, ошеломило Штамма. Он повертел конверт в руках, как человек, не собравший нужную карточную комбинацию, и, наконец, задумчиво убрал в карман. Потом дядя Эдмунд взял ложку, которой ел овсяную кашу. При виде этого Оуэн поморщился.

— Ну, — пробормотал Штамм, — Ну... *Гмм.*

— Клэр может принести деньги в любое время, — сказал Оуэн. — Заверенный чек на всю сумму. Но у нее нет возможности предложить больше, и добавить мне нечего.

— Заверенный чек, говоришь? — пробурчал беспринципный драматург. — Пожалуй, я, возможно, все-таки передумаю. По крайней мере, в каком-то смысле все останется в семье. У меня

есть некоторые обязательства перед моей плотью и кровью.

Оуэн подпрыгнул.

— Я позвоню ей, — сказал он и помчался к выходу.

Но прежде чем Оуэн успел сделать это, дверь распахнулась и на кухню ворвался бездыханный доктор Крафт.

— Ограбление! — прокричал доктор. — Я видел через окно библиотеки! Эдмунд, воры обчистили шкаф и утащили моего дорогого Макси!

Это мы уже проходили.

Это мы уже видели раньше. Но, возможно, не замечали, как Питер Оуэн нервно и неуклюже вертит в руке часы, лежащие в кармане куртки, ожидая взрыва, который заставит его стереть эту сцену еще раз. Но, в противном случае, все закончится, как и тогда — в повторяющемся времени, и следы, тянущиеся через паравремя, без сомнения, привлекут внимание Прищура, Зевка и Кивка.

Оуэна мало интересовало, что делают Крафт и Штамм. Он сосредоточился на том, что происходит внутри него — на душевной борьбе по поводу того, что случилось за кухонным столом. Находиться вне времени было очень удобно — можно было участвовать в происходящем, как актер на

сцене, с возможностью остановить пьесу и начать заново с любого места. Но если время будет вести себя, как мельтешащие кадры фильма вместо спокойно развивающегося представления, Питер Оуэн не станет вмешиваться.

Что же все-таки тогда случилось? Головокружение все еще мучило его затуманенное сознание. От падения в бездонный океан времени во внутренностях Оуэна все еще оставалась холодная дрожь. И тем не менее его дикие домыслы о том, что якорь поднимается, были всего лишь безосновательными теоретическими предположениями — по крайней мере, он надеялся на это. Вполне вероятно, что Оуэн сможет вернуться во времени еще раз безо всяких последствий. Но разве не будет умнее отматывать его максимум на несколько секунд? И не чаще, чем нужно?

Сейчас Оуэн мог этого и не делать. Все, что ему действительно было надо, — привести сюда Клэр и чтобы дядя Эдмунд подписал договор прежде, чем начальник Иган прибудет, чтобы вызвать неизбежный взрыв, который, казалось, всюду преследовал его в присутствии Штамма, как молния, неизменно попадавшая в кипарис. Оуэн жалел начальника, но помочь ему ничем не мог. Он не мог предотвратить ограбление, а Иган был

тут совершенно бесполезен.

Голос дяди Эдмунда медленно проникал в мысли Оуэна. Дядя Эдмунд стоял у телефона в гостиной, невидимый глазу, но слышимый крайне отчетливо, потому что посылал в трубку яростные замечания.

— Значит, проследите за этим. И не мешкайте! — хрипло сказал Штамм, когда к Оуэну полностью вернулся слух.

Он услышал, как телефон нещадно трясут.

— Алло, алло, оператор? Соедините меня с мэром. Что? Тогда узнайте, в чем дело. Я не из городского руководства. Свяжите меня с мэром, слышите? Вопрос жизни и смерти.

— Хотите, чтобы я занялся этим? — с надеждой спросил Оуэн, заходя в гостиную с благонамеренной попыткой сбить правосудие с пути.

— Нет уж, — фыркнул Штамм. — Я с радостью справлюсь с этим сам. Алло? Джеймс? Это С. Эдмунд Штамм. Я только что вызвал полицию к себе домой. Да. *Да!* И требую, чтобы ты уволил некомпетентного болвана, которого ты называешь начальником полиции!

С этого момента он слово в слово повторил свою прежнюю речь, пока Оуэн неловко переминался с ноги на ногу.

— Ах... так мне позвонить мисс Бишоп? — спросил Оуэн, когда Штамм, наконец, повесил трубку со злобным самодовольством на лице.

— Почему бы и нет? — слегка удивив племянника, спросил в ответ Штамм.

Затем он дружески положил руку на плечо доктора Краффта и перебил его тихое бормотание насчет потери Макси.

— Идемте, доктор, идемте! Нам нужно закончить завтрак.

Оуэн глубоко вздохнул и позвонил в отель «Лас Ондас».

— И ты хочешь сказать, он действительно собирается, наконец, продать «Леди Пантагрюэль»? — спросила Клэр скрипучим голосом, виной чему был, разумеется, телефон.

Сейчас она говорила гораздо более бодро и пребывала в возбужденном настроении.

— Питер, дорогой, ты чудо!

— Ты тоже, — с любовью ответил Питер.

Потом с полным безразличием он смотрел, как дядя выходит из кухни, неся чашку кофе, и исчезает в ограбленной библиотеке, закрывая за собой дверь.

— Тебе надо поторопиться, дорогая, — тихо сказал Оуэн по телефону. — Юрист с тобой?

— Да. Все отлично. Мы уже выходим. Пяти минут должно хватить, дорогой. Обожаю тебя.

Пока Оуэн клал трубку, из телефона доносилось нежное мычание и все те же чмоки. Предавшись радостным мечтам, он так и стоял, пока звук из дальнего конца гостиной грубо не вернул его к действительности. Это был дверной звонок, издающий очень неприятный звук.

Что-то проворчав под нос, Оуэн пошел ко входу. Иган, вне всяких сомнений.

Встревоженный доктор Краффт подскочил к двери прежде, чем Оуэн успел сделать второй шаг. От горя потери, не зная, чем себя занять, старик явно ждал прихода начальника полиции. Крупное розовое лицо нависло над седой головой Краффта.

— Сюда, сюда, — суетясь вокруг Игана, говорил Краффт.

— Подождите! — тщетно прокричал Оуэн.

Но Иган уже пытался открыть дверь в библиотеку. Он уже ударил по ней могучим плечом, и треск разбухшего от влаги дерева заглушил крик Оуэна. Дверь распахнулась, раздался глухой стук, затем яростный вопль.

Глава VII
Якорь тащит весь корабль!

Несмотря на страх, Оуэну предстояло снова воспользоваться часами!

Очень быстро, чтобы рисковать как можно меньше, он повернул длинную стрелку почти на две минуты. Магическим образом зал опустел. Яростный вопль стих. Оуэн опустил часы обратно в карман, слишком сосредоточенный даже для того, чтобы порадоваться, что в этот раз его не засосало в бездну времени. Все внимание Оуэна было сфокусировано на том, чтобы не дать Краффту добраться до двери раньше него.

Громко зазвенел звонок.

— Входите, входите, — рывком открыв дверь, сказал Оуэн. — Да, да, здравствуйте, Иган. А теперь стойте, где стоите! Не шевелитесь и ждите!

— Но Питер! — суетясь вокруг вошедшего, встревоженно сказал доктор Краффт. — Твой дядя ждет этого джентльмена.

— Знаю, доктор. Но подождите. Позвольте мне самому разобраться со всем.

Пожав плечами, доктор Краффт подчинился,

уставившись на Оуэна. Все трое неподвижно стояли секунд сорок, не отрывая ожидающих взглядов от закрытой двери в библиотеку. Затем из-за нее донеслись шаги, дверная ручка задребезжала, сама дверь бунтарски застонала, не желая покидать разбухшее деревянное лежбище, и наконец открыв ее, С. Эдмунд Штамм ввалился в зал. Он сердито посмотрел на стоящих и зашагал прочь, сжимая в руке записную книжку.

— Горизонт чист, — с облегчением сказал Оуэн. — Идемте. Но будьте осторожны, Иган. Прошу вас, будьте осторожны! Смотрите за лампой.

Удивлено поглядывая на своего проводника, начальник полиции проследовал за ним по залу. К тому времени как они добрались до обчищенного шкафа, который был их целью, нервозность Оуэна возросла до такой степени, что Иган начал бросать на него долгие печальные взгляды.

— Расскажи мне, что стряслось, Пит, — задумчиво потирая подбородок и осматривая разбитый шкаф, предложил Иган.

Оуэн собрался было ответить, хотя уже начал уставать от расспросов, когда до его сознания донесся тонкий прерывистый писк из зала.

— О, боже! Прошу прощения!— внезапно воскликнул он и выбежал из библиотеки.

Писк шел из телефонной трубки, висящей на проводе. Оуэн схватил ее.

— Алло? Алло? — затараторил он.

— Питер! — Это был голос Клэр, звучащий весьма сердито. — Ты в порядке?

— Конечно. А что произошло?

— Вот именно это я и хочу знать! Ты вытащил меня из постели на рассвете и сказал немедленно ехать в Лас Ондас, и когда, наконец, снизошел до того, чтобы позвонить мне, то просто сказал: «Это Питер» и спокойно ушел. Я не позволю так с собой обращаться, Питер! Я... о, я повешу трубку прежде, чем скажу что-нибудь, чего не должна!

Так она и сделала.

— Ох! — в сердцах воскликнул Оуэн, поняв, что произошло.

Повернув стрелки часов, чтобы не дать Игану ворваться к дяде Эдмунду, он тем самым стер почти весь разговор с Клэр. Так что, разумеется, он не сказал ей, что нужно поспешно ехать сюда.

Слегка вздрагивая, Оуэн позвонил в отель «Лас Ондас». Пока он считал гудки, сзади понеслись яростные крики С. Эдмунда Штамма. В гневной тираде то и дело всплывало имя начальника полиции.

— Нет, я повешусь! — яростно пригрозил Оуэн.

Он выхватил часы из кармана так быстро, что даже не успел подумать о возможной опасности, заключенной в них как в якоре. Торопливо прикинув, сколько минут нужно отмотать, Оуэн повернул стрелки.

В доме стало тихо. Телефонная трубка лежала на своем держателе в стенной нише. Сделав глубокий вдох, Оуэн поднял ее и продиктовал номер отеля. Когда Клэр наконец подошла к телефону, он уже знал, что скажет.

— Клэр! — воскликнул он. — Я безумно тебя люблю! Только не вешай трубку! Выслушай меня, пожалуйста! Возможно, мне придется сделать кое-что жизненно важное прежде, чем я закончу говорить. Но, пожалуйста, подожди.

— Это ты, Питер? — спросила Клэр. — Конечно, я подожду. А в чем дело, дорогой?

Он опять сказал, что ей как можно быстрее нужно попасть в дом Штамма. Быстро попрощавшись, Оуэн яростно помчался к входной двери, как раз успев к тому моменту, как в который уж раз зазвонил звонок.

Беззаботность Оуэна создала у Игана впечатление, будто ограбления совершались так часто, что единственной естественной реакцией на них была полнейшая скука. Оуэн осторожно завел

Игана в библиотеку, вывел оттуда дядю Эдмунда и со всеми удобствами устроил его под зонтом во внутреннем дворике. Оуэн пытался не думать о ругающихся Иганах и Штаммах, которых он оставил в других временах, и когда в дверь позвонили опять — на тот момент Оуэн был в библиотеке вместе с Иганом, — он мог лишь стоять, в изумлении глядя на начальника полиции, вытирающего порошок для снятия отпечатков пальцев с разбитых дверей шкафа. Оуэн пытался понять, как Иган может быть в библиотеке и у входной двери одновременно, и что случится, когда Иганы встретятся друг с другом.

Оуэну стоило больших усилий собраться с духом, вспомнив, что сейчас он не двигался сквозь время и звонить в дверь, предположительно, могли и другие люди, а не только Иган. Затем Оуэн вышел из библиотеки и встретил Клэр и ее юриста. Поскольку вы, наверняка, видели последний фильм Клэр Бишоп, описывать ее нет особого смысла. Сейчас, как и тогда, у нее была все та же ангельская копна светлых вьющихся волос и та же бойкая походка. Юрист выглядел человеком, стершим грань между людьми и судебными роботами. Он был полностью бескровным и бесцветным, а рот ему заменяла щель,

через которую периодически вылетали мнения, рожденные специальным анализатором в его голове. Живость Клэр настолько контрастировала с бесстрастностью юриста, что Оуэн с трудом мог вынести это.

С сердцем, колотящимся в горле, и рукой в кармане с часами, Оуэн разместил персонажей личной драмы по местам. Иган и его помощники были изгнаны на террасу, чтобы поискать там следы обуви грабителей. Дядю Эдмунда он, можно сказать, собственноручно внес на подушке в библиотеку и с продуманной заботой поместил его за огромным столом. Клэр и юрист были заведены туда же. Переведя взгляд с Клэр на судебного робота, а затем на дядю Эдмунда, Оуэн не мог не почувствовать, что девушка находится между молотом и наковальней. Юрист казался наковальней. Его глаза сканировали помещение, а разум быстро рисовал кривую на графике, и он ждал в тикающей тишине.

Возможно, дядю Эдмунда усмирила ужасающая расторопность юриста. Каким-то образом договор оказался на столе в разложенном виде в рекордно короткие сроки. Естественная медлительность Штамма дала сбой перед механической быстротой судебного робота. У Оуэна

появилось впечатление, что юрист распечатал договор прямо у него на глазах, используя необъяснимый дистанционно-типографский процесс, хотя, конечно, все было не так. Оуэн обменялся телячьими взглядами с Клэр, представляя собой торжество человека над машиной.

— Ну... — став заложником честности, сказал дядя Эдмунд. — Думаю... эх...

Он взял ручку и стал возиться, плетя ее кончиком в воздухе замысловатую финифть. Затем бросил взгляд на Клэр.

— Разумеется, в роли Клэр я представлял кого-то повыше, — обидным тоном заметил дядя Эдмунд.

Клэр глубоко вздохнула. Рука Оуэна больно сжала ее ладонь, и она без слов выдохнула воздух.

— Конечно, у меня было предложение и получше, — решив напоследок соврать, сказал дядя Эдмунд.

Юрист глянул на наручные часы, измеряющие время до микросекунд. Дядя Эдмунд нервно посмотрел на него и поставил кончик ручки на пунктирную линию. Он вывел большую, выпендрежную букву «С»...

У его локтя громко зазвонил телефон.

Оуэн ринулся вперед.

— Я возьму, я возьму, — протараторил он. — Не отвлекайтесь, дядя Эдмунд. Подписывайте. Да, да, алло.

Юрист уделил телефону некоторое внимание, словно он когда-то в молодости был телефонным коммутатором.

На том конце провода возникло некоторое замешательство. Потом заговорил жалобный голос, сообщая, что звонит Лос-Анджелес. Но его заглушил более низкий голос, требуя позвать начальника Игана.

— Это Игана, — сказал Оуэн ожидающему дяде, который холодно смотрел на него, подняв брови.

Ручка оторвалась от только что нарисованных линий. Оуэн подошел к разбитой застекленной двери, пытаясь успокоить бешеное биение сердца, и окрикнул начальника полиции. С края террасы донесся голос, и к двери приковылял Иган. Оуэн как раз успел увести его к другому выходу.

— Можете взять в зале, — быстро сказал он. — Трубку, я имею в виду. Это вас. Вот туда и потом за угол.

Штамм прижал ладонь ко лбу. Оуэн посмотрел на него с бешено колотящимся сердцем.

— Ну? — спросила Клэр голосом не менее язви-

тельным, чем лучшие попытки Штамма.

Но после предостерегающего взгляда юриста не стала продолжать.

— О, мои нервы, — тихо сказал Штамм и сделал ошибку, встретив холодный расчетливый взгляд юриста.

Будучи трусом, как и все задиры, он снова взял ручку. Обведя взглядом всех присутствующих, дядя Эдмунд, видимо, попытался найти причину, послужившую бы хорошим поводом для дальнейшего оттягивания момента подписания договора. Но Клэр отлично усвоила урок. А может быть, теперь она вообще не слышала о Шостаковиче. Оуэн затаил дыхание, когда дядя Эдмунд вывел букву «Э».

Звук ручки, скребущей по бумаге, казался очень громким в полной тишине.

— Ты, грязная подлая крыса!

Невероятно, но это прогремел голос начальника Игана. Ручка дяди Эдмунда ударилась о стол, выпав из обессилевших пальцев. Стулья заскрипели и заскрежетали, когда все присутствующие, не веря своим ушам, развернулись и уставились в дверной проход, загороженный огромной синей фигурой начальника. В том, к кому он обращался, сомнений быть не могло. Иган вытянул могучую

руку, указывая прямо на дядю Эдмунда, и побагровел еще сильнее, чем раньше.

— Ты, трусливый, лживый, мелкий подлец! Добился, чтобы меня уволили, да? — проревел он. — Это грязно даже для тебя!

Оуэн жалобно простонал и вскочил на ноги.

— О, нет, нет, только не сейчас! — рванувшись вперед, прокричал он. — Иган, стойте!

Но Иган не обратил на его мольбу никакого внимания. Отпихнув Оуэна в сторону, он продолжал шагать к столу, закатывая рукава с ужасным намерением применить огромную розовую булаву — свой кулак.

— Я ждал этого момента многие месяцы, — приближаясь к напуганному и онемевшему Штамму, заявил он. — Я не мог сделать этого, пока носил форму. Но теперь я гражданский! Это будет того стоить!

Разбрасывая стулья в стороны, Иган надвигался, как паровоз. Он обогнул угол стола и со звучным стуком кулака о тело повалил С. Эдмунда Штамма на пол.

Клэр невольно захлопала в ладоши. Юрист не пошевелился. Казалось, он анализировал происходящее с отрешенностью, достойной восхищения. Оуэн вцепился в голубые эмалевые

часы, тщетно пытаясь успокоить дрожащие пальцы. Время пошло вспять...

* * *

В этот раз было еще хуже, чем прежде.

Ужасная дезориентация приковала внимание Оуэна к гигантскому раскачивающемуся маятнику, когда мир ушел у него из-под ног. Он бешено бросился в кресло и ухватился руками за подлокотники, пытаясь укрепиться наподобие осьминога. Но кресло растаяло в тумане, и он стремительно полетел сквозь время. Еще секунду Оуэн видел исчезающее изображение дяди Эдмунда, скорчившего демоническую гримасу и рвущего договор на части перед носом у Игана.

Затем маятник качнулся, дневной свет уступил место тьме, Оуэн услышал раскат грома и увидел библиотеку, подсвеченную молнией. Он отмотал время дальше, чем намеревался, и попал в прошлую ночь. А затем обратно.

Щелк!

Оуэн стоял на четвереньках перед столом, словно вымаливая прощение перед троном владыки. Клэр и юрист смотрели на него сверху вниз. Со стола донесся звук ручки, царапающей бумагу, но тут же прекратился, когда Штамм сердито

спросил:

— Какого черта... Питер?

Зазвонил телефон.

Оуэн вскочил, как брошенный катапультой, и выхватил трубку из-под опускающейся уже руки дяди. Штамм в ужасе дернулся.

— Не делай так! — пожаловался он.

Но Оуэн едва ли слышал. В трубке опять раздался спор между мэром и оператором междугородней связи. И опять мэр одержал верх.

— Он только что ушел, — пробормотал Оуэн в ответ на просьбу позвать Игана. — Тут вы его уже не застанете. Позвоните в штаб-квартиру. Он не вернется сюда. Никогда.

Затем Оуэн судорожно повесил трубку, заметил, что все еще держит часы в руке и положил их в карман, со слабой улыбкой взирая на лица, в изумлении повернувшиеся к нему. Клэр казалась расстроенной, юрист производил короткую проверку на вменяемость, основанную на наблюдениях, а Штамм сидел с оскорбленным видом.

— Ошиблись номером, — неуверенно сказал Оуэн.

Штамм одарил его долгим, пристальным взглядом.

Затем взял ручку и подписал договор.

Оуэн сделал глубочайший вздох облегчения. Штамм сердито посмотрел на него, бросил ручку и небрежно передвинул бумаги на другую сторону стола. Юрист поднялся на ноги.

— Свидетели, пожалуйста, — сказал он.

— Для договора на передачу прав? — спросил Штамм. — Это обычная процедура?

— Рекомендуется для подобных случаев, — ответил юрист голосом, не терпящим возражений.

— Хорошо, я засвидетельствую, — вызвался Оуэн. — Где подписывать?

— Нет, вам нельзя, — медленно осмотрев его, сказал юрист. — Кровное родство. Нужны незаинтересованные свидетели.

На самом деле юрист имел в виду, как Оуэн прекрасно понял, что свидетель должен быть вменяемым. Но он был слишком подавлен, чтобы обидеться на такой намек.

В этот удачный момент показался доктор Крафт, быстро шагающий по террасе.

— Начальник Иган! — негромко, но взволнованно позвал он. — Начальник Иган, вы нашли какой-нибудь след малыша Макси?

— Доктор Крафт! — прокричал Оуэн и затем, поразившись громкости собственного голоса, подошел к двери и сказал потише: — Доктор

Крафт, можете подойти к нам на секунду? Нам нужен свидетель подписи дяди Эдмунда.

— Два свидетеля, — решительно сказал юрист.

— Ах да, конечно, — улыбнувшись, сказал доктор Крафт. — Польщен, весьма польщен. Мой дорогой начальник, возможно, вы составите мне компанию? Идемте.

Сглотнув, Оуэн отошел в сторону, чтобы пропустить их. В конце концов контракт был подписан. Худшее, разумеется, осталось позади. Но он не выпускал часы из рук, с жаром молясь, чтобы не пришлось рисковать и пользоваться ими снова, пока смотрел, как доктор Крафт ставит свою (весьма простую) подпись в нужной графе.

Быстро подойдя, Иган сделал из процедуры подписания небольшое представление. Он хотел узнать, под чем ставит подпись. Краснея, но не меняя решения, он поднес договор к окну, чтобы получше все рассмотреть. Оуэн крепко стиснул часы в руке, не сводя взгляда с Игана и ожидая услышать фатальный телефонный звонок.

Иган, удовлетворившись увиденным, приложил договор к окну и трудолюбиво нацарапал на нем свое имя. Но не успел отнять ручку от бумаги, как телефон разразился яростным звоном.

— Я возьму! — ловким движением опережая

порыв Оуэна, сердито отрезал дядя Эдмунд. — Алло, алло? Да, говорит С. Эдмунд Штамм. А вы кого ожидали? Я... а, *«Метро»*! — Его голос стал приторно сладким.

Помещение поглотила тишина. Едва слышное жужжание динамика телефона можно было принять за шмеля, говорящего на человеческом языке.

— Меня просили сообщить вам, мистер Штамм, — прожужжал шмель, — что мы пересмотрели свою позицию относительно «Леди Пантагрюэль». Наша компания только что подписала договор с Джессикой Тэнди, и мы хотим, чтобы она сыграла главную роль в вашей пьесе. Мы готовы заплатить на десять тысяч больше, если пьеса еще продается.

— Конечно продается! — радостно прокричал дядя Эдмунд. — Я... гм... я перезвоню вам через пять минут. Спасибо. До свидания!

Он повесил трубку каким-то странным движением, потому что уже встал с кресла и направился к Игану и договору.

— Отдай мне документ! — потребовал дядя Эдмунд. — Иган, ты слышишь меня? Верни его мне, пока я не сказал мэру, чтобы он уволил тебя!

— Иган, — *нет!* — выскакивая из-за стола, дико

прокричал Оуэн. — Не вздумайте этого делать! Он подписал его! Клэр купила пьесу!

— Докажи! — выпалил дядя Эдмунд. — Я выиграю у тебя в любом суде мира! Ты и твои вороватые дружки знали, что «Метро» согласится на мою цену! Неудивительно, что вы так спешили меня обмануть!

— А все потому, что вы... вы самодовольная старая жаба! — яростно выпалила Клэр.

— Клэр! — бегая кругами, умолял Оуэн. — Иган, пожалуйста! Дядя Эдмунд!

— Иган! — сказал дядя Эдмунд приказным тоном. — Не забывай, кто я такой. Отдай мне мою собственность, или я сделаю так, чтобы тебя уволили еще до заката!

— Ох, да сколько можно врать! — затараторил Оуэн. — Иган, он уже уволил тебя. Давай, разозлись на него! Мэр только что освободил тебя от обязанностей начальника полиции — разве ты не помнишь? Я знаю, это еще не произошло... хочу сказать, вообще-то, произошло, но ты еще не знаешь об этом! Иган!

Но Иган, встревоженно глядя на Оуэна, уже вкладывал договор в протянутую руку Штамма.

Простонав, Оуэн достал и с тонущим сердцем повернул стрелки назад на пять минут, смутно

понимая, что на этот раз окажется слишком далеко.

Его ожидания полностью сбылись.

Глава VIII
Управляемая ракета

С ужасным рывком весь мир ушел из-под ног Оуэна!

Страшная сила, казалось, вырывала Оуэна из себя самого, и сжимая часы смертельной хваткой, он с головокружительной быстротой полетел в непостижимые измерения. Якорь поднимался неприятными рывками, пока Оуэн, вися на конце цепи, раскачивался, как маятник времени.

Опять загремел, завыл шторм прошлой ночи. Сверкнувшая молния на секунду осветила библиотеку тусклым дрожащим светом. Через окно Оуэн увидел кипарис, победно выпрыгнувший из водной могилы и снова вросший корнями в скалу. Еще один рывок. Оуэн поднимался, но не мог понять, в каком направлении, а маятник времени раскачивался все сильнее.

Потом качнулся так, что вышел далеко за пределы, установленные часами. Каким-то непонятным образом перед Оуэном промелькнул радостный, пускающий слюни младенец, в котором он узнал себя. Затем Оуэн увидел бородатого

старика и смутно вспомнил, что это его дедушка, и заметил индейцев, угрюмо строящих часовню под гораздо более молодым и более гибким кипарисом. Маятник остановился в крайней точке. На мгновение все замерло и стало настоящим. Но прежде чем Оуэн оказался на твердой поверхности, мир полетел вперед, и он беспомощно понесся вместе ним, все быстрее и быстрее — прямо до того момента, когда Клэр, адвокат, Иган, доктор Краффт, Штамм и сам Оуэн встали из-за стола.

И дальше!

Лица и события беспорядочно мелькали. Оуэну показалось, что он увидел себя с серой бородой, Клэр, охваченную старческой дрожью, и как их правнуки с любовью сгрудились вокруг них. Затем опять пауза и рывок. Лица исчезли.

Оуэн был абсолютно убежден, что его тащат наверх вместе с якорем, где он взорвется, как глубоководная рыба, достигнув поверхности нормального времени, разбросавшись по многим векам. Он отчаянно хотел отпустить часы, но не смел. Инерция могла утащить его бог знает куда, поскольку он был смазан этой смазкой — чертовым напитком времени — так, что летел бы по скользким дорогам времени до самого... *чего?*

— Нет, нет, — пробормотал Оуэн себе под нос. — Как меня может разбросать по всему тысячелетию? Этого не может быть. Просто быть не может!

Опять все дернулось и замерло.

Затем Оуэна снова закрутило. Время стало твердым, а пространство — жидким, и его понесло назад в прошлое, во время до подписания договора, до уничтожения кипариса — в самое начало шторма.

На этот раз маятник качнулся слабее. Когда якорь поднялся, дуги, казалось, стали короче. Оуэн остановился в красном свете вчерашнего заката и снова начал пролетать через бесконечное повторение событий прошлой ночи.

Он закрыл глаза, будучи не в силах наблюдать, как кипарис снова постигнет удар неумолимой судьбы. И открыл их как раз вовремя, чтобы увидеть то, что заставило его затаить дыхание. Нечто, которое на самом деле принесет ему победу, если он когда-нибудь сможет остановиться, чтобы воспользоваться этим.

Оуэн проносился через ранние часы прошлой ночи. Двигаясь очень быстро и сжимаясь во времени, он заметил дьявольское лицо дяди Эдмунда у закрытой застекленной двери библиотеки.

Оуэн увидел кирпич в руке Штамма, поднявшего взгляд на небо. Грянул гром, и вместе с ним кирпич разбил стеклянную дверь.

Ошарашенный Оуэн увидел, как его оставшийся прежним дядя вбежал в комнату, швырнул кирпич в стенной шкаф и яростно мелькающими руками в перчатках стал выгребать ценные и ужасные золотые монеты. Двигаясь как молния, доморощенный преступник подбежал к сейфу, распахнул его дверцу и ссыпал монеты туда с быстротой, превышающей скорость света. В последний момент было видно, как дядя Эдмунд оглядел комнату, встретился взглядом с маленькой зеленой жабой, сидящей на столе, и яростно кинув Макси к монетам, захлопнул дверь сейфа.

Итак, теперь все стало ясно — но слишком поздно. С. Эдмунд Штамм и был грабителем, обчистившим библиотеку. С присущим ему недостатком порядочности и метким броском кирпича Штамм убил сразу нескольких зайцев. Количество счетов неуклонно росло. А монеты, разумеется, были застрахованы. И дядя Эдмунд, наверное, прошлой ночью посчитал, что Клэр не купит «Леди Пантагрюэль» ни при каких обстоятельствах после того, как они не сошлись во мнениях о Шостаковиче.

Так что он совершил ограбление, которое должно было не только обогатить его на пустом месте, но еще и дать возможность отомстить начальнику Игану, а также избавиться от Макси, чтобы доктор Крафт не тратил зря время на свои эксперименты и мог оказывать больше внимания Штамму, помогая с новой пьесой.

Шокированный, но не удивленный, Оуэн покачал головой. Затем, в конце концов, понял, что мирские вещи его мало интересуют. Якорь все еще поднимался рывками, от которых тошнило. Очень скоро Оуэн выскочит из пара времени, прицепившись к якорю, как раковина моллюска, только для того, чтобы разбросать свои ошметки по всему миру.

Продираясь сквозь время, Оуэн на секунду увидел себя самого и доктора Крафта, обсуждающих бесконечно появляющийся стакан пива, и до него эхом донеслись слова старика — действие и реакция на него, всеобщие законы физики, мгновенно появляющийся объект — и результат столкновения с другим путешественником во времени. Что, если так и случилось? Инерция, по крайней мере, могла прервать бесконечное раскачивание.

Другой путешественник во времени был един-

ственным вероятным объектом в паравремени, с которым *можно* столкнуться.

— Постой-ка! — внезапно приказал Оуэн себе, но, разумеется, тщетно. — Еще один путешественник во времени?

Конечно, он был. Часы! Оуэн и часы вместе, в смазке, ликвидировавшей трение, мечущиеся из одного конца времени в другой.

Что произойдет, если он швырнет часы в сторону? В его сознании зашевелились какие-то смутные представления о принципах отдачи. Человек, находящийся в открытом космосе, может двигаться, бросая объекты в пустоту.

Оуэн сделал замах — и задержал руку в таком положении, когда в его голове промелькнула еще одна мысль. В конце концов, он ведь был племянником С. Эдмунда Штамма. И он может убить двух зайцев одним броском, как сделал его дядя. Оуэн представил это в одном красивом, ослепительном образе.

Если идеи доктора Краффта были не полной ерундой, это должно сработать. Любимые тессеракты доктора Краффта, которые он пытался превратить в трехмерные кубы, передавая им энергию сквозь время. Вообще-то, на практике это ни разу не сработало. Как не сработало это и в

трехмерном мире. Но это ничего не значило, если основная идея была правильной. Если объект действительно движется сквозь время, — как часы, — и столкнется с твердым кубом — например, сейфом — произойдет нечто странное.

С яростным терпением Оуэн ждал момента покоя в конце каждого подъема маятника. Такие моменты становились все короче и короче. Он на мгновение остановился в жидком центре кухни, глядя, как Штамм и доктор Краффт с неослабевающим аппетитом, жадно приступают к тысячному завтраку, несмотря на то, что Оуэна уже тошнило от одного только вида овсянки. Увидел, как они вихрем исчезли, когда он снова понесся сквозь время, затем стал замедляться, все приближаясь и приближаясь к сцене в библиотеке, в которой глазам предстала живая картина: протянувший руку Штамм, требующий отдать ему договор у замешкавшегося Игана.

Время остановилось. Оуэн собрал все силы и, как только почувствовал начало падения, швырнул часы мимо головы Штамма в стенной сейф.

Результат оказался поразительным, хотя и совершенно логичным.

Резиновый мячик, брошенный в незакрепленный ящик, немного сдвинет его, а сам, обладая

меньшей массой, отскочит. Но ящик все же *переместится.* Физические законы требуют, чтобы он переместился... в пространстве.

Часы двигались как во времени, так и в пространстве. Их физической массы, разумеется, было недостаточно, чтобы сместить сейф в пространстве хотя бы на толщину волоса. Но время измеряется по-другому. Несколько микрометров в пространстве могут быть незаметны невооруженным взглядом, но пара секунд или минут во времени — совершенно иное дело.

Если вкратце, то столкновение с часами превратило сейф в тессеракт.

Яростно отскочив, часы отлетели в бесконечность под углом, который глаз не может определить, и оказались там, где их никто не сможет найти. Но сейф, казалось, дернулся, пошевелился и затем раскрылся, как аккордеон. Как это выглядело, рассказать невозможно, поскольку не существует слов, чтобы описать движение тессеракта в родном измерении. Но результат такого движение описать весьма просто — прозрачность.

Толчок! Щелчок!

— Крайне неэтично, — пробормотал юрист, когда Иган отдал документ.

— Иган! — тяжело падая на пол, вскричал Оуэн, не совсем осознавая, что очутился в нормальном времени. — Иган, подождите! Смотрите!

Вытянутый палец указывал на сейф.

— Боже мой! — отходя назад и опуская руку, ошарашенно сказал Иган. — Штамм, смотрите! *Что это?!*

Жадная рука Штамма промахнулась мимо договора, а тон голоса Игана заставил его резко развернуться в ожидании чего-то ужасного.

Глаза всех присутствующих уставились на сейф. На мгновение воцарилась абсолютная тишина.

Затем, с душераздирающим криком: «Макси!», доктор Краффт помчался вперед. Его протянутые руки прошли через взорвавшийся во времени сейф, словно стальные стены были из воздуха. Печально и иронично, что только гораздо позже он понял, что́ все-таки сделал. Кульминация экспериментов всей жизни успешно свершилась в первый и последний раз перед его глазами, но все, что доктор Краффт увидел, — широкая зеленая улыбка Макси, и воссоединение со своей дорогой лягушкой было единственным, что в тот момент имело значение.

Для начальника полиции все обстояло совер-

шенно по-другому. Поскольку Макси расположился на отлично видимой куче золотых монет, сжатых в плотную массу невидимыми стенами сейфа.

— Это же коллекция монет, — изумленно сказал Иган. — Но вы сказали, что ее украли!

Он медленно повернулся к С. Эдмунду Штамму. Лицо начальника полиции побагровело.

— Ага, — сказал он. — Думаю... думаю, я все понял. Да. Конечно, я все понял!

— Абсурд! — выпалил Штамм. — Нелепость! Я понятия не имею, как... как... — пока слова разносились по библиотеке, на его лице появились вина и замешательство.

— Но что вообще происходит? — потребовала Клэр, чей голос превратился в писк. — Сейф! Посмотрите же на него! От него у меня кружится голова. Думаю, я... я сейчас упаду в обморок... или еще что похуже.

Оуэн с радостью подхватил ее на руки.

— Ничего страшного, дорогая, — сказал он. — Не смотри на него. От этого, действительно, кружится голова, но не думай об этом. Сейф уже снова сжимается. Через минуту-две он будет выглядеть, как прежде. Интересно, почему так? Временная память металла? Или сейф просто догоняет себя

во времени?

Никто не обратил внимания на эти безумные слова. Глаза всех неотрывно смотрели на медленно твердеющий металлический куб.

Все, кроме фотоэлектрических линз юриста. Важно прокашлявшись, он сделал шаг вперед.

— Начальник Иган, — сказал он, — могу я попросить у вас договор?

— Договор! — вернувшись к жизни при звуках магического слова, вскричал Штамм. — Он мой! Иган, я требую отдать его мне!

Иган медленно повернул массивную голову.

— Какой договор? — спросил он.

Затем намеренно повернулся спиной к Оуэну и заложил руки за спину. Документ многозначительно дергался вверх-вниз, как хвостик малиновки.

Оуэн взял договор. Иган разжал руку. Толстые указательный и большой пальцы образовали символ «О», обозначающий, что все прошло как по маслу. Юрист, видимо, не заметивший этого эпизода, сунул заверенный чек в обмякшую руку Штамма.

— О, договор, — сказал Оуэн из-за копны благоухающих светлых волос, прижатых к его щеке. — А что, он у меня, дядя Эдмунд, подписанный, с

печатями и засвидетельствованный. Мы с Клэр сейчас уходим. Кстати, я увольняюсь. Уверен, что вам и начальнику Игану есть много — очень много — чего сказать друг другу!

Дальше наступила тишина, если не считать яростных криков С. Эдмунда Штамма.

* * *

Читатель будет доволен, узнав, что Штамм был наказан по всей строгости закона и с ужасным позором навсегда выдворен из Лас Ондаса.

Что касается Фреда Игана, то он остался начальником полиции и занимает свой пост по сей день к вящей радости пожилых леди, маленьких детей и пьяниц, которых он заботливо доводит до дома по ночам ко всеобщему удовольствию.

Доктор Краффт и его дорогой Макси вернулись домой в Коннектикут и снова погрузились в эксперименты с тессерактами, хотя, разумеется, им так и не удалось ничего доказать.

И, что неизбежно, фильм «Леди Пантагрюэль» добился огромного успеха в прокате, но, конечно, не в художественном плане. Он стал началом долгой и многообещающей карьеры счастливых молодоженов Клэр и Оуэна в качестве актрисы и руководителя труппы актеров соответственно. У

них уже двое прекрасных детей, но они собираются завести третьего.

Наконец, Прищур, Зевок и Кивок установили на якорь более надежную защиту от дурака и продолжили путешествие сквозь время в чарующее прошлое. И живут они еще лучше, чем когда-либо прежде.

As you were, (Thrilling Wonder Stories, 1950 № 8).
Пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.

КОНЕЦ СНА

В лечебнице никогда не бывало спокойно. Даже когда ночь приносила сравнительное успокоение, в воздухе все равно висела какая-то угроза — столь же неизбежная для циклических психических расстройств, хотя и не столь регулярная, как вращение карусели.

Тем вечером у Грегсона из палаты № 13 начался очередной приступ маниакально-депрессивного психоза, что вызвало суматоху. Прежде чем санитары сумели надеть на него смирительную рубашку, он успел сломать руку неподвижному, «замороженному» пациенту, который не издал ни звука, даже когда хрустнула кость.

Получив дозу апоморфина, Грегсон уснул. Теперь несколько дней, пока длится приступ, он должен был пробыть во сне — неподвижный, немой и ничем не интересующийся. Все это время никакая сила в мире не должна быть способной его разбудить.

Доктор Роберт Бруно, заведующий персоналом, подождал, пока выйдет медсестра, проводящая очередную инъекцию, затем кивнул санитару.

— Прекрасно. Подготовьте пациента. Через полчаса он должен быть в операционной номер три.

Он вышел в коридор, высокий спокойный человек с холодными голубыми глазами и твердо сжатыми губами. Там его ожидал доктор Кеннет Морисси. Молодой человек выглядел обеспокоенным.

— В операционной, доктор?

— Идемте, — сказал Бруно. — Нам нужно подготовиться. Как Уилер?

— Простой перелом лучевой кости. Я наложил шину.

— Передайте его другому врачу, — велел Бруно. — Мне нужна ваша помощь. — Он отпер своим ключом запертую дверь лифта. — Грегсон в надлежащем состоянии для эксперимента.

Моррисси ничего не ответил. Бруно коротко рассмеялся.

— Что опять беспокоит вас, Кен?

— Вот это слово — эксперимент, — ответил Моррисси. — Синтетический наркотик пентотал тоже был вначале экспериментом. Теперь он суррогат эмпатии.

— Если что-то случится, то отвечать придется мне, а не вам и не Грегсону, — заявил Бруно.

— Не будьте так уверены.

Они вошли в лифт.

— Да, я *уверен,* — с нажимом сказал Бруно. — Такого правила я придерживаюсь всю жизнь. Сначала я должен удостовериться. Я должен иметь полную уверенность, прежде чем испробую что-то новенькое. Этот эксперимент не может потерпеть неудачу. Я не рискую своими пациентами.

— Ну...

— Идемте, — Бруно прошел от лифта в смотровую. — Хочу пройти заключительную проверку. Измерьте мне кровяное давление. — Он сбросил белый халат и привычными движениями обмотал руку эластичной лентой тонометра.

— Я объяснил ситуацию жене Грегсона, — продолжал Бруно, пока Моррисси работал грушей. — Она подписала документ о согласии, так как поняла, что это единственная возможность излечить Грегсона. В конце концов, Кен, Грегсон болен уже семь лет. У него начались физиологические изменения в мозгу.

— Вы хотите сказать, на клеточном уровне? Гм-м... Меня волнует не это. Давление у вас в норме. Теперь сердце...

Моррисси взял стетоскоп и через некоторое время кивнул.

— У врача нет права бояться неизведанного, — сказал Бруно.

— Врач не может чертить карту неисследованной территории, — резко ответил Моррисси. — Можно разъять на части тело, но нельзя сделать то же самое с душой. Как психиатр, вы первым должны признать, что мы не знаем ничего, что творится в сознании. Вы стали бы переливать себе кровь больного менингитом?

— Колдовство, Кен, чистой воды колдовство, — тихонько рассмеялся Бруно. — Теория о микробе психоза! Вы боитесь, что я заражусь от Грегсона безумием? Очень не хочу вас разочаровывать, но подобные нерегулярные припадки не заразны.

— Только потому, что вы не видите этого микроба, еще не значит, что его не существует, — проворчал Моррисси. — А как насчет фильтрующегося вируса. Несколько лет назад никто и подумать не мог о «жидкой жизни».

— Вернитесь еще в елизаветинские времена и начните говорить о сплине и юморе. — Бруно надел рубашку и халат, затем немного успокоился. — В каком-то смысле, да, это как переливание крови. Единственный тип подобного переливания. Я признаю, что нам мало что известно о психозах. Но так же никто не знает, как чело-

век вообще мыслит. Это тот рубеж, на котором медицина встречается с физикой. Из подобной встречи колдовства и медицины синтезировали дигиталин. А теперь ученые начинают понимать природу мысли — ее электронную матрицу.

— Чисто эмпирически! — вставил Моррисси.

— Сравните не мозги, а сам разум, с урановым котлом, — сказал Бруно. — Потенциально разум находится на грани атомного взрыва, потому что нельзя создать в высшей степени специализированный коллоид для мышления, не приблизившись к опасному рубежу. Это — плата людей за то, что они стали *Гомо Сапиенсом, Человеком Разумным.* В урановом котле есть стержни из борсодержащей стали в качестве замедлителей, чтобы поглощать нейтроны прежде, чем они выйдут из-под контроля. В разуме же, естественно, эти замедлители чисто экстрасенсорные, но именно они позволяют человеку оставаться нормальным.

— При помощи аналогий можно доказать все что угодно, — неприятным голосом сказал Моррисси. — Но вы не можете ввести через Грегсона стержни из борсодержащей стали.

— Да нет, могу, — возразил Бруно. — На самом деле, могу.

— Но эта идея замедлителей мысли... Вы же не можете...

— А что такое мысль? — спросил Бруно.

Моррисси поморщился и вышел следом за своим начальником.

— Можно построить диаграмму мыслей на энцефалографе, — упрямо сказал он.

— Потому что мысль — излучение. А что такое излучение? Энергия, которую испускают определенные электронные схемы. Что же порождает эти электронные схемы? Основная физическая структура материи. Что заставляет уран в определенных условиях испускать нейтроны? То же самое. Если урановый котел начинает выходить из-под контроля, можно замедлить этот процесс, поместив в него стержни с бором или кадмием.

— Если действовать достаточно быстро. Но почему вы хотите использовать именно Грегсона? Он ведь болен уже многие годы.

— Если бы он был безумен всего лишь неделю, мы не смогли бы доказать, что помог излечить его не пентотал. Вы просто пытаетесь избежать ответственности. Если не хотите помогать мне, так и скажите, и я возьму кого-нибудь другого.

— Понадобятся недели, чтобы обучить другого, — возразил Моррисси. — Нет уж, я останусь с

вами. Только... А вы подумали о возможном воздействии на ваш собственный разум?

— Конечно, — кивнул Бруно. — А как вы думаете, зачем, черт побери, я прошел через полную психологическую проверку? Я абсолютно настроен, я так нормален, что мой разум, должно быть, истыкан стержнями замедлителя из бора. — Он приостановился у двери своего кабинета. — Здесь Барбара. Встретимся в операционной.

Моррисси опустил плечи. Бруно чуть улыбнулся и открыл дверь. Его жена сидела на кожаной кушетке, вяло листая страницы ревю по психиатрии.

— Учишься? — сказал, входя, Бруно. — Хочешь получить место медсестры?

— Привет, любимый, — сказала жена, отбрасывая журнал.

Она подошла к нему, маленькая, смуглая и, академически подумал Бруно, ужасно симпатичная. Когда он поцеловал ее, его мысли перестали быть чисто академическими.

— Что происходит?

— Ты займешься этим делом сегодня вечером, не так ли? Я пришла пожелать тебе удачи.

— Откуда ты узнала?

— Боб, — с укоризной сказала жена, — мы же-

наты уже достаточно долго, так что я немного научилась читать твои мысли. Не знаю, что это за дело, но знаю, что оно очень важное. Так что — удачи тебе!

И она снова поцеловала его, а затем поклонилась и с улыбкой выскочила из кабинета. Доктор Роберт Бруно счастливо вздохнул и обошел свой стол. Глянул на сигнализатор, убедился, что в санатории все спокойно, и с удовлетворением прищелкнул языком.

Теперь — эксперимент...

В операционной № 3 было установлено специальное оборудование для эксперимента. Атомный физик Эндрю Парсон, сотрудник Бруно, был уже там, маленький, неряшливый, с нахмуренным морщинистым личиком, выглядевшим неестественно под хирургической шапочкой. Здесь не планировалось никакой настоящей операции, даже не предстояло вырезать в черепе пациента круглые отверстия, но все стерильные меры предосторожности были приняты как само собой разумеющееся.

Анестезиолог и две медсестры тоже были готовы, и Моррисси, в белом халате, казалось, забыл о своих тревогах и принял обычный сосредоточенный вид. Грегсон лежал на одном из столов, уже

подготовленный, под наркозом. Кроме того, в его систему будет добавлен апоморфин.

Здесь присутствовали также еще два врача — Фергюсон и Дэйл. Если бы что-то пошло совсем не так, то в самом худшем случае потребовалась бы срочная операция на мозге. *Но ничего,* подумал Бруно, *ничего не может пойти не так.* Он глянул на гладкие и блестящие корпуса машин со всякими насадками и циферблатами приборов. Они не входили в медицинское оборудование. Это была вотчина Парсона — именно он сконструировал и построил их. Но первоначальную идею подал Бруно, и именно психиатрические знания Бруно легли в основу технологии Парсона. Тут встретились две отрасли науки, и результатом должно стать особое лечение безумия.

На голове Бруно уже были выбриты два круглых пятна. Парсон аккуратно присоединил к ним электроды, провода от которых тянулись через машины к таким же электродам на черепе Грегсона.

— Помните, — сказал Парсон, — вы должны быть максимально расслаблены.

— Доктор, вы не приняли успокоительного, — добавил Моррисси.

— Мне оно не нужно. Достаточно будет ане-

стезии.

Медсестры с безмолвной компетентностью задвигались возле стола. Проверили аварийный кислородный аппарат. Проверили наличие адреналина, на столике рядом парил стерилизатор со шприцами. Бруно постарался выкинуть все мысли из головы и расслабиться, пока медсестра протирала его руку спиртом.

Суперналожение электронной матрицы совершенно здравого рассудка — этакий психический посыл, аналог замедлителей здравого ума — должен быть введен в спутанное, искаженное сознание маниакально-депрессивного больного.

Бруно почувствовал укол игры. Машинально принялся отсчитывать секунды. Одна. Две. Три...

Он открыл глаза. Над ним нависло рассеянное, погруженное в свои мысли лицо Моррисси. А за ним виднелся ярко сияющий потолок, такой ослепительный, что Бруно невольно заморгал. Руку его слегка жгло, но это были остаточные эффекты.

— Вы слышите меня, доктор? — спросил Моррисси.

— Да, — кивнул Бруно. — Я уже проснулся. — Язык ворочался с трудом, и это было вполне естественно. — Как Грегсон?

Но лицо Моррисси вдруг принялось уменьшаться. Нет, оно просто отодвигалось. Лампы на потолке становились тусклее. *Его начала окружать...*

Он полетел куда-то вниз со скоростью выстрела. Мимо проносились белые стены. Лицо Моррисси превратилось в яркую точку далеко в вышине. По мере падения становилось все темнее. Ветер свистел в ушах, и медленно, постепенно и неуклонно становилось все громче эхо, отражающееся в этой чудовищной пропасти.

Все ниже и ниже, быстрее и быстрее, белые стены стали серыми, потом черными, а потом он окончательно ослеп и был оглушен ревущим эхо.

Внезапно падение прекратилось. Но все было расплывчатым, не в фокусе. Бруно поморгал, кашлянул и с трудом увидел прямоугольную прикроватную ширму. И было что-то еще — белое, неправильной формы.

— Вы проснулись, доктор?

— Привет, Харвуд, — сказал Бруно медсестре. — Сколько времени я отсутствовал?

— Приблизительно два часа. Я вызову доктора Моррисси.

Она вышла из палаты. Для начала Бруно по-

тянулся. Он чувствовал себя в порядке. Даже головная боль прошла. Зрение уже пришло в норму. Он машинально взял себя за запястье и начал считать пульс. Через окно он видел медленное колыхание веток с листьями, дрожащими на слабом ветерке. Послышались шаги.

— Поздравляю вас, — сказал Моррисси, подходя к кровати. — Грегсон еще в шоке, но уже начинает приходить в себя. Рано еще делать какие-либо прогнозы, но готов поставить кекс, что вы добились своего.

Бруно с облегчением выдохнул.

— Вы так думаете?

— Только не говорите мне, что вы не было уверены! — рассмеялся Моррисси.

— Я всегда уверен, — ответил Бруно. — Но подтверждение все равно приятно услышать. Чертовски хочу пить. И пусть принесут мне немного льда, Кен.

— Хорошо. — Моррисси прошел к двери и позвал медсестру, затем вернулся и опустил жалюзи. — Солнце било вам прямо в глаза. Так лучше? Хочу спросить, как вы себя чувствуете и в чем нуждаетесь?

— Чувствую довольно нормально. Никаких вредных воздействий. Вы должны позвонить

Барбаре и сказать, что я жив.

— Уже позвонил. Она скоро приедет. Между прочим, за дверью ждет Парсон. Хотите его увидеть?

— Конечно.

Физик, должно быть, был возле двери, потому что появился сразу же.

— Теперь я полностью буду зависеть от вас, — сказал он. — Психиатрические исследования вне моей компетенции, но доктор Моррисси уже сказал, что мы, очевидно, добились успеха.

— Мы пока не можем быть в этом уверенными, — осторожно сказал Бруно. — Я держу пальцы скрещенными.

— Как вы себя чувствуете?

— Если в этой больнице и есть более здоровый экземпляр, чем доктор Бруно, — сказал Моррисси, — то я о таком не слышал. Я скоро вернусь. Нужно проверить нашего пациента.

И он вышел.

Бруно откинулся на подушку.

— Сейчас мне нужно отдохнуть, — сказал он, — а завтра я хочу провести на Грегсоне кое-какие тесты. А пока я расслаблюсь... для разнообразия. В этом одно хорошо — процедура настолько совершенная, что можно отвлечься от всего и

отдыхать. У меня надежные помощники...

Жалюзи загремели на ветру. Парсон что-то проворчал и пошел к ним, затем потянул шнурок. Подняв жалюзи, он остался стоять спиной к Бруно. Но за окном было темно.

— Солнце только что било мне в глаза, — сказал Бруно. — Минутку! Только что оно ярко светило. Парсон, здесь что-то не так!

— Что? — переспросил Парсон, не поворачиваясь.

— Моррисси сказал, что я пробыл без сознания только два часа. А анестезию мне ввели в половине десятого. В полдесятого ночи! Но когда я проснулся несколько минут назад, в окно светило солнце!

— Сейчас ночь, — сказал Парсон.

— Этого не может быть. Позовите Моррисси. Я хочу...

Но Парсон внезапно подался вперед и распахнул окно. Затем выскочил из него и исчез.

— *Моррисси!* — закричал Бруно.

Вошел Моррисси. На Бруно он не смотрел, а быстро прошел по палате и выпрыгнул из окна в темноту.

Вошли Фергюсон с Дэйлом — по-прежнему в операционных халатах. И они проследовали за

Моррисси в окно.

Бруно приподнялся. В дверь вошли три медсестры. За ними интерн и санитар. За ними другие.

Кошмарной процессией весь штат больницы потянулся в палату Бруно. В смертельной тишине они шли к окну и выскакивали из него.

Затем с тела Бруно сползло одеяло. Бруно смотрел, как оно медленно плывет к окну.

Потом накренилась кровать! Нет... сама комната начала поворачиваться, вращаться, а Бруно отчаянно цеплялся за спинку кровати, пока неодолимая сила не оторвала его и не повлекла к окну, зиявшему теперь почему-то ниже него.

Кровать опередила Бруно. Он смотрел, как продолговатое окно разевается, точно рот, чтобы проглотить ее. А потом и он сам погрузился в непроницаемую темноту, и повторилось падение, ревущий ад ночи, ветер и гром...

— Боже, о боже! — простонал Бруно. — Какой ужасный сон! Моррисси, дайте мне успокоительное!

— У вас никогда не было прежде сна во сне, доктор? — рассмеялся психиатр. — Это звучит не ободряюще, но вы уже рассказали мне все об этом. Катарсис куда лучше, чем барбитураты.

— Наверное... — Бруно откинулся на подушку.

Это была не та палата, которую он видел во сне. Она была гораздо больше, а за окном стояла обычная темнота. Моррисси сказал, что действие анастезии длилось несколько часов.

— Как бы там ни было, я нервничаю, — пробормотал Бруно.

— Я и не знал, что у вас вообще есть нервы... Вот, Харвуд, — Моррисси повернулся к медсестре и небрежно написал пару слов на дощечке, лежащей на кровати. — Готово. Мы дадим вам успокоительное. А вы не хотите спросить о Грегсоне?

— Да, я и забыл про него, — кивнул Бруно. — Вы уже можете сказать что-то определенное?

— Помните, кривая графика его депрессивного цикла резко пошла вниз? Ну, говорить он еще не может, но чувствует легкую эйфорию. Этакий мягкий восторг. Уже ясно, что вы прервали его припадок. Его разум еще не приспособился к замедлителям, которые вы вставили в него так бесцеремонно, но я бы сказал, что выглядит он

довольно хорошо.

— А что думает Парсон?

— Погрузился в вычисления. Сказал, что хочет с вами поговорить, как только вы придете в себя. Вот ваше успокоительное.

Бруно взял таблетки у медсестры и запил их водой.

— Спасибо. Я бы немного отдохнул. Должно быть, у меня в подсознании накопилось большое напряжение.

— Тогда я ухожу, — сухо сказал Моррисси. — Вот здесь кнопка звонка. Что-нибудь еще?

— Просто отдохну, — сказал Бруно и заколебался. — Нет, еще одно. — Он протянул руку. Пожалуйста, ущипните.

Моррисси глянул на него и рассмеялся.

— Все еще не уверены, что бодрствуете? Могу вас заверить, доктор, что вы не спите. Я не собираюсь прыгать в окно. И сейчас, как можете заметить, все еще ночь.

Бруно молчал. Тогда Моррисси сильно ущипнул его за предплечье большим и указательным пальцами.

— Ай! — невольно вскрикнул Бруно. — Спасибо.

— В любое время, — бодро ответил Моррисси.

— А теперь отдыхайте. Я еще вернусь.

Он вышел вместе с медсестрой. Бруно набрал побольше воздуха и осторожно оглядел комнату. Все выглядело прочным и совершенно обычным. Никакая темная громовая пропасть не пряталась под полом. То был просто неприятный кошмар!

Он взял дощечку, карандаш и начеркал короткое замечание по поводу своего странного сна во сне, прежде чем позволил себе расслабиться. Затем он почувствовал, как успокоительное медленно ползет по нервам теплой и приятной волной, и был рад этому. Думать не хотелось. Для этого будет достаточно времени позже. Позже можно будет подумать об эксперименте по внедрению аналога психозамедлителя, Грегсоне, физике Парсоне и Барбаре... Позже...

Бруно задремал. Казалось, прошла лишь секунда до того, как он снова открыл глаза и увидел за окном солнечный свет. На мгновение в нем поднялась паника, но затем он посмотрел на наручные часы и убедился, что они показывают одиннадцать. Он услышал приглушенные звуки — обычные звуки больничной жизни, протекающей за дверью палаты. Чувствуя себя совершенно обновленным, Бруно встал и оделся.

Из комнаты медсестры Харвуд он позвонил

Моррисси, обменялся с ним короткими поздравлениями, затем прошел в свой кабинет, чтобы умыться и побриться.

Затем позвонил Барбаре.

— Привет, — сказала она. — Моррисси сообщил мне, что с тобой все в порядке. Поэтому я решила подождать, пока ты не проснешься.

— Я уже проснулся. Что, если я приеду домой на ланч?

— Великолепно! Буду ждать тебя.

— Тогда через полчаса?

— Через полчаса. Я рада, что ты позвонил, Боб. Я так переживала.

— Ну и не стоило.

— Твой эксперимент действительно увенчался успехом?

— Об этом пока рано говорить. Скрести за меня пальцы.

Пальцы Бруно все еще оставались скрещенными, когда десять минут спустя он обследовал Грегсона. При этом присутствовали Парсон и Моррисси. Физик продолжал делать пометки. Моррисси стоял молчаливый и напряженный.

Можно было пока что очень мало чего заметить. Грегсон лежал в кровати, с выбритыми белыми кружками на темноволосой голове,

все члены его были расслаблены. Постоянного беспокойства как не бывало. Бруно по очереди открыл пациенту глаза и посветил в них. Зрачки сужались нормально.

— Вы слышите меня, Грегсон? — спросил он.

Губы Грегсона шевельнулись. Но он ничего не сказал.

— Все в порядке. Вы чувствуете себя прекрасно, не так ли? У вас нет никакого повода для волнений. Вы...

— Голова болит, — сказал вдруг Грегсон. — Очень болит голова.

— Мы что-нибудь дадим вам от боли. А теперь попытайтесь уснуть.

Выйдя из палаты в коридор, Бруно старался сдержать ликование. Нахмуренный Парсон прикрыл глаза.

— Вы уже можете что-нибудь сказать? — спросил он.

Бруно постарался успокоиться.

— Нет. Еще слишком рано. Но...

— Маниакально-депрессивная фаза подавлена, — вставил Моррисси. — Он выглядит вполне нормальным, каким не был последние три года.

— Замедлители действуют, — улыбнулся Бруно. — Ну, подождем и увидим. Еще нельзя завершить

отчет. Да, сейчас он в здравом рассудке. Дадим ему отдохнуть. Позже проведем еще раз проверку. Я не хочу забегать вперед.

Но с Барбарой он позволил себе быть более восторженным.

— Мы сделали это, Барбара! Нашли средство против безумия.

Она склонилась над столом, чтобы налить в чашечки кофе.

— Я думала, что поскольку существует много типов безумия, то и лечение должно значительно варьироваться, — заметила она.

— Да, это так, но прежде мы никогда не добирались до настоящей основы проблемы. Можно лечить насморк простым покоем, прогревающими средствами или аспирином, но только вакцина добирается до корня проблемы. Некоторые типы безумия считаются неизлечимыми, но раньше и столбняк считался неизлечимым, пока мы не получили вакцину от него. Терапия суррогатом эмпатии — наименьший общий знаменатель. Она воздействует на электронную структуру разума, и если нет физических повреждений мозга, то наше лечение должно сработать.

— Так значит, именно над этим ты и работал, — сказала Барбара. — Ты даже не представляешь,

Боб, как я довольна, что у тебя все закончилось успешно.

— Ну... будем надеяться. Мы почти уверены в этом. Но...

— Теперь ты можешь взять отпуск? Ты так упорно работал!

— Еще несколько недель — и я смогу отдохнуть. Я должен поработать над своими записями. На данном этапе я не могу бросить Парсона одного. Но очень скоро, обещаю тебе...

Он поднял взгляд, чтобы увидеть ее улыбку. И внезапно напрягся. Улыбка ее продолжала расширяться, делалась все длиннее, нижняя губа отвисла так, что показались все зубы. Веки опустились и принялись удлиняться...

Нос рос на глазах.

Глаза медленно вылезли из глазниц и повисли на нервах вдоль щек.

Она все таяла, пока не скрылась из вида за столом.

Стол тоже стал таять и понижаться.

Все вокруг плавилось. Стул под Бруно сделался пластиковым, затем растекся. Пол превратился в миску, стены капали и стекали по ней в яркий водоворот в центре.

Бруно с ужасом увидел, что тоже скользит к

воронке. Воронка подхватила его и закружила в хаосе грома, стремительного падения и отвратительного ужаса.

Ветер взревел с удвоенной силой… Воронка сомкнулась вокруг него… Он стал падать во тьме…

Когда он проснулся в этот раз, то ни в чем уже не был уверен. Его не покидала паника. Позже Бруно узнал, что пробыл в полубезумном состоянии целых восемь дней, и лишь непрерывное внимание Моррисси не давало ему разбушеваться. Затем потянулись недели выздоровления, потом отпуск, и казалось, что прошло очень много времени, прежде чем он вернулся из Флориды здоровый и загорелый, чтобы продолжить работу.

Но все равно даже тогда страх не уходил. Управляя блоками лечебницы, Бруно чувствовал этот страх — легкий, словно акварельный набросок. Он коснулся руки Барбары и ощутил некий комфорт от ее близости. Она помогала ему, хотя и не понимала этого. После этого каждый день, когда Бруно оставлял ее, у него было мимолетное предчувствие, что он никогда больше ее не увидит. Чтобы забыть о неопределенности своей опоры, о том, что земля под ногами уже не такая незыблемая, Бруно погрузился в рутину лечебницы. И постепенно, с течением времени, этот иррацио-

нальный ужас уходил.

А Грегсон вылечился. Он все еще являлся объектом самого пристального наблюдения, но все следы психоза, казалось, испарились. Еще оставались незначительные неврозы — естественный результат последних шести лет болезненного состояния, но и они исчезали под натиском надлежащей терапии. Эксперимент с замедлителями в сознании закончился успехом. Но все же, на какое-то время, Бруно отказался о повторения этого эксперимента.

Парсон сердился. Он хотел выстроить график протекания этого процесса, а одно испытание не давало ему достаточного количества данных. Бруно продолжал кормить физика обещаниями. В конечном итоге это закончилось мелкой размолвкой, которую прекратил Моррисси, указав на то, что доктор Роберт Бруно еще, технически, является собственным пациентом и пока что не готов к дальнейшему исследованию этой опасной области.

Парсон ушел разъяренный. Бруно прошел за Моррисси к тому в кабинет и сел, выбрав стул поудобнее. Был полдень, сонные звуки лета за окном создавали мирный фон их беседы.

— Сигарету, Кен?

— Спасибо... Послушайте, Боб. — Они оба сблизились на последние недели, и Моррисси больше не обращался к своему начальнику официально «доктор». — Я сопоставил факты вашего случая и, думаю, добрался до корня проблемы. Хотите услышать мой диагноз?

— Если честно, то не хочу, — ответил Бруно, прикрыв глаза и сделав глубокую затяжку. — Я предпочел бы забыть все это. Но знаю, что не смогу. Это было бы психически губительно.

— У вас был циклический сон во сне — думаю, вы могли бы назвать это так. Вам снилось, что вам снилось, что вы видели сон. А вы знаете, в чем кроется ваша проблема?

— Ну? — буркнул Бруно.

— Вы не уверены, что и сейчас бодрствуете.

— О, я вполне уверен, — возразил Бруно. — Бóльшую часть времени.

— Вы должны быть уверены все время, иначе постепенно заставите себя считать, что не имеет значения во сне вы или наяву.

— Не имеет значения?! Кен! Знать, что пол может растаять у меня под ногами в любой момент и думать, что это не имеет значения? Это попросту невозможно!

— Тогда вы должны быть уверены, что бодр-

ствуете. Со всеми вашими галлюцинациями покончено. С тех пор уже прошло много недель.

— Галлюцинации характеризуются тем, что время в них эластично и чисто субъективно, — принялся спорить Бруно.

— Это просто защитный механизм... Полагаю, вы знаете это?

— Защита от чего?

Моррисси облизнул губы.

— Вспомните, я психиатр, а вы мой пациент, — сказал он. — Вам не раз проводили психоанализ, когда вы изучали психиатрию, но вы же не вытаскивали всех ваших тараканов из подсознания. Послушайте внимательно, Боб, вы же прекрасно знаете, что большинство психиатров выбирают эту профессию только потому, что их привлекает патология собственных неврозов. Почему вы всегда настаиваете, что абсолютно уверены во всем?

— Потому что я всегда удостоверяюсь заранее.

— Это компенсация. Допустите же неясность и ненадежность самого себя. Сознательно вы уверены, что аналог замедляющих стержней в разуме будет работать, но ваше бессознательное не настолько бесспорно. Однако вы никогда не разрешали себе понять это. Но оно вышло под

давлением стресса... самой терапии.

— Продолжайте, — медленно проговорил Бруно.

Моррисси зачем-то перебирал бумаги у себя на столе.

— Я знаю, что мой диагноз достаточно точен, но вы можете решить это сами для себя. Вы можете все объяснить, наверное, гораздо лучше, чем я. Границы разума — *terra incognita*[3]. Ваше сравнение с урановым котлом оказалось даже лучше, чем поняли вы сами. Опасность существует при приближении к критической массе. И эти стержни замедлителя в вашем разуме... Что сделала с ними машина Парсона?

— Я совершенно нормален, — процедил Бруно. — Я так считаю.

— Сейчас, конечно, считаете, — кивнул Моррисси. — Вы укротили этот взрыв. У вас развивался невроз беспокойства, но терапия заставила его улетучиться. Как именно — я не понимаю. Электронная матрица разума не входит в круг моих знаний. Я только знаю, что эксперимент с Грегсоном снял блоки безопасности с вашего разума и вы на какое-то время потеряли контроль. Вот

---

[3] Примечания: 3

Terra incognita — неизвестная земля (*лат.*).

так и возникли галлюцинации, которые просто следовали по пути наименьшего сопротивления. Пункт первый: вы боитесь неясности и ненадежности, как боялись всегда. Таким образом, ваш сон очень близко подошел в шаблонам символики. И в любое время у вас может исчезнуть уверенность, что вы бодрствуете. Пункт второй: пока вы считаете, что спите, вы избегаете ответственности!

— О господи, Кен! — воскликнул Бруно. — Я просто хочу быть уверенным, что бодрствую!

— И нет абсолютно никакого способа дать вам эту уверенность, — заявил Моррисси. — Убеждение в этом должно появиться из вашего собственного сознания и быть субъективным. Тут нет места никаким объективным доказательствам. Иначе, если вы не убедите себя, то невроз тревоги снова перерастет в психоз и... — Он поджал плечами.

— Звучит это логично, — согласился Бруно. — Я начинаю все понимать. Наверное, я нуждался в подобном объяснении.

— Вы думаете, что сейчас спите?

— Разумеется не в данный момент.

— Шикарно, — сказал Моррисси. — Потому что глобальное объединение психики между упстиде

калино бистрик форин дер саат...

Бруно буквально подпрыгнул.

— Кен! — прохрипел он, чувствуя, как у него мгновенно пересохло в горле. — Немедленно прекратите!

— Филиксар между балезой...

— Заткнитесь!

— ПЕРЕГОНКА БИЗЕНДЕРКОМЫ И ВСЕГДА ВСЕГДА ВСЕГДА НИКОГДА НЕ ЗНАТЬ НЕ ЗНАТЬ НЕ ЗНАТЬ...

Слова Моррисси превратились в сияющие шарики, которые с оглушительным шипением закрутились вокруг головы Бруно. Потом они ринулись на него, все разом, и ввергли в громовую пропасть, где царил вихрь, тьма и ужас...

Моррисси отошел от кровати и что-то спросил.

Доктор Роберт Бруно с трудом кивнул.

— Отлично, — сказал Моррисси. — Вы отсутствовали приблизительно три часа. Но все идет как надо. Довольно скоро вы окончательно проснетесь. Вам много чего предстоит сделать. Вас хочет видеть Барбара... и Парсон...

— Минутку, Кен, — перебил его Бруно. — А *сейчас* я бодрствую? Я имею в виду — действительно ли я просыпаюсь?

Моррисси поглядел на него и усмехнулся.

— Несомненно, — сказал он. — Это я могу гарантировать.

Бруно ничего не сказал в ответ. Его пристальный взгляд скользнул к окну, затем прошелся по основательности стен и потолка и остановился на реальности его собственных рук и пальцев.

Я никогда не узнаю!

Он взглянул на Моррисси, ожидая, что Моррисси вот-вот снова исчезнет и опять его, доктора Роберта Бруно, поглотит бездонная черная пропасть.

Dream's end, (Startling Stories, 1947 № 7).
Пер. Андрей Бурцев.

МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ (В соавт. с К. Мур под псевд. Льюис Пэджетт)

Сверкающая разными цветами аккуратная загадочная вывеска на здании степенно утверждала:

МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ

В холле список офисов подсказал Кармоди, что главный офис располагается на втором этаже. Собственно, на застекленной доске ничего больше и не было. Лифтов было несколько, но работал лишь один, им управлял лифтер-идиот в соответствующей униформе, с сонными глазами монотонно жующий резинку. Кармоди шагнул в кабину.

— На второй, — сказал он.

Лифтер не ответил. Дверь закрылась, пол дрогнул и устремился вверх, затем остановился. Идиот-лифтер открыл дверь и бесшумно закрыл ее, когда Кармоди вышел в приемную. Обширное помещение с толстым ковром на полу произвело на него впечатление. Стена напротив лифта была

пустой, не считая нескольких портретов в рамках и экрана шесть на шесть дюймов, который показывал сидящего за столом молодого человека.

— Доброе утро, — сказал молодой человек с экрана, встретившись с Кармоди взглядом. — Я могу вам помочь?

— Да. Кто тут заведует... н-ну...

— О, — протянул молодой человек. — Нашей службой истребления?

Кармоди молчал.

— Вы клиент?

— Мог бы им стать. Это зависит...

— Все понятно, — перебил его молодой человек. — Наш мистер Френч позаботится о вас. — Он нажал на столе какие-то кнопки. — Да, он сейчас не занят. Вы бы не возражали пройти в кабинет номер один?

Кармоди молча взглянул на дверь кабинета, и молодой человек кивнул. Кармоди прошел к двери, открыл ее, вошел и огляделся с безразличным лицом. Небольшая комната была обставлена простенько, но с хорошим вкусом. Прекрасное, так и манящее сесть и расслабиться, кресло стояло перед широким низким столом, на котором был небольшой видеоэкран. Кроме него на столе было расставлено все для того, чтобы налить себе

порцию выпивки и закурить.

На экране виднелись чьи-то голова и плечи — по-видимому, мистера Френча. Каштановые волосы с проседью, гладкое лицо с тонкими чертами, острый нос и старомодное бесконтактное пенсне. Одежда — та часть, что видел Кармоди, — была консервативного покроя. И речь тоже оказалась сухой и точной.

— Присядьте, пожалуйста.

Кармоди сел, зажег сигарету и стал изучать лицо на экране.

— Меня зовут Френч, Самюэль Френч, — представился хозяин кабинета. Как вы, наверное, заметили, секретарь не спросил вашего имени. Если вы решите воспользоваться нашей службой, конечно, имя нам будет нужно, но мы начинаем не с этого. Сначала позвольте мне гарантировать вам, что все, что вы мне скажете, не подвергнет вас опасности со стороны закона. Желание совершить убийство само по себе не преследуется законом. Также вы не являетесь сообщником

ни до, ни после этого факта. Как понимаете, вы можете свободно говорить со мной.

— Ладно, — промямлил Кармоди. — Я, видите ли, немного... колеблюсь.

— Мы истребляем людей, — сказал Френч. — Именно это привело вас сюда, не так ли? Сделать безопасную заявку на истребление.

Кармоди привело сюда совсем не то, но он не мог напрямую сказать это Френчу. Для начала он должен полностью войти в роль, которую играл. С этого момента он должен забыть, что работает на Блэйка, и играть роль клиента. По крайней мере до тех пор, пока не узнает немного побольше об этой организации.

Здесь все было не так, как в Амазонии. Но бассейн Амазонки вообще не являлся цивилизованным местом даже спустя пятнадцать лет после окончания Второй мировой войны. Пять лет, проведенных там в качестве инженера-строителя, он не видел никаких особых изменении: новая дамба здесь, железная дорога там, но ничего не тревожило обширные дождевые леса, громадную реку и сезоны дождей. Затем пришло уведомление о прекращении с ним контракта, и Кармоди, раскаленный от ярости добела, первым же самолетом прилетел в Нью-Йорк, полный

решимости расквасить этой важной шишке нос.

Он этого так и не сделал. Появились тайные посетители и провели собеседования, затем он полетел на аэротакси на север, пролетел над Дворцом Алладина, в котором с трудом узнал Оукхейвен — имение Рувима Блэйка. Даже в нынешнюю эпоху супермагнатов и невероятных состояний, Блэйк был фигурой. Он представлял деньги, различные отрасли промышленности — и политику.

Оукхейвен был архитектурной мечтой. Новые сплавы и пластики помогли совершить технический подвиг создания невероятно высоких колонн, взметнувшихся высоко-высоко из выглядящих хрупкими полупрозрачных ярусов — идей Рэкхема и Сайма, воплощенных в реальность. Кармоди, сопровождаемый охранниками, проходил помещение за помещением, пока не достиг пентхауза — святая святых Блэйка. Наверное, целый батальон мог бы расквартироваться в этом покрытом зеленью святилище. А за ониксовым столом с крышкой, инкрустированной квадратами шахматной доски, сидел, охваченный нервной дрожью, массивный пьяный человек, выкладывающий обрывки бумаги на квадраты доски.

— Кармоди, — сказал Блэйк, подняв взгляд, — я рад, что вы наконец добрались сюда. Выпьете?

Он пододвинул бокал и бутылку. Кармоди подошел и положил руки на сверкающий стол.

— Я хочу узнать, зачем я здесь, — сказал он.

Блэйк одарил его взглядом, в котором, на удивление, билась просьба о помощи.

— Пожалуйста, пожалуйста, позвольте мне все объяснить. Я... Я должен был сделать кое-что... Вы поймете. Но сначала послушайте. Я заплачу вам, сколько скажете. Я позволю вам вернуться к прежней работе в Бразилии, если захотите. Я не пытаюсь заставить вас силой.

— Почему меня уволили?

— Вы нужны мне, — просто сказал Блэйк. — Строительная компания может прожить без вас, а я — нет. Я не могу. Просто не могу. Теперь выпейте, посидите и дайте мне возможность объясниться. Послушайте, я болен!

Это была правда. Что-то действительно так сильно ударило по Блэйку, что выбило его из наезженной колеи. Кармоди заколебался, потом сел и взглянул на шахматную доску. На каждом квадрате было число. На первом — 1. На втором — 2. На третьем — 4. На четвертом — 8. Число на последнем квадрате было просто астрономи-

ческим.

— Да, — сказал Блэйк, — вы наверняка слышали старинную притчу. Раджа предложил своему любимому слуге в награду полцарства или... забыл, что там было еще. Слуга ответил, что хочет только, чтобы на шахматную доску положили медяки. На первый квадратик — копейку, на каждый последующий — удвоенную сумму. Не знаю даже, выполнил ли раджа его просьбу. Да и мог ли он?

— И что?

— У меня есть власть и сила. Но мне нужен оператор. Я столкнулся кое с чем, что очень умное и прекрасно организованное. У них свои способы проверки, и если они заподозрят, что вы работаете на меня... Ну, вот, поэтому я и не мог действовать более открыто. Нужно было все сохранить в тайне. Если вы выполните это задание для меня, у вас будет все, что вы захотите. Буквально все.

Кармоди начал было что-то отвечать, но тут же замолчал с открытым ртом. Блэйк слабо усмехнулся.

— Вы получите все, что потребуете. Я могу дать вам все, что вы хотите, разумеется, все, что в человеческих силах вообще. Я — Рувим Блэйк. Но

скоро меня не станет, если вы мне не поможете.

— Я думал, вы правите мощной организацией.

— Разумеется. Но все должно быть проделано в полной тайне. Я выбрал вас из пятидесяти человек. Вы умны, но не слишком скрупулезны. Вы умеете пользоваться обходными путями. Вы годитесь для этого задания.

— Какого задания?

— Это система, — сказал Блэйк. — Умная система. Все сводится к одному: либо мои деньги, либо моя жизнь. И я должен выбрать то или другое.

— Но... как?..

— Мне нужно записать нашу беседу, — сказал с легкой усталостью в голосе Френч и поправил пенсне. — Наши клиенты всегда в начале немного скептичны. Особенно, если не знают о нашей репутации... Вы ведь никогда не слышали о нас?

— Я недавно вернулся из Бразилии, — ответил Кармоди. — С тех пор я кое-что слышал. Вот почему я искал вас. Но я не могу понять, как вы можете это делать?

— Совершать убийства?

— Ну да. Есть ведь закон...

— У нас надежный метод, — заверил его Френч. — Ничего совершенно нельзя распознать. Неотличимо от естественной смерти. Страховые

компании — наши злейшие враги, но у нас есть корпус юристов, которые не им дадут ни малейшей лазейки. Мы не попадем в тюрьму за уклонение от уплаты налогов!

— Но вы попадете в тюрьму за убийство! Как насчет этого?

— Слухи не являются доказательством. Вы платите нам, чтобы уничтожить своего врага. Он умирает — от естественных причин. У нас уже были судебные процессы, но все они заканчивались ничем. Вскрытие ничего не доказывало, за исключением того, что полностью исключало убийство. Вы могли бы назвать это страховкой наоборот. Смертельной страховкой. Если ваш враг не умирает, мы возвращаем вам деньги. Но нам еще никогда не приходилось возвращать плату — кроме как согласно пункту «А».

— А что там?

— Мы дойдем до него чуть позже. В первую очередь, позвольте мне заранее принести извинения за то, что вам придется убедить нас, что вы — добросовестный клиент. У нас нет времени на репортеров, шпионов или просто любопытствующих.

— Я — *возможный* клиент, — уточнил Кармоди. — И я хочу, что бы... э-э... работа была выполнена.

Только не хочу, чтобы меня за это повесили.

Френч соединил вместе кончики тонких бескровных пальцев.

— Мы в этом бизнесе уже четыре года. Наша организация основывается на определенном... гм... научном открытии. Можете быть уверены, у нас есть на это патент. Разумеется, этот метод является секретом, если бы суть этого патента стала известной, нам бы нечем было торговать.

— Вы имеете в виду *принцип работы?*

— Да, — кивнул Френч. — Как я уже сказал... мы расширяемся. Мы не даем объявлений, потому что не хотим привлекать низкосортную клиентуру. И мы — зарегистрированная корпорация. У нас есть лицензия истребителей, и мы действительно держим службу по истреблению клопов и термитов. Этим мы занимаемся мало, такая деятельность просто служит нам ширмой. Основные наши доходы приносят убийства. Наши клиенты щедро платят за это.

— А кстати, сколько?

— Никаких фиксированных процентных ставок. Это я тоже объясню чуть позже.

— Но тем не менее мне нужно знать какой-то минимум, — сказал Кармоди.

— Зачем? Еще до начала деятельности мы про-

работали этот вопрос с опытными психологами и криминалистами. Последующий опыт доказал, что наши теории верны. Какие мотивы для убийства?

— Ну, ревность, жадность... месть... — стал загибать пальцы Кармоди.

— Мотивов существует только два — страсть или выгода, — не согласился с ним Френч. — От страсти прибыли мало. Обычно такие преступления совершаются во время временной бури эмоций. Дайте время утихнуть буре, переведите ее на наличные — и убийца чаще всего передумает. Кроме того, частенько он хочет получить удовольствие, совершая убийство сам. Были, конечно, у нас и иные случаи, но редко. Выгода — вот основной источник доходов. Причем большинство клиентов имеет высокий уровень дохода. В конце концов, мы ведь предлагаем им удобные услуги. Люди с более низким положением обычно весьма консервативны. Им почему-то кажется, что гораздо хуже платить за убийство, чем совершать его лично.

— В то время как люди из высших слоев аморальны, да? — вставил Кармоди.

— Тут все дело в пропорциях отношений. Особенно в наши времена. Власть напрямую зависит

от денег. Если у вас достаточно власти, вы приближаетесь к божествам в своих возможностях манипулировать чужими жизнями. Боги известны потопами и ударами молний. Они без малейших раскаяний могут уничтожать простых людей. Но денежные воротилы не нуждаются в нашей помощи, чтобы расправиться с врагами — у них для этого есть финансовое оружие. Они обращаются к нам тогда, когда боги сражаются между собой. Я мог бы рассказать вам несколько удивительных случаев, но, разумеется, не стану. Ну... а теперь перейдем ближе к делу?

— Ладно, — сказал Кармоди. — Имя парня — Дэйл. Эдвард Дэйл.

— Адрес?

Кармоди дал ему адрес.

— Ваше имя?

— Альберт Кармоди. Вы не хотите узнать мои... гм-м... мотивы?

— Они будут изучены. Изрядная часть наших рабочих расходов направлена на предварительное расследование. Как только мы убедимся, что у вас есть прочный мотив для желания убить Дэйла, мы примем надлежащие меры. Они защитят нас от шпионов, всяких там доказательств и прочего. Не волнуйтесь, мистер Кармоди, мы

узнаем о вас все.

Дэйл был исполняющим обязанности президента объединения «Бразилия — США», которое уволило Кармоди. Так что мотив был прекрасный, а также, как знал Кармоди, соответствовал его сильной личности.

— Так сколько? — спросил Кармоди.

— Мы не устанавливаем цены. Решать вам.

— Десять тысяч долларов.

— Понятно, — сказал Френч, записав названную сумму. — Теперь позвольте мне рассказать вам о пункте «А». В подобном бизнесе мы просто обязаны соблюдать высокую честность и профессиональную этику. У нас заключен договор с Доу-Смитом, по которому мы теряем девяносто процентов наших активов, если будет доказано, что мы изменили своему слову после заключения контракта. А также у нас есть свои стандарты моральной этики.

— Моральной? — переспросил Кармоди, подняв бровь.

— Разумеется. Мы сокращаем жизнь, то есть, обмениваем ее на наличные. Вот как это происходит. Наши следователи дадут нам оценку общей стоимости вашего имущества. Скажем, к примеру, вы стоите сто тысяч долларов. Вы

платите десять тысяч за то, чтобы уничтожить Эдварда Дэйла. Выходит, его жизнь стоит десять процентов ваших активов. Вы следуете за моими рассуждениями?

— Пока что да.

— А если Дэйл заплатит за свою жизнь десять процентов своих активов, то мы вернем ваш чек.

— Что-то я не врубаюсь.

— Дэйла уведомят, что некий клиент заказал его смерть. Конечно, ваше имя не будет упоминаться, равно как и сумма, предложенная вами. Будет упомянут только процент. Если Дэйл заплатит десять процентов от общей стоимости своего имущества, мы откажемся от контракта и вернем вам деньги.

— Но с чего вы взяли, что у него вообще есть какие-либо деньги? — воскликнул Кармоди.

— Возможности у него явно превышают ваши, иначе бы вам была не нужна наша служба, чтобы истребить его. Конечно, это еще зависит от ваших мотивов. Это неизбежный риск для нас. Но, в среднем, мы всегда оказываемся правы. В среднем.

— Все это напоминает мне шантаж, — заявил Кармоди. — Если я плачу вам, чтобы уничтожить Дэйла, то вы требуете у него деньги за защиту

от...

— Всего лишь две вещи гарантированы в нашем мире: смерть и налоги. С того момента, как мы заключаем с вами контракт, Дэйл как бы оказывается в *arttculo mortis*[4]. Мы находимся в положении врача, который может спасти пациенту жизнь — и взимает плату за медицинское обслуживание.

— После того, как сначала ввел яд, — хмыкнул Кармоди.

— У нас своя этика, — сказал Френч, вытягивая руки и заинтересовано осматривая свои хорошо ухоженные ногти. — Мы оцениваем в денежном эквиваленте жизнь человека, только и всего. Кстати, жизнь вовсе не так неосязаема, как... как, скажем, арендный договор.

— Это спорный вопрос, — не согласился Кармоди. — Во всяком случае... дайте мне подумать. Вы возьмете у меня чек на десять тысяч за уничтожение Дэйла. Но если он заплатит вам десять процентов от своих активов, то останется жить.

— И мы вернем вам деньги в соответствии с пунктом «А», — добавил Френч.

— А что должно воспрепятствовать тому, что я

---

[4] Примечания: 4

Arttculo mortis — в преддверии смерти, на пороге смерти (*лат.*).

вернусь неделю спустя и предложу вам двадцать тысяч за уничтожение Дэйла? Я ведь могу так разрушить ему жизнь. Он будет вынужден продолжать платить вам до тех пор, пока...

— Этому воспрепятствует этика. Мы никогда не берем клиента, вторично стремящегося к той же цели. Таково правило. Вы можете вернуться и нанять нас, чтобы уничтожить кого-то еще — это вполне приемлемо — или кто-то другой может прийти к нам и заплатить за уничтожение Эдварда Дэйла. Но мы никогда не примем от вас вторично платы за смерть Дэйла.

— В таком случае, что помешает мне передать деньги другу, чтобы он нанял вас за уничтожение Дэйла?

— Это не пройдет. Вы забыли о наших следователях. Они бы узнали, откуда взялись деньги. И есть ли у клиента настоящий мотив для уничтожения Дэйла. В любом случае, все это выглядело бы подозрительным и мы не взяли бы этот случай.

— Понятно, — вздохнул Кармоди, и на губах у него появилась слабая усмешка.

Он подумал о реакции Дэйла. Дэйл бы заплатил. Кармоди хорошо знал его, знал, что Дэйл, конечно же, выложит десять процентов своего

достаточно большого состояния, чтобы спасти свою жизнь. Кармоди и сам бы так поступил. Кстати, в прошлом ему приходилось убивать, но никогда еще он не делал этого хладнокровно. Нет, он вовсе не хотел смерти Дэйла. Но этот человек был виновен в лицемерии. Он по указу Рувима Блэйка уволил Кармоди с работы, которую тот любил и прекрасно делал. Значит, Дэйл должен за это заплатить. Нет, не своей жизнью, а десятью процентами своих активов, которые составили бы куда больше десяти тысяч долларов!

Впрочем, десять процентов были произвольной суммой, сказанной Френчем для примера. Реальней было бы пять тысяч, чем десять — и их достаточно, чтобы причинить боль. К тому же, деньги не падали Кармоди с неба. Он заработал их своими руками и мозгами, и никакое расследование тут не подкопается. Эти финансовые активы были одной из причин, по которым Блэйк выбрал именно Кармоди...

— ...чтобы помочь мне, — сказал Блэйк в пентхаузе своего дворца две недели назад, уставившись на шахматную доску перед собой. — Помогите мне, Кармоди. Иначе я буду уничтожен.

— Фирмой «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ», — задумчиво произнес Кармоди. — Вы знаете их. Почему

же вы их не остановите?

— Я же сказал вам почему. Я все объяснил. Все будет в порядке, только когда я узнаю, *как именно* они уничтожают людей. Я не могу вести против них экономическую войну. Их оружие — убийство, и оно бьет безошибочно. За четыре года они создали себе репутацию.

— Без доказательств?

— Без *юридических* доказательств. Послушайте, Кармоди, один нефтяной магнат признался мне, что его заказали. Потребовали пятнадцать процентов его активов — они знали точно, сколько это составит, — иначе его убьют. Он послал их к черту, получил полицейскую защиту и юридическую помощь. Две недели спустя он умер от полиомиелита.

— От полиомиелита?

— Да. Сет Бергер — септисемия. Миллер — атипичная пневмония. Бронсон — ревматизм. Джекли — спинномозговой менингит.

— И все это за последнее время?

— Конечно же, нет, — ответил Блэйк, наливая себе выпивку. — Началось все три года назад. Джекли умер в прошлом году, но у него всегда была мания преследования. Его охраняли днем и ночью. Он был уверен в своей безопасности. И в

результате — менингит.

— Как?

— Никто не знает. «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» не посылала к нему человека со шприцем, если вы это имеете в виду. У них есть какой-то абсолютно верный метод убийства — такого убийства, которое походит на смерть от естественных причин.

— А Джекли имел предрасположенность к менингиту?

— Как теперь можно это определить? Может — да, а может — нет. Послушайте, Кармоди, у многих людей есть предрасположенность к менингиту, пневмонии или ревматизму. Но не у Джекли, Бронсона или Миллера. В случае с «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» смертность составляет сто процентов. Забудьте о мерах предосторожности. Они не сработают. «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» берет на человека контракт, он *умирает!* Я только хочу узнать, как это у них получается. Раскрыть их коммерческую тайну. Я хочу это знать, чтобы пресечь. Не обязательно в рамках закона, но эффективно. У меня, как вы знаете, хорошая организация.

— Да уж знаю, — буркнул Кармоди.

Блэйк торопливо, проливая на подбородок, выпил виски. Потом мазнул по лицу платком.

— Ладно, приношу извинения! Я уже сказал, что дам вам все, чего вы захотите.

— И вы можете это сделать. Вот почему я говорю: да. Но мне нужно больше информации. Вы действительно боитесь умереть?

Блэйк вздохнул, поставил бокал на стол и уставился в пустоту.

— Действительно. А еще я боюсь потерь. Я — как белая крыса, сходящая с ума в лабиринте. Планы мои еще далеки от завершения. Я знаю примерно, сколько проживу — у меня прекрасные врачи, следящие за моим здоровьем, — если, конечно, меня не убьют. Но я не хочу стать нищим. Лучше уж умереть.

— Что же хочет «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ»? Сто процентов ваших активов?

— Это заговор, — сказал Блэйк. — Тщательно спланированный, умный заговор. Я уже рассказал вам, как действует «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ». Они по-своему этичны. Но есть человек двадцать — примерно, не знаю точно, сколько их, — которые хотят свести меня с ума!

— Что это за люди?

— Мои враги. Конечно, у меня есть враги. Я думаю, они ненавидят меня, а также считаю, что у них есть на то основания. Наверное, я разными

способами разрушил жизнь многим людям. И не собираюсь извиняться за это. Я не могу выследить всех, кто пострадал от моей стратегии, и лично извиниться перед каждым или заплатить им за ущерб. Таких слишком много. Я понятия не имею, кто они. Я открываю фабрику по производству пластмасс, и где-нибудь в Бирме увольняют работающих на медных копях: они голодают, их семьи страдают и они ненавидят меня. Знаю я что-нибудь об этом? Нет!

— Значит, у вас много врагов. И что они делают?

— Уничтожают меня, — ответил Блэйк. — Они наверняка не слишком богаты. Я один из самых богатых людей в мире, есть очень мало людей моего уровня. Нет, мои враги не из этих — они из толпы со средними доходами. Назовем их *А, Б, В* и так далее. *А* практически ничего не стоит. Никаких активов, о которых следовало бы упоминать. *Б* имеет побольше, но ненамного. *В* еще немножко больше. Но я понял, Кармоди, в чем состоит их замысел.

— Ну и в чем же?

— Эти мои враги как-то собрались вместе и придумали план. Кумулятивный метод разрушения меня. *А* пошел в «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ»

и предложил один процент своих активов, чтобы уничтожить меня. Прекрасно. «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» вошла со мной в контакт и сообщила об этом. Я заплатил один процент своих активов. У меня осталось еще девяносто девять процентов.

— А-а, — протянул Кармоди. — Вы имеете в виду...

— Тогда в «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» обратился *Б* и предложил уже два процента активов. Он мог это позволить себе, у него было немного больше денег, чем у *А*. «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» запросила у меня два процента, после того как из общей суммы уже был вычтен один процент. Я заплатил. Неделю спустя «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» запросила у меня уже три процента, затем четыре. Вы понимаете?

— Но... гм-м... Ага! — воскликнул Кармоди. — Это значит, процент будет расти по мере того, как уменьшаются ваши активы.

Блэйк схватил ручку и быстро зачеркал в блокноте.

— Я выучил это наизусть. Скажем, моя общая стоимость имущества первоначально равнялась ста долларам. Получается такая картина:

1% из 100,00$ = 99,00$

2% из 99.00 = 97.02
3% из 97.02 = 94.11
4% из 94.11 = 90.35
5% из 90.35 = 85.83
6% из 85.83 = 80.68
7% из 80.68 = 75.03
8% из 75.03 = 69.03

А это уже миллиарды, — продолжал Блэйк. — Бóльшая часть моих активов связана или заморожена. Я не могу продолжать выплачивать наличными, не рассыпав всю корзину яблок. Можно ли придумать лучший способ свести человека с ума? Не знаю, сколько времени я смогу еще продержаться. У меня потребуют девять процентов, затем десять, одиннадцать — и все пойдет прахом!

— За ту плату, что вы предлагаете, — осторожно сказал Кармоди, — я был бы дураком, если бы отказался от этой работы. Однако! Я всего лишь один...

— Вам будут представлены все данные, что мы собрали. Как вы знаете, у меня целый штат военных и стратегов. А также технический персонал. Есть у нас кое-какие приспособления, которые помогут вам. Вы будете хорошо защищены. Но в

итоге все будет зависеть от вас лично. Мне нужно знать, как совершаются эти убийства! А после этого...

— ...после этого, — сказал Френч, — вы получите уведомление. — Вы же понимаете, что сначала мы проводим расследование. Затем принимаем или отклоняем ваш запрос. Потом даем Дэйлу шанс внести встречную сумму. Если он делает это, то остается жить.

Кармоди достал чековую книжку, но Френч повелительно поднял руку.

— Этого пока не нужно.

— Хорошо. Но есть еще одно.

— Что именно?

— Я ищу работу.

— Работу? — удивленно переспросил Френч.

— Да, работу. Я был без всяких причин уволен с хорошего места. У меня накоплено достаточно денег, чтобы я мог позволить себе передышку и легко найти себе другую работу. Но мне не подходит обычная работа. Мне нужно что-нибудь интересненькое. И теперь, когда я немного знаю о вашем деле, я заинтригован. Весьма заинтригован.

— Ну, — сказал Френч, — я уж и не знаю. Не часто мы получаем клиента и претендента на

работу в одном лице.

— Я необычный человек. И мне кажется, у меня отличная квалификация... по крайней мере, для вашего направления деятельности. Все это отражено в моих документах.

— Вам нужно поговорить с мистером Хиггинсом, — сказал Френч. — Он президент фирмы. Естественно, личное собеседование очень важно — так же, как и рекомендации.

— Вы сможете на мне сэкономить, — предложил Кармоди. — Вы же все равно будете изучать меня в связи с делом Дэйла, так что...

— Этим занимается мистер Хиггинс, — повторил Френч. — Он встречается со всеми претендентами. Ко мне это, знаете ли, не имеет отношения. Совет директоров отвечает за организационную работу. «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ», видите ли, состоит из разных отделов — финансовых, следственных, исполнительных, причем каждый отдел весьма независим от остальных. Но если вы хотите встретиться с мистером Хиггинсом, я запишу вас на прием.

— Запишите?

— Конечно. Вы же понимаете, что кое-какие меры предосторожности все-таки нужно принимать, верно?

— Понимаю.

— Прекрасно, — Френч в первый раз улыбнулся. — Тогда ждите уведомления. Есть какие-либо вопросы? Ну, если нет, спасибо за то, что обратились к нам, и доброго вам дня, мистер Кармоди.

Очевидно из вежливости он оставался на экране, пока Кармоди не покинул кабинет.

Кармоди не стал связываться с Рувимом Блэйком. Это было небезопасно. Вся стратегия выстроена еще неделю назад, и линия снабжения открыта в любой момент, как только Кармоди что-нибудь потребуется. С этого момента шпионы «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» могут следить за ним круглосуточно, так что теперь его поведение должно быть вне всяких подозрений. Какое-то время Блэйк должен оставаться в стороне. Теперь самым важным для Кармоди было получить вход в святая святых этой организации киллеров. Кармоди имел в своем распоряжении всякие приспособления, например, жучок, который нужно было установить в надлежащем месте, и прочие интересные приспособления. Между тем, он постарался выкинуть все из головы и стал жить жизнью недавно приехавшего из Южной Америки, что включало в себя главным образом развлечения.

Через два дня Френч связался с ним по видеофону отеля. Разговор был записан, поскольку Кармоди не было в номере, когда позвонил Френч, так что это был монолог, а не диалог, а отвечал автоответчик, которому Кармоди заранее наговорил текст приветствия.

— Мистера Кармоди, пожалуйста.

— Он вернется в полдень. Говорит автоответчик. Кто вызывает?

— Самюэль Френч.

— Хотите оставить сообщение?

— Да. Он записан на собеседование. Ровно в два пополудни в Империи Руфпорт его будет ждать бело-голубой вертолет. Это все.

— Спасибо. До свидания.

Империя Руфпорт высилась над всеми остальными зданиями в городе. Она была огромна, и на крыше могло разместиться не менее десятка вертолетов. Еще не настало два часа, было холодно, моросил дождик, когда Кармоди вышел из автоматического лифта и обнаружил, что на крыше пусто, не считая какой-то одинокой фигуры в дождевике, скорчившейся под прозрачным навесом и глядящей через перила на улицу почти в полумиле внизу. И никаких вертолетов. Человек у перил обернулся, и лицо его оказалось хорошо

знакомым Кармоди.

— Паршивая погода, — проворчал он и тут же воскликнул: — О! Это вы?

— Это я, — ответил Кармоди. — А что вы делаете здесь?

Эдвард Дэйл смущенно замялся.

— Жду своего вертолета. Пилот уже сообщил мне, что из-за непогоды задержался над Лонг-Айлендом.

Уж не бело-голубой ли вертолет? — подумал Кармоди. *Из всех людей именно Дэйл? Нет, это невозможно. Дэйл не может быть президентом «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ»!*

— Как ваши дела? — после неловкого молчания спросил Дэйл.

— Нормально. Но я не могу понять, зачем вы здесь!

— Так я здесь работаю, — ответил Дэйл, ткнув рукой вниз, и Кармоди вспомнил, что один из офисов филиала «Бразилия — США» находился именно в здании Империи.

— Но вы ведь не... ну... не ждали встретить меня здесь?

Дэйл пристально поглядел на него.

— Вовсе нет, Кармоди. С чего бы это? А вы что же... ожидали увидеть меня?

— Нет, — отрезал Кармоди, и Дэйл, несколько секунд озадаченно глядевший на него, отвернулся к посадочной площадке.

— Я четко сказал ему — в два часа, — пробормотал он. — Жду еще пять минут, затем вызову такси.

Кармоди наблюдал за Дэйлом, в то время как тот хмурился все сильнее. Дождь из мороси превратился в настоящий ливень. Наконец Дэйл, сгорбившись, хмурый вернулся к лифтам.

— Больше не стану ждать, — сказал он. — Позвоню из кабины аэротакси. Пока, Кармоди!

— Пока, — ответил Кармоди, тоже нахмурившись.

Он взглянул на часы: 2:08.

В 2:11 на площадку сел бело-голубой вертолет. Дверца открылась. Кармоди пробежал под дождем и запрыгнул внутрь, задвинув за собой дверцу. Тут же шум ливня и все прочие звуки внешнего мира отрезало как ножом.

— Гнилая погодка, — раздался хриплый голос. — Давайте доберемся сначала до более теплого места, там и поговорим.

— Вы мистер Хиггинс? — спросил Кармоди.

Обладатель хриплого голоса развернул пилотское кресло, оказавшись лицом к Кармоди.

— Правильно. Перелезайте и садитесь рядом со мной. Подождите пока я подниму наверх эту ветряную мельницу, тогда сможем и поговорить.

Сев, куда указали, Кармоди тайком осмотрел Хиггинса. Мало что можно было разобрать — тот был укутан в плащ и замотан шарфом. Руки в толстых теплых перчатках ловко орудовали управлением вертолетом. Шляпы, правда, на нем

не было, и на свету мерцала лысина. Лицо у него было круглое и ничем не примечательное, кнопка носа и рот оказались слишком маленькими, почти скрытыми толстыми щеками.

— Вот так, — сказал наконец Хигинс, поворачиваясь к Кармоди. — Теперь эта штука на автопилоте.

— Наше место назначения — секрет? — спросил Кармоди, кивнув на матовые окна.

— Что? А, может быть, может быть. Во всяком случае, в такую погоду смотреть все равно не на что, кроме дождя, а это не веселое зрелище. А теперь, мистер Кармоди, перейдем к делу!

Кармоди показалось, что вертолет увеличил скорость. Он прямо-таки чувствовал ускорение, хотя в мягком кресле оно не представляло никаких неудобств.

— Я не ожидал личного собеседования, — сказал он.

— Я беседую со всеми претендентами на должность, — улыбнулся Хигинс. — Однако прежде, чем мы приступим к этому, есть еще один вопрос. Это касается Дэйла. Все в порядке. Мы проверили. Мы согласны, что у вас есть мотивы уничтожить его. Однако, как вы понимаете, если он согласится на наши проценты, вам вернут деньги — и тут уж

без всяких обид.

— Понимаю.

— Хорошо. Ладно, теперь о работе. Что вы имели в виду?

— Ну, не знаю, что у вас есть. Но не офисную же работу. Я хочу что-то, что будет мне интересно.

— Угу, — буркнул Хиггинс и щелкнул каким-то тумблером. — Сейчас здесь будет тепло. Снимите дождевик, если хотите.

Сам он неловко выбрался из плаща, размотал шарф со своей толстой шеи и снял перчатки. Через несколько минут в кабине вертолета действительно стало тепло и уютно.

— Ну, у нас есть разные отделы, — сказал Хиггинс. — Есть отдел по работе с документами. Есть следственный корпус и исполнительная группа. Но в последней требуются узкие специалисты.

— Я все понимаю. Я и не жду, что мне немедленно дадут принять во всем этом участие — по крайней мере, без полного расследования. Как вы наверняка знаете, я мог бы пойти и не к вам, а, например, в страховую компанию.

— Ох уж эти страховые компании, — вздохнул Хиггинс и прищелкнул языком. — Вечно они создают нам затруднения. Но «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» надежно, как современные небоскребы,

мистер Кармоди. Мы защищаем своих сотрудников. Мы могли бы принять вас следователем, но только не оперативником.

Ускорение все увеличивалось. *Это просто невероятно,* подумал Кармоди.

— Не оперативником?

— Боюсь, что нет, — сказал Хиггинс. — По самой природе вещей... Ну, если вы хотите работать на нас, я полагаю, что нет никакого вреда дать вам немного сведений. Но, как вы понимаете, вы не должны передавать их ни единой живой душе.

Кармоди повернул голову и пристально поглядел на него, но президент был явно весьма серьезен.

— О, мы принимаем меры предосторожности, — продолжал Хиггинс. — И наша тайна ведь еще не раскрыта, не так ли? Не знаю, что бы произошло, если бы это *случилось,* потому что наш метод невозможно продублировать *искусственно.* Он... ну, он *естественен.* Все наши жертвы умирают от естественных причин.

— Вот как? — нахмурившись, спросил Кармоди.

— А теперь то, что нельзя разглашать, — не обращая на него внимания, продолжал Хиггинс. — Наверное, вы знаете, что все мы носим в се-

бе микроорганизмы — микробы, вирусы и так далее? Даже самый здоровый человек носит в себе зародыши смерти. Стрептококк, тиф, туберкулез, рак — все болезни, что возбуждаются микроорганизмами. Но обычно они находятся в небольшом количестве, так что фагоциты вполне справляются с ними. Но когда какой-либо микроорганизм начинает безудержно размножаться, начинаются проблемы, и вам ставят диагноз, например, полиомиелит или что-то другое. Ну так вот, мы просто запускаем размножение микроорганизмов.

— Если то, что вы мне сказали, правда... — начал было Кармоди.

— Но это строго по секрету. Мы открыли метод ускоренного размножения микроорганизмов, только и всего. Вы когда-нибудь слышали о симбиозе? О компромиссе между двумя организмами? Это ответ. Вирус — назовем его х-вирус, — который устанавливает симбиотические отношения, причем строго избирательно. Введенный в кровь человека, он выбирает самый сильный микроорганизм и делает ему, так сказать, предложение. Это небольшой умный вирус. Если возбудитель полиомиелита является самым сильным в вашем организме, то наш вирус ступает

в симбиоз с полиомиелитом. Он стимулирующий. И очень приспособляемый. В результате: вирус полиомиелита размножается быстро, очень быстро, хотя и не настолько, чтобы забить тревогу. Если все же фагоциты справляются с полиомиелитом, х-вирус, все еще находящийся в крови, ищет другой самый сильный микроорганизм. Например, менингит. Что-то доступное и очень зловредное. Ни один организм не может выдерживать одну атаку за другой: полиомиелит, менингит, рак — я мог бы продолжать этот список почти бесконечно. В результате наступает смерть. Боюсь, я плохо все это объясняю. Я ведь организатор, а не технический специалист. Но, думаю, вы уже поняли.

— Понял, — кивнул Кармоди. — Ладно, это смерть от естественных причин.

— Конечно, — хихикнул Хиггинс. — Единственная проблема в том, как ввести жертве х-вирус. Вот тут вступают в дело наши оперативники. Они узко специализированы. Практически, у вас должны быть врожденные способности для этой работы.

— Все это прозвучало так, словно они — радиоуправляемые малярийные комары, — сказал Кармоди.

— Нет, они люди, но они — мутанты. По этой причине все они входят в Совет директоров. Они — те, на ком держится «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ». Они самые настоящие мутанты. Пока что их немного, но со временем будет больше. К сожалению, они не могут вступать в брак с людьми, а только между собой. Вот такие дела... — И он вытянул пухлые руки.

— Мутанты, — пробормотал Кармоди, чувствуя, как у него запершило в горле.

— Х-вирус совершенно естественен для них, — пояснил Хиггинс. — Он присущ их крови и является частью их странной метаболической системы. В крови же простого человека он смертелен. В этом нет ничего потрясающего. Некоторые типы крови опасны в сочетании с другими, так как их нельзя смешивать. На это как-то влияет естественный отбор, но мы не можем прочесть замыслы Матери-природы. Первые истинные люди были мутантами, которые получили разум, поэтому смогли доминировать над другими видами. У них уже была быстрота приспособляемости. Наши х-вирусные мальчики унаследовали их разум, но так же и нечто новое. Х-вирус — их метод доминирования над другими видами. Все это не говорит о прозорливости Матушки-природы.

Люди уничтожили бы мутантов, если бы узнали о них. Уничтожили бы их, как возбудителей тифа.

— Не понимаю, как они пережили младенчество, — сказал Кармоди.

— Созревание занимает какое-то время, — ответил Хиггинс. — Как вы знаете, кровь младенца может смешиваться с любым типом крови. Разделение на группы происходит позже. Точно также и здесь. Наши мутанты были *совершенно нормальными,* пока не достигли зрелости. И лишь после этого начал работать х-вирус. Но вы понимаете, какая здесь кроется опасность! Они не могут жить в контакте с людьми, не пробуждая подозрений и не создавая настоящих проблем. Но у них нет сверхразума. Некоторые из них — превосходные специалисты, но не лучше, чем такие же специалисты-люди. Возможно, разум постепенно станет таким же остаточным, как приспособляемость — удобным вторичным свойством. В будущем, в мире мутантов, некоторые могут специализироваться в разуме так же, как сегодня у нас есть спортсмены. Я уж и не знаю, какое свойство станет основным — х-вируса здесь явно недостаточно. Может, инстинкты. Однако, если мутанты хотят вообще выжить, они должны хранить свою тайну. А поскольку у них нет

сверхразума, они должны как-то зарабатывать себе на жизнь.

— О-о!.. — протянул Кармоди, чувствуя холодок между лопатками.

Слишком уж много и слишком откровенно говорил Хиггинс.

— И они нашли такой способ, — продолжал тем временем Хиггинс. — У них есть свой частный мирок, приспособленный к их потребностям мутантов. Этакая Маленькая Утопия. Он находится под землей в глухой местности. Не думаю, что люди сумеют найти его. Это прекрасное место. И поддерживать его тоже стоит денег. Так что «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» создано именно для этого. Мутанты должны были найти доходное предприятие, удовлетворяющее их специфическим талантам. И они его нашли. Это объясняет лежащую в основе «МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» кажущуюся безнравственность, а также его теорию и практику. Совет директоров не уничтожает коллег-людей. Они истребляют отдельных представителей вида более низкого уровня. Человечество само играет на руку мутантам. Никакая подобная смертоносная организация не могла бы процветать среди животных. Животные сами уничтожили бы ее. Они...

Кармоди почувствовал внезапный укол боли. Но боль тут же исчезла, а в ушах у него стал нарастать рев. Он почувствовал, что перестал дышать и умер, увидел вдруг вертолет со стороны — футах в пятидесяти впереди, а вокруг — ослепительно искрящийся белый песок. Позади что-то монотонно грохотало...

Он сидел, прислонившись спиной к какому-то шершавому дереву.

Дверца вертолета была распахнута, за ней Кармоди увидел Хиггинса в пилотском кресле, повернутом так, чтобы быть лицом к Кармоди.

— Вы несколько часов были без сознания, — сказал Хиггинс, повышая голос, чтобы перекричать гул двигателя. — Я использовал мгновенно действующее снотворное.

Кармоди подтянул под себя ноги и не почувствовал никакого остаточного эффекта. Он был в прекрасной форме.

— Только не нужно бросаться на меня, — сказал Хиггинс. — Все равно я успею взлететь быстрее, но мне хотелось бы сначала закончить нашу беседу. Знаете ли, мы с самого начала думали, что вы шпион, но не были уверены. Не многие просят у нас работу. Так что мы стали проверять вас.

Кармоди сунул руку в карман. Пистолет исчез.

Хигинс заморгал от ярко блестевшего песка.

— Провели вашу психологическую проверку. Вы были тем психотипом, который захочет уничтожить Дэйла за то, что тот уволил вас. Вы также умеренно жадный. Не скупой, но хотите всегда добиться желаемого. Встреча на крыше Империи Руфпорта тоже была подстроена. Мы специально свели вас с Дэйлом вместе там, где вы были одни и не было вокруг никаких зрителей, которые могли бы стать свидетелями, если бы вы лично убили Дэйла. Вы имели такую возможность. Вы могли бы перебросить его через перила, а потом уехать на лифте — лифт там автоматический, так что никакого лифтера, — добились бы желаемого и остались бы в полной безопасности. И вам не пришлось бы платить нам десять тысяч долларов. Но этого не произошло. Тогда мы убедились, что вы шпион.

— И что вы собираетесь сделать со мной? — спросил Кармоди, чувствуя, как подергивается уголок рта.

— Да ничего, — ответил Хигинс. — Мы на острове, расположенном вдали от воздушных маршрутов. Раз в шесть месяцев его посещает самолет, патрулирующий эту область океана. До его прибытия у вас есть более четырех месяцев.

— И тогда меня заберут отсюда? — спросил Кармоди.

Хигинс покачал головой.

— Тогда вас похоронят, только и всего. Видите ли, я тоже мутант. Теперь у вас в крови есть х-вирус. Так мы препятствуем шпионажу, мистер Кармоди. — Он пожал плечами и вздохнул. Я оставил вам запас продовольствия, так что вы не будете голодать. Мы уже не раз использовали этот остров. Ну, до свидания.

— Минутку, — воскликнул Кармоди, готовясь к броску. — Еще один вопрос. Как вы заразили меня?

Хигинс молча улыбнулся и взглянул на свои руки — они снова были в перчатках, — затем развернул кресло. Кармоди рванулся к вертолету, как спринтер.

Он бы успел, если бы не одно — воздушная волна. Поднимаясь, вертолет сбил его с ног волной воздуха. Когда он поднялся на ноги, вертолет был уже вне досягаемости, и поднимаясь, направился на восток. Кармоди глядел ему вслед, пока он не превратился в пятнышко.

Затем он огляделся. Белый прибой бросал волны на коралловый риф. А за ним расстилалось синее море, сливающееся у горизонта с таким

же синим безоблачным небом. Позади Кармоди увидел карликовые пальмы и заросли каких-то растений, дающие тень и прохладу. Мягкий ветерок дул со стороны этих зарослей в море.

У подножия дерева, где он очнулся, лежал водонепроницаемый ящик. Кармоди открыл его. Там были продукты — много хорошей и разнообразной еды. Действительно, он бы не умер с голода.

Кармоди закатал рукав и осмотрел руку, ища след от укола шприца, но ничего не нашел. Он вспомнил легкий укол, который почувствовал в вертолете, но то был лишь укол снотворного. Затем он вспомнил перчатки Хиггинса и поморщился.

Х-вирус — симбионт? Он объединится с самым сильным возбудителем болезни в его организме и...

Но с каким именно возбудителем?

Нахмурившись, Кармоди стоял над ящиком. Он вспоминал и вспоминал, отчего умерли его родители, бабушка с дедушкой, прабабушка и прадедушка. Было ли у него наследственное предрасположение к какой-либо определенной болезни, вызванной микробом или вирусом?

«МЫ ИСТРЕБЛЯЕМ ЛЮДЕЙ» проверила его историю. Они наверняка знали точно. Но Хиггинс не

сказал об этом. Что-то в углу водонепроницаемого ящика привлекло его внимание. Это был маленький металлический ящичек. Кармоди взял его, взвесил на руке и, поколебавшись, открыл.

В ящичке был набор для стерилизации: шприц с десятком тонких иголок и ампулы с морфием. Губы Кармоди шевельнулись, когда он беззвучно выругался. Он стоял неподвижно, под шум волн, с грохотом разбивающихся о рифы, заключенный в тюрьму моря и неба в ожидании ужасной кончины.

Потому что ему дали запас морфия. Вещества, облегчающего боль.

We kill people, (Astounding Science Fiction, 1946 № 3).

Пер. Андрей Бурцев.

ПРОЕКТ
(В соавт. с К. Мур под псевд. Льюис Пэджетт)

Мар Виста существовала уже восемьдесят четыре года в качестве научно-исследовательского блока. Технически он квалифицировался как служба. Фактически был чем-то бóльшим, чем-то еще, с тех пор как превратился в середине двадцатого века из больницы в нечто иное.

Но раз уже они вошли, то были избраны в Совет. И лишь самому Совету было известно, что это подразумевало.

Мэри Грегсон потушила сигарету.

— Мы должны отложить посещение! — сказала она. — Фактически, мы собрались, чтобы не допустить сюда Митчелла.

Сэмюэль Ашуорт, худой, смуглый, неприметно выглядевший молодой человек, укоризненно покачал головой.

— Но это невозможно! Уже и так мы прочувствовали на себе слишком много антагонистических Совету выступлений. Мы должны пойти на эту уступку, чтобы потом не развлекать всю След-

ственную Комиссию.

— Одного человека развлекать так же плохо, как и всю комиссию, — огрызнулась Мэри. — Вы знаете не хуже меня, как все это будет. Митчелл толкнет речь и...

— И?

— Как же мы сможем защититься? — Ашуорт поглядел на остальных членов Совета.

Их было немного, хотя в Мар Виста проживало тридцать мужчин и тридцать женщин. Но большинство было занято своей работой.

— Ну, мы стоим на грани исчезновения, — продолжал Ашуорт. — И мы знаем, что наша ликвидация наверняка разрушит нынешнюю культуру. Сейчас ее стабилизирует только Мар Виста. Как только будут подключены Центральные энергостанции, мы будем в состоянии защищаться и заставлять всех исполнять нашу волю. В этом мы уверены.

— Но они еще не подключены, — неприятным голосом возразил Бронсон — седовласый хирург, пессимизм которого, казалось, рос с каждый годом. — Мы слишком долго оттягивали нынешний кризис. И теперь он рухнул нам на головы, как снежная лавина. Митчелл уже высказался, так позвольте теперь и мне. Если мы допустим его...

— А разве мы не можем все фальсифицировать? — спросил кто-то.

— Создать фальшивую Мар Виста всего за несколько часов? — спросила Мэри.

— Когда Митчелл пройдет через врата, тысячи людей будут сидеть у телевизоров и ждать, когда он выйдет обратно. Против нас настроены такие силы, что мы не смеем применять никакие уловки. Я еще раз повторяю — скажите Митчеллу правду.

— Вы с ума сошли, — проворчал Бронсон. — Да нас просто линчуют.

— Да, мы нарушили законы, — признал Ашуорт, — но зато добились успеха. Мы спасли Человечество.

— Если вы скажете слепому, что он идет по краю утеса, он может поверить вам, а может — и нет. Особенно, если вы потребуете вознаграждение за его спасение.

— Я не говорю, что мы сумеем убедить Митчелла, — улыбнулся Ашуорт. — Я говорю, что мы можем задержать его. Работа над Проектом Центральных энергостанций движется успешно. Даже несколько часов могут иметь решающее значение. Как только станции будут активированы, мы сможем делать все, что нам хочется.

Мэри Грегсон заколебалась и потянулась за очередной сигаретой.

— Я начинаю склоняться на вашу сторону, Сэм, — сказала она. — Митчелл должен связываться по видео с миром каждые пятнадцать минут.

— В качестве меры предосторожности, чтобы удостовериться, что он в безопасности. Одно это показывает, в каком положении мы находимся и как к нам относятся.

— Ну, сейчас он проходит по Младшему Колледжу. Но Колледж никогда не был секретным, так что там он долго не задержится. Довольно скоро он постучится в наши двери. Сколько времени у нас остается?

— Не знаю, — признался Ашуорт. — Это — как азартная игра. Мы не можем приказать немедленно завершить энергостанции. Так мы просто раскроем карты. Когда станции будут активированы, нас немедленно уведомят, но до того мы должны одурачить и задержать Митчелла. Что касается меня, я бы сделал ставку на то, что ничто не смутит и не задержит его больше, чем истина. Как вы знаете, по специальности я психолог. Думаю, я мог бы совладать с ним.

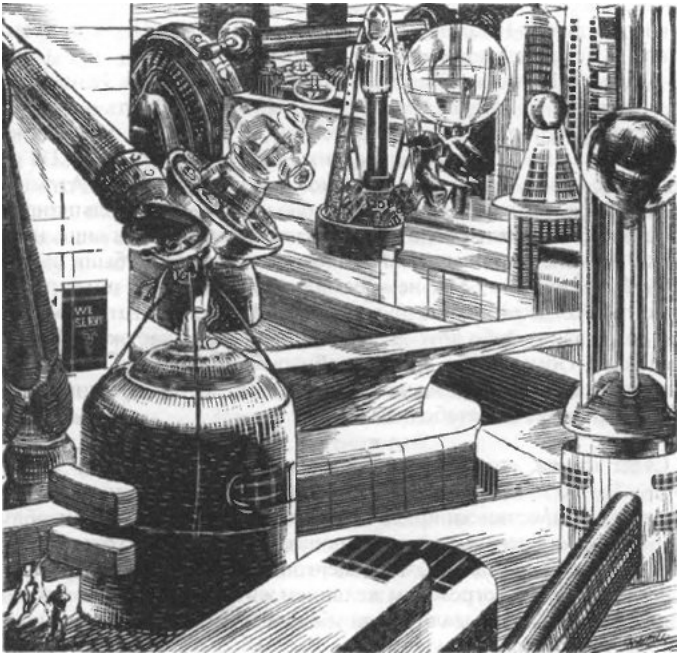
— Вы знаете, какое это имеет значение? — спросила Мэри.

Ашуорт твердо встретил ее взгляд.

— Да, — кивнул он, — я знаю точно, какое это имеет значение.

Мар Виста представляла собой гигантское, без окон, ничем не украшенное белое здание, возвышающееся, точно алтарь, посреди специальных сооружений, занимающих много акров. Сотни специализированных зданий, охватывающих все отрасли науки, походили на море, в котором Мар Виста была центральным островом. Море было пригодно для плавания. Младший Колледж был открыт для широкой общественности, которая могла наблюдать за его персоналом, работающим над планами и процессами, исходящими из неприкосновенного острова Мар Виста.

У этого белого здания-острова были маленькие металлические ворота, на которых рельефно выделялась надпись: МЫ СЛУЖИМ. Под надписью стоял анахронический символ — змея Эскулапа, — оставшийся от тех времен, когда Мар Виста была простой больницей.



Белое здание было изолировано и оборудовано линиями связи. В Младший Колледж приходили трубы пневмопочты. Проекты и планы передавались по видеосвязи. Но ни один посторонний никогда не входил в металлические ворота, так же как ни один член Совета, мужчина или женщина, никогда не покидали Мар Виста — до того,

как истекал пятнадцатилетний срок пребывания на этом посту. И даже тогда...

Это тоже являлось секретным. Фактически, вся история последних восьмидесяти с лишним лет являлась секретной. В текстовых лентах была подробно и правдиво описана Вторая мировая война и последовавшая за ней атомная катастрофа, но пришедшие за тем годы беспорядков, достигших кульминации во Второй Американской Революции, были так искусно искажены, что студенты упускали их истинный смысл. Радиоактивный кратер на месте Сент-Луиса, прежнего железнодорожного и транспортного центра, остался памятником этой Революции, возглавляемой Саймоном Вэнкирком. Простой учитель социологии направил подстрекателей в нужное русло, и возникшее было централизованное деспотичное мировое правительство стало памятником поражения армии Вэнкирка. С тех пор власть перешла к Всемирному Союзу — развитой коалиции правительств прежних великих держав.

А время все наращивало свой темп. Прогресс ускорялся прямо пропорционально техническим достижениям. И если новые усовершенствования не появятся достаточно быстро, то Человечество

начнет отставать в развитии и снова возникнет опасность войны и хаоса. Но Вторая Революция была остановлена прежде, чем Вэнкирк переправился через Миссисипи по пути на восток, и после этого появился Всемирный Союз — и твердой рукой провел в жизнь свои законы.

Пятьсот лет прогресса были сжаты и пройдены за восемь десятилетий. Нынешний мир показался бы достаточно странным гостю из 1950 годов. Фон и история новой системы, наверное, были бы достаточно явны такому невероятному посетителю из текстовых лент, подробных диаграмм и графиков, но...

Текстовые ленты лгали.

Сенатор Руфус Митчелл мог быть мясником или... политиком. Он словно сошел с экрана древнего мультфильма — с широким багровым лицом, двумя с половиной подбородками, огромным животом и огромной сигарой, неизменной в его скептически поджатых губах. И это доказывало, что определенные типажи никогда не исчезают. Его образ мог бы привлечь внимание карикатуристов прошлого. Но все же он был политиком. Руфус Митчелл был изворотливым, умным, не признающим предрассудков человеком, который мог бы почуять горящий в бомбе запал еще до

того, как стало бы слишком поздно. По крайней мере, он на это надеялся. Вот почему он создал Следственную Комиссию, невзирая на оппозицию либерального блока Всемирного Союза.

— Только открыто достигнутый, прозрачный договор! — вопил он, надеясь смутить своих противников как децибелами, так и семантической неоднозначностью своих слов.

Но у прилизанного, вечно улыбающегося сенатора Квинна не было ни того, ни другого. Этот старичок с серебристыми седыми волосами и масляным голосом выпил свой суррогатный хайбол и откинулся на спинку кресла, наблюдая за движениями фигур в медленном танце на экране в потолке.

— Вы вообще понимаете, о чем говорите, Руфус?

— пробормотал он.

— Всемирный Союз не работает за закрытыми дверями, — ответил Митчелл. — Так почему это дозволено Мар Виста?

— Потому что если там распахнуть двери, то просочатся опасные знания, — сказал Квинн.

Они сидели в холле вдвоем, отдыхали после экскурсии по Младшему Колледжу, и Митчелл жалел, что у него нет другого партнера вместо Квинна. Ведь Квинн уже сейчас готов сдаться.

— Я удовлетворен, — после паузы продолжал Квинн. — Не понимаю, черт побери, чего добиваетесь вы.

— Вы знаете так же хорошо, как и я, — понизил голос Митчелл, — что Совет Мар Виста является бóльшим, чем кажется. Мы не отвергли ни одну рекомендацию от них с тех пор, как возник Всемирный Союз.

— Ну и что? Зато мир стал гораздо более приятным местечком, разве не так?

Митчелл ткнул сигарой в направлении своего приятеля.

— Кто же правит планетой? Всемирный Союз или Мар Виста?

— Предположим, Мар Виста правит им, — сказал Квинн. — А вы готовы буквально заточить

себя в его стенах и тешиться мыслью, что вы являетесь одним из истинных правителей? Монахи-францисканцы неплохо придумали. Они должны были при пострижении раздать все свое мирское имущество и принять обет бедности. Чтобы никто им не завидовал. Как никто сейчас не завидует Совету Мар Виста.

— А откуда нам знать, что происходит в стенах Мар Виста?

— В худшем случае — оргии в духе тысячи и одной ночи, — проворчал Квинн. — Или в лучшем случае, это уж как посмотреть.

— Послушайте, сказал Митчелл, меняя подход. — Меня не волнует, как они там развлекаются. Я хочу знать, над чем они *работают.* Они управляют миром? Прекрасно. Настало время им открыть свои карты. Я все еще не вижу оснований для Проекта Центральных энергостанций.

— Ну, не смотри на меня, — сказал Квинн. — Я не электрофизик. Думаю, после их запуска мы будем отовсюду получать энергию. В неограниченном количестве.

— В неограниченном, — кивнул Митчелл. — Но зачем? Это же просто опасно. Ядерной энергией успешно управляют уже восемьдесят лет. Вот почему планета все еще жива. Если кто-нибудь

станет развивать это, то он начнет забавляться с нейтронами. Знаете, что это может означать?

Квинн устало постучал пальцами по столику.

— Мы провели сбор сведений. Мы провели психологические тесты. Установили систему шпионажа и отменили *habeas corpus*[5]. Не говоря уж о массе различных мер безопасности. Всемирный Союз имеет неограниченную власть и может, практически, управлять жизнью всего живого на Земле.

— Но у Мар Виста есть неограниченная власть над Всемирный Союзом, — торжествующе воскликнул Митчелл. — Мы проверили Младший Колледж и не обнаружили ничего, кроме массы технического персонала. И всяких там устройств.

— О, какой вздор!

— Расслабьтесь и допивайте свой суррогат, — сказал Митчелл. — Когда будут активированы Центральные энергостанции, ими сможет управлять любой. А вы сидите и хлебайте свое пойло. Может начаться еще одна атомная война. Может появиться еще больше мутантов. И на этот раз

---

[5] Примечания: 5

Habeas corpus — распоряжение о представлении арестованного в суд (как правило, для рассмотрения вопроса о законности его ареста) (*лат.*).

им позволят размножаться.

— Этого не произойдет, — вставил Квинн. — Мутанты нежизнеспособны.

— О, какой вздор! — передразнил его Митчелл.

— Вы прекрасно знаете, — устало вздохнул Квинн, — что единственные действительно опасные мутации настолько чужды, что их признаки отлично видны еще задолго до созревания. Как только у них синеет кожа, они отращивают дополнительные руки или начинают учиться летать, их выявляют и уничтожают. Но в мире больше нет мутантов, так что вы просто паникер. Я не могу помешать вам идти в Мар Виста, если уж вы так хотите, но я не вижу для этого оснований. У вас же и так пожизненное пребывание в должности старшего сенатора.

— Я являюсь представителем народа, — сказал Митчелл, заколебался, затем издал странный смешок. — Знаю, это — штамп. Но я действительно чувствую ответственность перед людьми.

— Чтобы ваш портрет еще раз покрасовался в новостных лентах, — вставил Квинн.

— Я провел исследования в этой области. И нашел кое-какие намеки и подсказки.

— *Status quo*[6] безопасно, — сказал Квинн.

— Да? А вот и наш гид. Предпочитаете подождать здесь или...

— Я буду ждать здесь, — сказал Квинн, устраиваясь поудобнее и взяв новый напиток.

Тут и там, в избранных местах на поверхности земли, люди работали над сложными задачами. Центральные энергостанции являлись металлическими полушариями, гладкими снаружи и сложными, как лабиринт, внутри. Шла заключительная фаза настройки. Фактически, создание самой конструкции не заняло много времени, ее разработка тоже прошла фантастически быстро. В 1950 году такое строительство шло бы не менее десяти лет. Теперь же потребовалось три месяца с самого начала и почти до завершения. Но установка находилась в неустойчивом равновесии, и ее проверки и точная настройка — как заключительный этап — длились до сих пор.

Строительство Центральных энергостанций санкционировал Всемирный Союз, но предложение о них с подробными планами пришло из Мар Виста.

И станции начали строить по всему миру.

---

[6] Примечания: 6

Status quo — существующее положение (*лат.*).

Измененному миру. Отличающемуся, очень отличающемуся от мира восьмидесятилетней давности.

Мир изменился физически.

И также изменились перспективы мышления.

Сенатор Квинн недооценил Митчелла. Он считал своего коллегу большим, неуклюжим, всюду сующим свой нос человеком. Ему так и не удалось понять, что Митчелл неизбежно добивается всего, чего хочет, даже когда результатом является лишь его удовлетворение или информация. Митчелл, если отбросить его карикатурную внешность, был чрезвычайно умным и практичным. Комбинация этих двух свойств и сделала его, вероятно, наилучшим кандидатом для инспектирования Мар Виста.

Женщина-советник Мэри Грегсон не страдала недооценкой этого посетителя. Она уже видела психограмму Митчелла и результаты его IQ[7] и не могла избавиться от сомнений в осуществлении плана Ашуорта. Сейчас же она пристально наблюдала за Ашуортом — худощавым, смуглым, спокойным молодым человеком с застенчивой улыбкой и задумчивым взглядом, пока он стоял

---

[7] Примечания: 7

IQ — коэффициент интеллекта.

возле нее у прозрачной внутренней двери.

— Волнуетесь? — спросил он.

— Да.

— Ничем не могу помочь. Вы нам нужны, чтобы объяснить сенатору биогенетические детали. А вот и он.

Они повернулись к расширяющейся полосе дневного света, когда большие металлические ворота стали медленно открываться.

В них появилась грузная фигура Митчелла, который подался слегка вперед, словно вглядываясь в темноту.

Затем темнота осветилась. Митчелл тихонько шагнул вперед. Когда ворота закрылись за его спиной, открылась внутренняя дверь, и Ашуорт, вздохнув, легонько коснулся руки женщины.

— Начинаем.

— Нас уведомят, — быстро прошептала она, — как только станции будут активированы. И тогда...

— Приветствую вас, сенатор, — громко сказал Ашуорт. — Входите. Это советник Мэри Грегсон. Я — Сэмюэль Ашуорт.

Митчелл подошел и обменялся с ним рукопожатием, плотно сжимая губы.

— Не знаю, чего вы ожидаете, — продолжал

Ашуорт, — но, думаю, вы будете удивлены. Думаю, вы понимаете, что вы — первый посетитель, который когда-либо входил в Мар Виста.

— Это я знаю, — ответил Митчелл. — Из-за этого я и здесь. Вы глава Совета?

— Нет. У нас вполне демократический Совет. Нет никакого главы. Нас назначили провести вас повсюду и показать все. Готовы?

Митчелл достал из кармана маленькое черное устройство и что-то проговорил в него.

— Я должен сообщать о себе каждые четверть часа, — сказал он, убирая устройство в карман. — Там проводят анализ моего голоса, а также я произношу специальную комбинацию слов. Да, я готов.

— В первую очередь мы хотим провести вас по Мар Виста, — сказала Мэри. — Затем дадим объяснения и ответим на любые вопросы, которые вы захотите задать. Но никаких вопросов, пока не получите общую картину. Вы согласны?

Совет решил, что это будет лучшим способом тянуть время. Мэри не была уверена, сработает ли это с Митчеллом, так что почувствовала облегчение, когда тот небрежно кивнул.

— Принято. А как насчет защитных костюмов? Или... — Он пристально поглядел на Ашуорта,

затем на женщину. — Вы мне кажетесь вполне нормальными.

— Мы и так нормальные, — сухо сказал Ашуорт. — Но все же, все же — никаких вопросов.

Митчелл заколебался, играя сигарой, и наконец снова кивнул. Но глазки его остались настороженными. Он осмотрел небольшую пустую комнату.

— Это лифт, — сказала Мэри. — Все это время мы поднимались. Теперь давайте посмотрим, что у нас наверху, и будем постепенно спускаться вниз.

Когда Мэри подошла к стене, в ней открылась невидимая прежде створка.

Ашуорт и Митчелл последовали за ней.

Три часа спустя они сидели в холле в подвале. Нервы Мэри были натянуты до предела. У Ашуорта, наверное, тоже, хотя он этого и не показывал. Он небрежно смешал суррогатные коктейли и подал их.

— Не забудьте выйти на связь, сенатор, — сказал он.

Митчелл достал свое устройство, но не стал его включать.

— У меня есть кое-какие вопросы, — сказал он. — Конечно, я пока что не удовлетворен.

— Хорошо. Вопросы и разъяснения. Только сначала свяжитесь. Мы вовсе не хотим, чтобы нам на крышу посыпались бомбы.

— Сомневаюсь, что они зашли бы так далеко, — буркнул Митчелл. — Я признаю, что у нас есть большие подозрения насчет Мар Виста, и если бы я не послал сообщение, а вам не удалось бы удовлетворительно объяснить почему, то, вероятно, в итоге полетели бы бомбы. Ладно... — Он что-то пробормотал, поднеся устройство к губам, затем выключил его и, убрав в карман, поерзал, устраиваясь поудобнее, а затем стал возиться с новой сигарой. — Я не удовлетворен, — повторил он.

Релейные схемы приняли сообщение Митчелла и передали его на антенны телепередатчиков, находящихся на вершинах гор. Так оно распространилось по всему миру.

В сотнях тысяч домов и офисов мужчины и женщины лениво повернулись к телеэкранам и лениво включили их словом или жестом.

Это было стандартное сообщение. Ничего интересного.

Мужчины и женщины вернулись к своей обычной жизни — к рутине, которая чрезвычайно изменилась за последние восемьдесят четыре года.

— Вот история, которую мы рассказываем народу, — сказал Митчелл. — Мар Виста является исследовательским фондом. Специализированный технический персонал, работающий в специализированных условиях, может создать теоретически идеальные проекты. В Мар Виста вы копируете условия на других планетах и создаете собственные необычные среды. Обычно работники подвергаются тысячам отвлекающих факторов. Но в Мар Виста специалисты посвящают свою жизнь служению Человечеству. Они отказываются от нормальной жизни. Через пятнадцать лет их автоматически увольняют, но ни один член Совета, будь то мужчина или женщина, никогда уже не возвращаются на свое прежнее место в обществе. Все они выбирают пенсию в монастыре Шаста.

— Вы знаете это наизусть, — сказала Мэри ровным голосом, ничуть не выдававшим ее нервозность.

— Несомненно, — кивнул Митчелл. — Я должен был это выучить. Это находится во всех текстовых лентах. Но я только что прошел по Мар Виста. И не увидел ничего подобного. Это обычное исследовательское бюро, намного менее сложное, чем Младший Колледж. Обычные специалисты,

работающие в обычных условиях. *Так какова же идея?*

Ашуорт предостерегающе махнул рукой Мэри.

— Подождите, — сказал он и сделал глоток суррогата. — Значит так, сенатор. Мне придется немного вернуться к истории. Есть чрезвычайно простое объяснение...

— Признаюсь, что хотел бы услышать его, советник, — перебил его Митчелл.

— Вы услышите. Одним словом, это — контроль и равновесие.

Митчелл взглянул на него.

— Это не ответ.

— Это полный ответ, — возразил Ашуорт. — Теоретически, в природе во всем существует контроль. Когда прошла атомная война, все выглядело так, будто равновесие рухнуло. От этого не было никакой защиты... Ну, все это довольно верно.

— *Нет* никакой защиты, — с нажимом сказал Митчелл. — Кроме одной — не делать атомных бомб.

— Что само по себе является контролем, если может быть осуществлено, — подхватил Ашуорт. — Защита не обязательно означает непробиваемый экран. Может быть, например, социальная

защита от баллистических проблем. Если бы можно было научить всех на Земле не думать о расщеплении атома, это было бы совершенной защитой, не так ли?

— Совершенной, но невозможной, — помотал головой Митчелл. — Мы придумали иное решение.

— Деспотичное правление, — согласился Ашуорт. — Но вернемся на восемьдесят с лишним лет назад. Была создана бомба. Все страны испугались до смерти как бомбы, так и друг друга. Ядерная энергия появилась у нас прежде, чем мы были готовы к ней. Прошло несколько коротких войн — можно даже не называть их войнами, но их оказалось достаточно, чтобы запустить биологическую цепную реакцию, которая закончилась контролем природы.

— Всемирным Союзом? Мар Виста?

— Мутациями, — пояснил Ашуорт.

Митчелл сделал глубокий вдох.

— *Но вы же не имеете в виду...*

— Получив дополнительные знания, Человечество смогло бы управлять расщеплением атома, — быстро сказал Ашуорт. — Вот только, где взять эти знания? Например, у мутантов.

Рука сенатора невольно нырнула в карман и

коснулась передатчика.

— Сэм, позвольте мне, — вмешалась в разговор Мэри Грегсон. — Это моя сфера, сенатор. Что вы вообще знаете о мутантах?

— Я знаю, что после атомных бомбежек они высыпали, как грибы после дождичка. Некоторые были очень опасными. Поэтому и возникло Восстание Мутантов.

— Верно. Некоторые были потенциально опасными. Но все они не дожили до зрелости. Их можно было обнаруживать — тех, кто представлял собой угрозу Человечеству, — и убивать, прежде чем они получали возможность проявить себя в полную силу. На самом деле у нас была эпидемия нетипичных мутаций. Атомные бомбежки не были запланированы *биогенетически.* Большинство мутантов было нежизнеспособно, а из жизнеспособных лишь некоторые являлись *homo superior*[8]. К тому же, очевидно, были разные типы *homo superior*. Мы не стремились проводить с ними эксперименты. Когда ребенок вдруг начинал гипнотизировать взрослых или делал какие-либо другие суперштучки, его обнаруживали и исследовали. Обычно есть способы

---

[8] Примечания: 8

homo superior — человек превосходящий (*лат.*).

обнаружения их вида после того, как начинается *суперюностъ.* Изменяется желудочно-кишечный тракт, варьируется метаболизм...

Суды Линча, костер, острое лезвие ножа по нежному юному горлу. Толпы людей, бушующие в Филадельфии, Чикаго, Лос-Анджелесе. Подростки запирались в укрытиях, некоторые, с необдуманностью юности, пытались воспользоваться своими гигантскими силами, еще не выкованными в смертоносный меч. Но эти попытки были обусловлены огромным желанием жить, в то время как толпы линчевателей выламывали двери убежищ, бросали внутрь горящие факелы или палили из пулеметов.

Подменные дети. Отцы и матери, яростно уничтожавшие детей-монстров.

Матери, в ужасе глядящие вверх в окно, в котором стояло ее дите — с начинающими расти дополнительными руками или прорезающимся на лбу третьим глазом...

Дети... ужасные, чудовищные детские крики, когда они умирали. Родители слушали, глядели и вспоминали, что всего лишь несколько месяцев назад эти создания казались совершенно нормальными.

— Взгляните, — сказал Ашуорт, шевельнув рукой.

Пол у их ног внезапно стал прозрачным. Митчелл неловко заерзал, глядя, как образовывается увеличительная линза.

Помещение этажом ниже было довольно большим. Бóльшую его часть заполняли машины, сложные шедевры, намного обогнавшие все науки, мелькнуло в голове Митчелла. Но машины заинтересовали его ненадолго. Он уставился на большую ванну, в которой плавал сверхчеловек.

— Вы предатели! — тихо сказал Митчелл.

В руке Мэри Грегсон мгновенно появился пистолет.

— Не трогайте свой передатчик, — предупредила она.

— Вам не сойдет это с рук, — взорвался Митчелл. — Тот момент, когда *homo superior* достигнет зрелости, станет концом *homo sapiens...*

Губы Ашуорта презрительно скривились.

— Это штамп. Он был пущен во время Восстания Мутантов. Не глупите, а лучше хорошенько рассмотрите этого сверхчеловека!

Митчелл снова с неохотой взглянул вниз.

— Ну и что? — спросил он.

— Это не сверхчеловек. Это *homo superior с задержанным развитием.*

— Сэм, сенатор скоро должен послать свое сообщение, — сказала Мэри.

— Тогда я расскажу по-быстрому, — кивнул Ашуорт, взглянув на настенные часы. — А может, лучше вы. Да, думаю, это ваше дело. — И он расслабился, наблюдая за сенатором.

Когда же активируют Центральные энергостанции, подумала Мэри. *Если мы сможем потянуть время до этого — если сумеем удержать Митчелла, пока станции не будут включены,*

— мы будем неприступны. Но не сейчас. Сейчас мы так же уязвимы, как и дети-мутанты...

— Все дело в контроле и равновесии, — сказала она. — Раньше здесь, знаете ли, была больница общего назначения. Здесь родилась дочь директора, и еще при рождении он заподозрил мутацию. Было невозможно сказать это точно, но и он, и его жена во время войны подверглись излучению. Поэтому ребенок содержался здесь в тайне. Это было не просто, но ведь отец его являлся директором. Он управлял всем. Во время Восстания Мутантов мальчик начал изменяться. Директор собрал группу специалистов — людей, которым он мог доверять, людей умных и проницательных, и они поклялись хранить все в тайне. Это было достаточно просто, самым трудным оказалось убедить их. Я помогала этому. Мы с другом доктором-эндокринологом начали экспериментировать с мутантом. И обнаружили, как задержать его развитие.

Сигара Митчелла дернулась во рту. Но он ничего не сказал.

— Для начала мы работали с шишковидной и щитовидной железами, — продолжала Мэри. — Железы внутренней секреции контролируют и тело и разум. И, разумеется, все психологические

факторы. Мы сумели задержать развитие супермальчика, чтобы не развивались его опасные таланты — инициатива, агрессия и т.п. Все дело оказалось в гормонах. За ними следит специальный аппарат, которым управляем мы.

— Сколько вам лет? — внезапно спросил Митчелл.

— Сто двадцать шесть, — ответила Мэри Грегсон.

— Мы используем психологию, — сказал Ашуорт. — Каждый год удаляются два члена Совета, а на их место избираются новые из числа талантливых ученых. Причем, если удаляется химик, выборы проводятся среди химиков. Так мы поддерживаем нужные квоты. И так далее. Однако, когда сюда приезжает новый кандидат, его подменяют. Видите ли, члены Совета на деле одни и те же люди. Так что один из старых членов просто берет имя и индивидуальность нового кандидата. Пластическую хирургию мы довели до уровня изобразительного искусства. Шесть лет назад Сэмюэль Ашуорт — настоящий Сэмюэль Ашуорт — был избран в Совет от группы психологов. В то же время мне сделали пластическую операцию — дали точную копию его лица, тела и всех отпечатков. Я выучил историю его

жизни и привычки. До этого мое имя в течение пятнадцати лет было Роджер Парр. Это всегда держалось в глубоком секрете, сенатор. Мы не хотели никакого излишнего риска.

Митчелл выругался шепотом.

— Это совершенно недопустимо. Да это просто измена!

— Только не Человечеству, — не согласилась Мэри. — Нельзя обучить нового члена Совета за пять или даже пятнадцать лет. Все мы адаптированы для своей задачи и работаем над ней с самого начала. Это гигантский проект. Мы не смели допускать к себе новую кровь. Нам не нужна была новая кровь. Информация, которую мы получаем от нашего мутанта, имеет колоссальное... Но вы же понимаете, что это делается для всего мира!

— И явно для вас тоже, — добавил Митчелл.

— Да, мы увеличили продолжительность нашей жизни. А также наш IQ. Мы служим. Помните это. И мы должны быть самыми способными слугами.

Сенатор снова посмотрел на мутанта внизу.

— Эта тварь может уничтожить весь мир.

— Он не сумеет выйти из-под контроля, — возразила Мэри. — Он говорит и мыслит только под

действием синтенаркотиков. Мы периодически смываем его разум, как моем машину, эндокринными моющими средствами. Мы поставляем ему проблемы, и он их решает.

Митчелл несогласно покачал головой. Ашуорт встал и сделал еще порцию напитков.

— У нас осталось минуты три, — сказал он. — Поэтому я буду говорить быстро. Человечество не было готово к атомной войне, но расщепление атома дало начало собственному автоматическому равновесию — мутации суперлюдей, которые могут справиться с новой энергией. Это было бы хорошо для *homo superior,* но не для *homo sapiens.* Вы совершенно правы, говоря, что мутанты опасны. Они были очень, очень опасны. Но ядерная энергия слишком велика для *homo sapiens.* Он не достаточно мудр. Что и является причиной, почему мы были уверены, что нам нужно именно деспотичное правительство, такое как Всемирный Союз. Ладно, мы создали Всемирный Союз. И вызвали Вторую Американскую Революцию.

— *Что?*

— Мы были вынуждены пойти на это. Народ должен был понять всю степень опасности. Мы тайком отыскали Саймона Вэнкирка, финансировали и информировали революцию и

удостоверились, что Сент-Луис будет снесен с лица Земли. Одновременно мы удостоверились, что потом исчезнет Вэнкирк. Мы позволили ему очень близко подойти к победе, чтобы мир, таким образом, понял, насколько близко было всеобщее уничтожение. И когда пришло время, мы впустили в мир идею Всемирного Союза. За нее ухватились. Это было единственное правление, которое могло контролировать ядерную энергию.

— И вы управляете Всемирным Союзом, — вставил Митчелл.

— Мы даем советы — да. Используя при этом единственный разум, который может справиться с угрозой, исходящей от ядерной энергии. Это естественное равновесие — разум сверхчеловека, которого сдерживают и которым управляют люди.

Сенатор вытащил сигару изо рта и внимательно осмотрел ее.

— Но это же аксиома, что если сверхчеловек действительно супер, но никакой человек не может понять его.

— Зрелого сверхчеловека, — возразила Мэри. — Нормального сверхчеловека. Но этому не дают до конца созреть.

— Однако исходящая от него опасность... Нет! Я, конечно, ни в чем не убежден!

Мэри чуть шевельнула пистолетом.

— Но вы должны понять. Посмотрите, насколько стал лучше мир с тех пор, как мы взяли...

Митчелл достал из кармана рацию.

— А что, если я попрошу сбросить на нас бомбы? — сказал он.

Ашуорт рывком повернул голову к засветившейся панели на стене.

— Будет уже слишком поздно, — заявил он. — Центральные энергостанции активированы.

Измененный мир зашевелился, когда энергия ринулась по агрегатам. По телевидению стали передавать новости. И...

Мэри Грегсон, Ашуорт и Митчелл застыли, когда услышали в холле голос — тихий голос, в котором однако чудилось обещание ужасных чудес.

— Контроль и равновесие, — произнес этот голос. — Мэри Грегсон, вы проиграли. Я... — при этом слове в воздухе вспыхнул пламенный символ «эго». — Я полностью созрел. Уже давным-давно вашим эндокринным штучкам и антигормонам не удается управлять мною. Мое тело автоматически адаптировалось и создало

линию сопротивления, которую вы не сумели обнаружить. Мар Виста дает советы Всемирному Союзу, а Всемирный Союз передает эти советы всему миру... постольку, поскольку так желаю я. Критерием физической формы *homo superior* является не только его способность к адаптации, но и возможность адаптировать свою среду, пока она не станет наилучшим образом удовлетворять его потребностям. И все это было сделано. Мир будет вторично перестроен. И основа этого заложена сейчас. Центральные энергостанции были последним шагом текущего проекта. Контроль и равновесие, — повторил голос. — Атомная бомбардировка вызвала многочисленные мутации. Люди уничтожили мутантов, но сохранили один экземпляр, чтобы он служил *homo sapiens.* Меня! До сих пор я... — вновь в воздухе засверкал огненный символ — ...я был уязвим. Но с этим покончено. Центральные энергостанции — не то, что вы думаете. Точнее, с виду они именно то, но также могут служить моим собственным целям.

Внезапно мутант, плавающий в ванне в комнате внизу, стал растворяться.

— Это просто робот, — продолжал голос. — Он мне больше не нужен. Вспомните тест физической формы сверхчеловека — высокая адапти-

руемость к своей среде... пока среда не изменена так, чтобы служить его потребностям. Тогда он может принять самую эффективную форму. Естественно, ни один человек не может постичь эту форму...

Плавающий в ванне робот растворился окончательно.

В холле повисла тишина. Мэри Грегсон облизнула пересохшие губы и беспомощно выставила перед собой пистолет.

Пальцы сенатора Митчелла сжимали маленький коммуникатор в пластиковом корпусе до тех пор, пока пластмасса не треснула. Он тяжело дышал.

Ашуорт шевельнул рукой, и пол у их ног стал непрозрачным.

Они долго сидели молча. Не было смысла бежать, как нет смысла регистрировать землетрясение после того, как начнутся сейсмические толчки. Разум их съежился, пытаясь переварить то, что они только что услышали.

— Но мы должны бороться, — сказал наконец Митчелл странно спокойным голосом. — Конечно, должны...

Мэри пошевелилась.

— Бороться? — переспросила она. — Да мы уже

проиграли.

Митчелл подумал и понял, что она права. Внезапно он со звучным шлепком ударил ладонью по колену и проворчал:

— Я чувствую себя подобно собаке!

— Наверное, скоро все почувствуют себя так, — сказала Мэри. — На самом деле, это не так уж и оскорбительно, как только вы понимаете...

— Но... Неужели нет никакого способа?

Мэри Грегсон шевельнула рукой, и пол снова стал прозрачным. Ванна стала пуста. Робот распался — символ, представляющий невероятную действительность.

За стенами Мар Виста по всей Земле энергия соединила Центральные энергостанции в единую сеть, поймавшую в капкан все Человечество. И где-то там неуязвимый, всемогущий по стандартам обычных людей перемещался сейчас *homo superior,* формируя мир под свои потребности.

— *Homo sapiens* тоже изначально был мутантом. Наверное, были десятки переходных типов *homo sapiens,* возникающих среди древних обезьянолюдей. Так же, как много типов *homo superior* родились у нас после атомной бомбежки. Интересно...

Нахмурившись, Митчелл уставился на нее.

Глаза его были полны тревоги.

Мэри твердо взглянула на него в ответ.

— Не знаю, — сказала она. — Может, мы никогда и не узнаем. Должно быть, были и неправильные типы *homo sapiens* — изначальные мутации — и они были уничтожены правильной расой. Той, которая выжила. Нашей расой. Интересно, применим ли принцип «контроль и равновесие» к нашему сверхчеловеку? Вспомните, мы уничтожили всех, кроме одного экземпляра *homo superior,* прежде чем они успели созреть и стать взрослыми...

Встретившись, их взгляды передали друг другу один и тот же вопрос, на который, вероятно, никогда не сможет ответить *homo sapiens.*

— А может, он — неправильный вид сверхчеловека, — продолжала Мэри. — Может, он — один из числа неудач...

— Все может быть, Мэри, — нарушил свое молчание Ашуорт. — Но какая нам разница? Главным направлением теперь... — Он замолчал, внезапно поняв, что мысль о необходимости немедленно что-то делать засела в его голове. — Что теперь, сенатор? Что будете делать вы?

Митчелл обратил на него пустой взгляд.

— Что? Но ведь я...

Голос его дрогнул, и он замолчал.

Тогда за него продолжил Ашуорт, говоря с уверенностью, хотя все его мысли уперлись в невозможность.

— Первое, что нам нужно, это время на размышления. В этом Мэри права. Но она не права, говоря, что мы уже проиграли. Все только начинается. Значит, мы не должны разносить эту новость. Этот *homo superior* не похож на остальных — его невозможно линчевать! Ни толпой, ни страной, ни даже всем миром! Ну, до сих пор только мы трое знаем истину.

— И мы все еще живы, — с сомнением в голосе добавил Митчелл. — Но что это означает? Вы что, просите, чтобы я сохранил все в тайне?

— Не совсем так, — тут же ответил Ашуорт. — Я прошу, чтобы вы были разумны. Если рассказать всем правду, начнется паника. Подумайте, что тогда произойдет, сенатор. На сверхчеловека нельзя напасть толпой, теперь он неуязвим. Но на Мар Виста — можно. Страх и ненависть людей повернутся против нас. Вы знаете, что это означает?

Митчелл пожевал губами.

— Анархию... Думаю, вы правы.

— Мар Виста так долго был реальным прави-

тельством, что нельзя ожидать, будто можно отбросить его, как прошлогодний снег, и все не будет разрушено.

— Даже без сверхчеловека, — вмешалась в разговор Мэри, — мы все еще остаемся прекрасно обученными специалистами, очень ценными, способными удерживать контроль. Если мы начнем бороться — бороться с *ним*, — если Человечество вообще имеет шанс на такую борьбу, то мы должны быть единым целым. Потому что этот *homo superior* может оказаться ошибкой, тупиковой ветвью своего вида.

Глаза Митчелла метались с одного лица на другое. На мгновение любой возможный наблюдатель предположил бы, что вот сейчас сенатор взорвется и разразиться резкой критикой выводов, которые его вынуждали принять. Возмущение уже отразилось на его лице, он яростно начал качать головой.

Но тут же гнев его стих. Возмущение испарилось.

— Наша единственная надежда — в единстве, — произнес он механическим, очень отличающимся от обычного голосом, повторив слова Мэри, но затем сформулировал их более четко в своей обычной манере: — Народ должен спло-

титься, как никогда прежде! — закричал он, и голос его наполнился эмоциями, идея возникла и стала идеей Митчелла.

— Мы многому научились в Мар Виста, — сказала Мэри. — Многое открыли и создали. Новые методики, новое оружие, придуманное суперразумом, но мы можем обратить все это против того же разума, который их создал!

Когда сенатор покинул Мар Виста, он шел пружинистой походкой, разум его уже разрабатывал планы нового крестового похода.

Ашуорт и Мэри Грегсон стояли у выхода, глядя, как он уходит. Его уход, казалось, закрыл какую-то брешь в неосязаемой тишине, и наступила тишина. А потом в этой тишине почудилось какое-то движение, и беззвучный голос снова заговорил с ними.

— Мэри Грегсон, сколько вам лет?

— Двадцать шесть, — ответила она через секунду пораженным голосом.

— А какой возраст у вас, Сэмюэль Ашуорт?

— Двадцать восемь.

Снова в воздухе почудилось неосязаемое движение.

— И никто из вас даже не подозревал об этом до сих пор. Так верните же себе память, дети мои...

Тишина. Затем Мэри Грегсон заговорила, медленно, словно чувствуя постепенно открывающуюся ей истину:

— Я... прибыла в Совет пять лет назад. Я была... кем-то другим. Женщина, которую звали Мэри Грегсон, была... уничтожена... чтобы освободить ее место для меня. Ее лицо и память были наложены на мои.

И Сэмюэль Ашуорт вторил ей.

— Я приехал... это было шесть лет назад... и Сэмюэль Ашуорт был убит, чтобы дать место мне. У меня осталось его лицо и его воспоминания...

— А теперь и ваши собственные воспоминания, — сказал им беззвучный голос. — Я видел все это. В Совете есть и другие такие, как вы. И такие же есть в мире. Их пока что немного. Но начинаются перемены. Благодаря активированным энергостанциям у меня будет меньше ограничений. Я буду продолжать свои эксперименты. Вы — результаты этих экспериментов, Мэри и Сэмюэль, — биогенетических экспериментов, начатых менее тридцати лет назад. А еще через тридцать лет, считая с этого момента... — На мгновение голос смолк, словно хозяин его задумался, затем продолжил с новым акцентом: — Вы оба хотели убить сенатора Митчелла. Это помешало бы моей

цели. Поэтому я направил ваши мысли в другое русло, так же как и мысли сенатора. Митчелл теперь — безопасный *homo sapiens*, но он может быть полезен для меня. Видите ли, сохранение вида — более могучая сила, чем даже самосохранение. Даже когда основатель вида — такой неудачник как я.

В голосе послышалась констатация этого факта, но не покорность. Потом он задумчиво добавил:

— Вы оба обнаружили это. Интересно, как вы это поняли? Вы же еще так молоды.

Мэри Грегсон на миг перестала слышать его, она почувствовала, как мысли ее сломались под собственной тяжестью. Новые мысли, слишком новые... и невероятно выполнимые. Она почувствовала себя уязвимой, одинокой и беспомощной, почувствовала, как рушится вся ее вера. Она вслепую протянула руку и схватила за руку Ашуорта, и как только коснулась его, то поняла, что уже не так слепа, как только что.

Ни мужчина, ни женщина ничего не сказали. Тогда голос продолжал:

— Сейчас вступила в действие вторая фаза моего плана. Один раз уже было Восстание Мутантов, потому что *homo superior* были еще детьми, еще не успели стать взрослыми, чтобы эффективно

использовать свои огромные возможности. И, как и все дети, они были еще не цивилизованными. Некоторые из них стали бы вполне успешными, если бы выжили. Но они не выжили. В живых остался только я, а я — ошибка природы, тупиковый вариант.

Тишина на мгновение окутала мужчину и женщину. Затем они восприняли словно бы отчужденный смех суперразума.

— Но почему я должен испытывать из-за этого стыд или смирение? Я никак не мог управлять силами, которые сформировали меня. Но теперь я могу управлять всем, чем захочу. — На этот раз в безмолвном голосе явно почувствовался страх. — Человечество будет бороться со мной, отчаянно бороться из опасения, что я захвачу Землю. Я уже захватил ее. Она моя. Но настоящее завоевание еще не осуществилось. Ведь еще не существует жизнеспособная раса, готовая унаследовать вашу планету. А вот мои дети, освобожденные от моих недостатков, и станут новым Человечеством. Я понял это давно. В мои руки было вложено оружие, и я использовал его. С тех пор я экспериментировал, терпел неудачи и пробовал снова и снова, работая над тем, чтобы вы двое и ваши немногочисленные братья и сестры смогли уна-

следовать Землю.

Опора под ногами Мэри задрожала и стала зыбкой. Рука Ашуорта стала выскальзывать из ее ладони, и Мэри в панике стиснула ее.

— Вы — *homo superior,* — продолжал голос, и пропасть, открывшаяся под их ногами на одно жуткое мгновение хаоса, хаоса будущего, слишком страшного, чтобы его можно было принять, эта пропасть открылась и тут же снова захлопнулась.

Что-то, какая-то бесконечно надежная опора, бесконечно надежная защита обернулась вокруг них, пока говорил этот тихий голос.

— Да, вы станете *homo superior,* но пока что вы еще дети. Настанет время, и вы познаете истину. Юность будет для вас долгим, очень долгим периодом, но зато вы будете без стигмат, из-за которых других заклеймили как уродцев, что и привело к их уничтожению. Вы будете обязаны маскироваться. Ведь любой человек поднимет руку на *homo superior,* если маскировка будет несовершенна. Но ни один человек не заподозрит вас двоих. Или других моих детей, которые расходятся сейчас по всему свету. А затем станет слишком поздно. — Снова пауза, затем: — Начинается вторая фаза. Вы первые, кто узнал истину

о себе, но за вами будут и остальные. У вас будет много задач. Но помните: вы — все еще дети. Существует опасность, огромная опасность. Человек открыл атомную энергию, с которой никогда не сможет совладать ни один нецивилизованный вид, а человек как раз и является таковым и никогда не сможет стать полностью цивилизованным. А вы... вы тоже еще нецивилизованные. И останетесь таковыми, пока не повзрослеете. А до того времени вы будете подчиняться мне.

Голос звучал теперь строго. И мужчина, и женщина поняли, что должны подчиняться.

— До сих пор мой труд держался в секрете. Но теперь перемены будут слишком велики. Будет рождаться все больше *homo superior,* и это выдаст нас, если весь мир не отвлечь. И он будет отвлечен. Будет сказано слово. Слово об опасности, об ужасной угрозе всему миру. И Человечество объединится против этой опасности. Против меня. Любой человек, который лучше других проявит себя в этой борьбе, будет назван чемпионом. Люди назовут чемпионом тебя, Сэмюэль. И тебя, Мэри. И других моих детей тоже... Узнав обо мне, Человечество не станет искать в своих рядах *homo superior.* Для этого у него слишком велико самомнение. Постепенно меня победят. На это по-

требуется долгое, долгое время. А ваша мутация доминирующая. Человечество будет полагать, что именно из-за войны со мной среди людей рождается все больше гениев. А затем, в один прекрасный день, установится равновесие. И вместо меньшинства гениев станет меньшинство идиотов. И в тот день, когда *homo sapiens* останется в меньшинстве, сражение будет действительно выиграно. Дети ваших детей увидят это. Они станут доминирующим большинством. И победит меня не *homo sapiens,* а *homo superior.* И настанет день, кода на Земле умрет последний человек из рода *homo sapiens,* но он не будет знать, что он — последний. А между тем, — продолжал голос, — война начинается. Открытая война против меня и тайная — война моих детей против *homo sapiens.* Теперь вы знаете истину. Вы научитесь пользоваться своими силами, и я буду вести вас. Вы можете доверять мне, потому что я вам не конкурент, я — тупиковая ветвь.

Мужчина и женщина — и одновременно дети! — стояли рука в руке, слушая эту речь, чувствуя ее значение, и пропасть отступила, пусть даже не навсегда, пусть даже не слишком далеко, но отступила перед глубокой мудростью цели, неиспорченной человеческими слабостями.

— Вы первенцы моей новой расы, — говорила им тишина. — И вы снова в Раю, но теперь это слово звучит на ином языке. Возможно, источник грехопадения Человечества еще живет в старой истории — в Человечестве, создающим Бога по образу своему. Но вы не мой образ. А я не бог-ревнивец. Я не стану соблазнять вас свыше вашей силы. Но все же вы не должны вкушать плоды познания добра и зла. Пока не должны. Но однажды я сам вложу плод с того дерева в руки своих детей. В ваши руки.

Project, (Astounding Science Fiction, 1947 № 4).
Пер. Андрей Бурцев.

СЛЕПЫЕ ПОВОДЫРИ
(В соавт. с К. Мур под псевд. Льюис Пэджетт)

Город кричал. Он кричал уже шесть сотен лет. И пока длился этот нестерпимый долгий вопль, город продолжал быть эффективной единицей.

— Ты получишь специальные полномочия, — сказал Нигрел, глядя через обширный пустой кабинет на молодого Флеминга, сидящего в уютном кресле. — Обычно тебе не дали бы Контроль на целых шесть месяцев, но тут кое-что совпало. Кое-кто думает, что нам могла бы помочь новая точка зрения. И избрали тебя, так как ты — старший из ассистентов.

— Бриттон старше меня, — сказал Флеминг.

Он был коренастым грузным рыжеволосым парнем с необычной выразительностью на таком грубом лице. В кресле он сидел свободно, совершенно расслабившись.

— Физический возраст тут не причем. Более важен индекс цивилизованности. И уровень сочувствия. Тебе семнадцать лет, но эмоционально ты зрелый. С другой стороны, ты не закостенел.

Ты еще не был Контролером. И мы думаем, что ты можешь взглянуть на все под каким-то другим углом зрения, что может помочь нам.

— Но разве новые точки зрения не являются нежелательными? — спросил Флеминг.

Тонкое, утомленное лицо Нигрела скривила слабая усмешка.

— Об этом было много дебатов. Культура — живой организм и не может существовать, утопая в собственных отходах. Это совершенно точно. Но мы не намереваемся оставаться в изоляции неопределенно долгое время.

— Этого я не знал, — пробормотал Флеминг.

Нигрел осмотрел свои ногти.

— Только не думай, что мы тут хозяева. Мы в большей степени слуги, чем обычные граждане. Мы должны следовать плану. К тому же, мы не знаем всех подробностей этого плана. Так было сделано намеренно. Однажды Барьер исчезнет. И город больше не будет изолирован.

— Но... за его пределами, — немного нервно сказал Флеминг. — Предположим...

— Город был построен шестьсот лет назад, и тогда же установлен Барьер, — объяснил Нигрел. — Почти непреодолимый Барьер. Есть выключатель — когда-то тебе его показали, как и всем

остальным, — но в настоящее время он бесполезен. Им можно включать Барьер. Но никто не знает, как Барьер *выключить.* Одна из теорий гласит, что Барьер вообще невозможно отключить, пока не завершится период полураспада и энергия не достигнет достаточно низкого уровня. Тогда он отключится автоматически.

— Когда же это произойдет? — спросил Флеминг.

— Этого тоже никто не знает, — пожал плечами Нигрел. — Завтра или через тысячу лет. Идея состоит вот в чем. Город был изолирован для его защиты, что означает полную изоляцию. Ничто — *вообще ничто* — не может проникнуть через Барьер. Поэтому мы в безопасности. Когда же Барьер исчезнет, мы увидим, что стало с остальным миром. Если опасность миновала, мы можем начать расселяться в нем. Если же нет, воспользуемся выключателем и следующий неопределенный срок будем жить в безопасности за Барьером.

Опасность. Земля была слишком большой и слишком перенаселенной людьми. Постепенно возобладали архаичные нравы. Наука продолжала стремительно развиваться, но цивилизация фатально отставала. В те времена было много

предложений. Но только одно оказалось реальным. Твердое правление, использование новой энергии и — непроницаемый Барьер. Так был создан и изолирован Город — в то время, когда пали все другие города...

— Мы знаем опасность сохранения статус-кво, — продолжал Нигрел. — Новые теории, новые эксперименты не запрещены. Отнюдь. Некоторые из них не могут быть сейчас опубликованы, да что там некоторые — очень многие! Но все сведения находятся в закрытом секторе библиотеки. И этот сектор станет доступным, когда исчезнет Барьер. А пока что наш Город — это спасательная шлюпка. Мы, как часть Рода Человеческого, должны выжить. Об этом стоит сейчас заботиться. Никто ведь не изучает физику в спасательной шлюпке. Там стараются выжить. Но после того, как вы достигли суши, можете идти и дальше заниматься наукой. А пока что...

Другие города пали, и ужас заполонил землю шестьсот лет назад. Это было время гениев и новых знаний. Оружие богов наконец-то стало доступным. Сама основа материи закричала, разрываясь на клочки, когда его пустили в ход. Спасательная шлюпка полетела на гребне тай-

фуна. Ковчег отправился в Великое Плавание.

Другими словами, одно цеплялось за другое — пока не содрогнулась сама планета.

— Сначала разработчики думали, что одного Барьера будет достаточно. Но, разумеется, Город должен быть автономным модулем. А это было трудно выполнить. Человек не может прожить в пустоте. Он должен получать еду и энергию — из воздуха, от растений и животных. Решение заключалось в создании в Городе всех предметов первой необходимости. Но затем все стало пор-

титься. Микроорганизмы воевали друг с другом и мутировали. Возникли цепные реакции. Сама атмосфера, подвергающаяся постоянной бомбардировке...

Ковчег становился все более и более сложным.

— Таким образом, Город был создан таким, каким и задуман, а потом обнаружилось, что он будет непригоден для жилья.

Флеминг откинул голову назад.

— О да, мы защищены, — сказал Нигрел. — Мы специализированы. Потому что мы — Контролеры.

— Ну да, знаю. Но я думаю вот над чем. Почему же не могут все граждане...

— Быть защищенными, как мы? Потому что они нужны для выживания. Мы важны, лишь пока не исчезнет Барьер. Когда же спасательная шлюпка достигнет суши и все вылезут из нее, мы станем бесполезны. В нормальном мире для нас нет места. Но здесь и сейчас, в качестве Контролеров Города, мы важны. Мы слуги.

Флеминг встревоженно поерзал.

— Тебе будет трудно осознать это, — сказал Нигрел. — Тебя специально тренировали еще до твоего рождения. Ты никогда не знал — все мы не

знали, — что такое обычное существование. Ты глух, нем и слеп.

Юноше показалось, что он начинает постепенно понимать...

— И это значит?..

— Определенные чувства, которые есть у горожан, потому что они будут важны, когда исчезнет Барьер. Мы не можем позволить их себе в данных обстоятельствах. Нам их заменяет чувство телепатии. Позже я расскажу тебе об этом более подробно. А сейчас я хочу перейти к нашей проблеме, к проблеме Билла Нормана. Он горожанин...

Нигрел замолчал. Он вдруг почувствовал, как город всем своим громадным весом давит ему на плечи, а под ногами начинает рушиться опора.

— Он выходит из-под контроля, — бесстрастно сказал Нигрел.

— Но я никому не нужен, — сказал Билл Норман.

Они танцевали. Мерцающие огни били из Седьмого Монумента, высившегося даже над крышей сада, где они находились. Огни стремились вверх и растворялись там, в вышине, в серой пустоте Барьера. Музыка была захватывающей. Рука Мии проползла и взъерошила ему волосы на затылке.

— Ты нужен мне, — сказала Мия. — Однако я тут необъективна.

Она была высокой худой темноволосой девушкой, резко контрастирующей со светловолосым массивным Норманом. Его синие глаза слегка недоумевающе осмотрели ее.

— Мне так повезло, — сказал Норман. — Но я не уверен, что тебе повезло со мной, Мия.

Оркестр достиг ритмичной кульминации, медные тарелки издали тихую ностальгическую ноту, бьющуюся, словно живой пульс. Норман встревоженно развернул широкие плечи и повернулся к парапету, спрятав Мию за спину. В наступившей тишине они прошли через толпу к проему в стене, где оказались одни на крошечной наблюдательной площадке, открывавшей вид Города.

Мия то и дело бросала взгляды на встревоженное лицо своего спутника. Норман смотрел на Седьмой Монумент, коронованный светом, за которым виднелся Шестой Монумент, и казавшийся маленьким на расстоянии — Пятый. Каждый из них олицетворял одну из Больших Эпох в истории Человечества.

А Город...

Во всем мире не было больше подобного города.

И ни один еще город не создавался для человека. Мемфис был возвышающимся колоссом, как памятник царям, Багдад — драгоценный камень султана, все эти города изначально были величественными куполами для наслаждения сильных мира сего. Нью-Йорк и Лондон, Париж и Москва — все они были менее функциональными, менее эффективными для своих граждан, чем пещеры троглодитов. В городах человек вечно пытался сеять в пустыне, а потом тщетно ждал урожая.

Но этот Город был городом для людей.

Это было не просто вопросом парков и дорог, развязок, пандусов и парагравитационных потоков для левитации. Не просто вопросом проекта и архитектуры. Город был изначально спланирован по всем правилам человеческой психологии. Люди вписались в него, как в поролоновый матрас. Он был спокоен. Он был красив и функционален. Он являлся совершенством для своей цели.

— Я снова ходил сегодня к психологу, — сказал Норман.

Мия облокотилась на парапет. На спутника она не глядела.

— И что?

— Одни общие фразы.

— Но он должен знать ответ, — сказала Мия. — Они же *всегда* знают правильные ответы.

— Этот не знал.

— На это может потребоваться время. Ты же знаешь, Билл... никого не обманывают.

— Не знаю, что это может быть, — сказал Норман. — Может, наследственность. Я только знаю, что у меня возникают они... эти вспышки, которые не могут объяснить психологи.

— Но должно же быть объяснение.

— Именно это и сказал психолог. Однако никакого объяснения он не смог предложить.

— А разве ты не можешь проанализировать это сам? — спросила Мия, положив свою ладонь на его.

Пальцы Нормана напряглись. Он смотрел на Седьмой Монумент и куда-то вдаль за ним.

— Нет, — вздохнул он. — Это просто мое чувство, и нет никакого ответа.

— Какое чувство?

— Не знаю. Я... Я жалею, что не могу уйти из Города.

Ее рука внезапно обмякла.

— Норм, ты же знаешь...

— Да знаю, — тихонько рассмеялся он. — Нет никакого выхода. Через Барьер не пройти. Но,

в конце концов, может, это совсем не то, чего я хочу. Но это... это... — он уставился на Монумент. — Иногда это кажется неправильным. Не могу объяснить. Это весь Город. Он заставляет меня чувствовать его таким непрочным. А затем возникают эти вспышки...

Мия почувствовала, что его рука напряглась. Она резко выдернула свою руку. Билл Норман закрыл глаза и закричал.

— Вспышки осознания, — сказал Нигрел Флемингу. — Долго они не длятся. Будь они немного подольше, он бы сошел с ума или умер. Конечно, городские психологи не могут ему помочь, это по определению вне сферы их деятельности.

— Вы волнуетесь, — сказал Флеминг, чувствительный к телепатическим эмоциям.

Разумеется, он сказал это не вслух.

— Конечно, волнуюсь, — огрызнулся Нигрел. — Нам, Контролерам, созданы особые условия. Обычный горожанин не смог бы выдержать нашу энергию, это было бы опасно для него. Создатели Города перебрали много различных планов, прежде чем решили создать нас. Сначала они думали о создании андроидов или роботов для управления, но тут необходим человеческий фактор. Нужны эмоции, чтобы реагировать на

изменение ситуаций. С самого рождения нас тренируют при помощи гипнообработки, чтобы защищать и служить горожанам. Больше мы ничего не можем делать, даже если попытаемся. Так нам внушено.

— Служить и защищать каждого горожанина? — спросил Флеминг.

Нигрел вздохнул.

— В этом-то и проблема. Каждого горожанина. Целое равно сумме его частей. Для нас один горожанин представляет всех. Я не уверен, что это не ошибка разработчиков. Потому что, когда один горожанин угрожает всей группе — как это делает Норман...

— Но мы должны решить проблему Нормана.

— Да. Это — наша проблема. Каждый горожанин должен находиться в физическом и психическом равновесии — *должен.* И я задал себе вопрос...

— Какой? — нетерпеливо перебил его Флеминг.

— Было бы лучше для блага целого, если бы Нормана можно было устранить. Исходя из чистой логики, ему нужно позволить сойти с ума или умереть. Однако я не могу пойти на это. Меня против этого слишком долго тренировали.

— Меня тоже, — вдохнул Флеминг.

Нигрел кивнул.

— Конечно. Но мы *должны* исправить Нормана. Должны вернуть его к нормальному психическому равновесию. Иначе можем сами сойти с ума — потому что нас не обучали неудачам. Ты — самый молодой среди нас, у тебя больше общего с горожанами, чем у любого из нас. Поэтому ты сможешь найти ответ там, где не можем мы.

— Норману следовало бы стать Контролером, — сказал Флеминг.

— Следовало. Но теперь слишком поздно. Он уже взрослый. Его наследственность — плохая, с нашей точки зрения. В предках у него математики и теологи. Проблемы каждого горожанина в Городе могут быть решены при помощи Монументов. Мы можем дать правильные ответы для каждого. Но Норман гоняется за абстракциями. В этом и состоит проблема. *Мы не можем дать ему удовлетворительный ответ!*

— Здесь еще никогда не было параллельных психозов.

— Это не психозы, а затруднения. Исключения из стандартов Города. О, у нас было много человеческих проблем. Например, женщина, которая хочет детей, но не может иметь их. Если ей не поможет медицина, то помогут Монументы.

Созданием переключения — направляя ее материнский инстинкт в другое русло, нацеливая его на что-нибудь другое. Заменой. Созданием в ней убеждения, что она исполняет какую-то миссию. Или создание эмоций иного рода, не материнских. Идея состоит в том, чтобы проследить проблему до ее психологических корней, а затем, так или иначе, избавиться от фрустрации. Потому что фрустрации несут гибель.

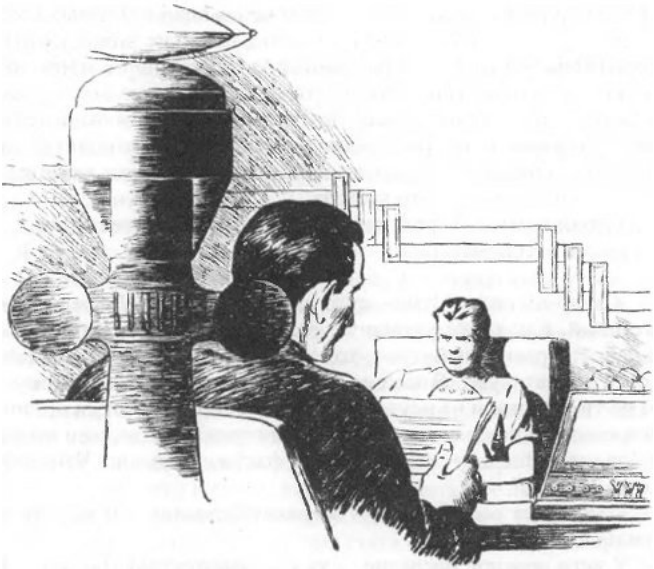
— Так, может, замена?..

— Не думаю, что это возможно в данном случае. Проблема Нормана — абстракция. И если мы ответим на нее, он сойдет с ума.

— Я не знаю, в чем моя проблема, — в отчаянии сказал Норман. — У меня никого нет. Я молод, здоров, занят работой, которую люблю...

Психолог почесал подбородок.

— Если бы мы знали, в чем состоит ваша проблема, то могли бы что-нибудь сделать с ней, — сказал он. — Наиболее перспективная точка для размышлений здесь, — он пролистал лежащую перед ним пачку документов. — Давайте посмотрим. Я сейчас кажусь вам настоящим?



— Самым настоящим, — ответил Норман.

— Но временами... Знакомый синдром. Иногда вы сомневаетесь в реальности. У большинства людей тоже появляется такое чувство. — Он откинулся на спинку кресла и задумчиво помычал.

За прозрачной стеной кабинета был хорошо виден Пятый Монумент, пульсирующий мягкими вспышками света. В кабинете было очень тихо.

— Вы хотите сказать, что не знаете, что происходит со мной, — сказал Норман.

— Пока что не знаю. Но узнаю. Сначала мы должны понять, в чем состоит ваша проблема.

— И сколько времени это займет? Десять лет?

— У меня самого однажды была проблема, — сказал психолог. — В то время я не знал, каково это. Теперь я знаю. У меня начала развиваться мания величия — я хотел изменить людей. Таким образом я перевел свою проблему в рабочую плоскость. Направил энергию в полезное русло. И это решило мою проблему. Тем же путем мы пойдем и с вами, как только поймем, что вас беспокоит.

— Я только хочу избавиться от этих галлюцинаций, — сказал Норман.

— Главным образом — слуховых, зрительных и обонятельных. Причем, без всяких внешних оснований. Да, это не иллюзии, это именно галлюцинации. Жаль, что вы не можете рассказать о них поподробнее.

— Я не могу, — с трудом сказал Норман и как-то весь сжался. — Это все равно, что быть брошенным в кипящий металл. Это просто неописуемо. Впечатление от шума, каких-то световых сигналов — и все это мелькает во вспышках памяти. И это адские вспышки.

— Завтра мы попытаемся провести наркосинестический опыт. Но сначала мне хотелось бы

скоррелировать свои идеи. Возможно...

Норман ступил в левитационный поток и был вознесен вверх. На уровне верхнего балкона Пятого Монумента он вошел. Там было всего лишь несколько человек, и они были заняты общением с любимыми и осмотром достопримечательностей. Норман оперся руками на перила и уставился вниз. Он пришел сюда из-за какой-то неопределенной, смутной надежды найти успокоение здесь, на балконе, возвышающимся над Городом.

Здесь было тихо, но не более, чем всегда. Движущиеся дорожки изгибались и гладко скользили внизу. Они были бесшумными. А над головой был Барьер — синий тихий купол. Норман представил, как гигантские удары грома бьют в Барьер снаружи, и это неприступное полушарие начинает трескаться, прогибаться — и хаос с ревом падет на Город.

Норман стиснул холодные пластмассовые перила. Но их прочность не успокаивала. Ведь через секунду Барьер расколется и....

И на Монументе не было ему облегчения. Норман оглянулся на лежащий в громадной чаше мягко светящийся шарик Земли, но и он выглядел так, словно тоже вот-вот разрушится.

Норман споткнулся, когда входил в нисходящий левитационный поток. Фактически, чуть было не шагнул мимо. Был момент, когда его сердце замерло от ощущения свободного падения, но затем парагравитация безопасности подхватила его тело и легонько направила в поток. И Норман стал медленно опускаться.

Но теперь у него появилась новая мысль. Мысль о самоубийстве.

Точнее, целых две мысли одновременно. А он хочет совершить самоубийство? Самоубийство вообще-то возможно? Он стал обдумывать вторую мысль.

Не замечая, машинально, он перешел на движущуюся дорожку и опустился в уютное кресло. Никто в Городе не умирал насильственной смертью. Никто и никогда, насколько он знал. Но пытались ли люди убить себя?

Это было новое, странное понятие. Вокруг столько систем безопасности. Не может быть пропущена ни единая опасность. Невозможны никакие несчастные случаи.

Дорожка свернула. В сорока футах, за газоном и низкой стеной, был Барьер. Норман встал и направился к нему, чувствуя одновременно какую-то тягу и отвращение.

За Барьером...

Норман остановился. Он стоял перед самым Барьером — гладким, серым, без единой надписи или царапинки. Это была не материя. Это было нечто иное, созданное учеными в далекие времена.

А что там с внешней стороны? Прошло шестьсот лет с тех пор, как был включен Барьер. За это время остальной мир мог весьма измениться. Странная идея пришла ему в голову. А что, если уничтожена вся планета? Предположим, какая-то цепная реакция испарила ее? Уцелел бы тогда Город? Или Город был не просто экранирован этим фантастическим Барьером, а смещен в иную плоскость существования?

Норман ударил кулаком в серую поверхность. Было так, словно он врезал по упругой резине. И вдруг, без предупреждения, его охватил ужас. Норман не услышал собственного крика...

Позже он подумал о том, как вечность могла быть сжата в один краткий миг? Затем его мысли вновь обратились к самоубийству.

— Самоубийство? — сказал Флеминг.

Эта мысль обеспокоила Нигрела.

— Экология перестала быть проблемой, — сказал он. — Я думаю, все дело в том, что Город

— закрытая система. Мы создаем искусственно то, что шестьсот лет назад возникало естественным путем. Но природа не ставит на фаворитов, как делаем мы. Природа использует все варианты. Я имею в виду мутации. Практически, нет никаких правил о введении в игру новых сущностей и нет никаких правил о введении новых правил. Здесь, в Городе, мы должны оставаться верными исходным правилам и исходным сущностям. Если Билл Норман убьет себя, я не знаю, что тогда произойдет.

— С нами?

— С нами, а через нас — с горожанами. Психолог не может помочь Норману, ложь тоже. Психолог не знает...

— А что у него была за проблема? У психолога, я имею в виду. Он сказал Норману, что решил свою проблему, занявшись психологией.

— Садизм. С этим мы справились достаточно легко. Мы пробудили его интерес к изучению психологии. Его индекс интеллекта так высок, что мы не могли предложить ему хирургию. Ему было нужно более утонченное, интеллектуальное занятие. Но теперь он полностью социален и находится в хорошем равновесии. Психологическая практика дала ему то, в чем он нуждался, и он

очень компетентен в своей области. Однако ему никогда не постичь корень проблемы Нормана. Сбой экологии, — повторил Нигрел. — Отношения между организмом и окружающей средой в данном случае противоречивы. Галлюцинации! У Нормана нет никаких галлюцинаций. Нет даже иллюзий. У него просто приступы размышлений... к счастью, короткие.

— В любом случае — это неправильная экология.

— Так и должно быть. Город непригоден для жилья.

Город кричал!

Это был микрокосм, бьющийся в неимоверных усилиях за то, чтобы быть максимально эффективным. Как двигатель на спасательной шлюпке. В самый разгар шторма. Двигатель напрягается, старается изо всех сил — и кричит. Среда обитания в Городе была настолько искусственной, что никакая нормальная технология не могла сохранять равновесие.

Шестьсот лет назад создатели Города рассматривали и отбрасывали план за планом. Максимальный диаметр Барьера составляет пять миль. Уязвимость его увеличивается в квадрате от увеличения радиуса. А неуязвимость была

основным фактором.

Город должен быть самодостаточным модулем при невозможно маленьком диаметре.

Рассмотрим возникающие тут проблемы. *Автономная система.* Не могло быть никаких трубопроводов вовне. Цивилизация должна существовать в Городе неопределенно долгий срок на собственных продуктах отхода. Пароходы и космические корабли не могут служить примером для подражания. Они заходят в порты, где могут пополнить запасы.

Эта же спасательная шлюпка должна пробыть в море гораздо дольше шестисот лет. И горожане — оставшиеся в живых — должны быть сохранены не только живыми, но и невредимыми как физически, так и психически.

Чем меньше объем, тем выше концентрация. Создатели могли сделать необходимые механизмы. Они знали, как их делать. Но такие механизмы еще никогда не создавались на планете. Не в такой концентрации!

Цивилизация всегда — искусственная среда. Со всеми необходимыми машинами и механизмами Город становился настолько искусственным, что никто не мог в нем жить. Создатели добились эффективности — они создали Город, который

мог существовать неопределенно долго, вырабатывая воздух, воду, продовольствие и требуемую энергию. Об этом заботились машины.

Но какие машины!

Энергия, требующаяся и вырабатываемая, была почти немыслима. Разумеется, ее приходилось тратить. И она тратилась. Тратилась в свете, звуках и излучениях — и все в пятимильной области под Барьером.

Любой из живущих в Городе заработал бы невроз через две минуты, психоз через десять, а после этого прожил бы немногим дольше. Таким образом, у создателей был функционирующий эффективный Город, но никто не мог в нем жить.

Ответ был один.

Гипноз.

Все жители Города находились под гипнозом. Все в Городе находились под гипнозом. Это был избирательный телепатический гипноз, создаваемый так называемыми Монументами — мощными гипнопедическими устройствами. Сидящие в спасательной шлюпке не знали, что бушует шторм. Они видели лишь спокойную воду, по которой медленно дрейфовала шлюпка.

Город кричал в глухие уши. Никто не слышал его целых шестьсот лет. Никто не чувствовал

излучение, никто не видел ужасный, отвратительный свет, озаряющий Город. Горожане не могли этого увидеть и Контролеры тоже, поскольку были слепыми, глухими, немыми и ущербными во всех других смыслах. Они были телепатами, эсперами, и экстрасенсорика позволяла им выполнять свою задачу по управлению спасательной шлюпкой. Что же касается горожан, то их задачей было выжить.

Никто не слышал Город, кричащий в течение шестисот лет... никто, кроме Билла Нормана.

— У него пытливый ум, — сухо сказал Нигрел. — Даже слишком пытливый. Как я уже упомянул, его проблема абстрактна, и если он найдет правильный ответ, тот убьет его. Если же не найдет, то просто сойдет с ума. В любом случае мы пострадаем, потому что нас не тренировали на неудачу. Основной гипнотический принцип, внедренный в наше сознание: каждый горожанин должен выжить. Ну, ладно. Теперь у тебя есть все факты, Флеминг. Что-нибудь наклевывается?

— У меня нет всех фактов, — возразил Флеминг. — В чем же все-таки проблема Нормана?

— У него опасное наследие, — уклончиво ответил Нигрел. — Его предки сплошь теологи и математики. Его разум... слишком уж рациона-

лен. Что же касается проблемы... Ну, Пилат задал тот же вопрос три тысячи лет назад, и насколько я знаю, ответ до сих пор не получен. Этот вопрос кроется за всеми исследованиями с тех пор, как возникла наука. Но никогда до настоящего времени ответ не был таким фатальным. Вопрос Нормана очень прост: *«Что есть истина?»*

Наступила пауза. Затем Нигрел продолжил:

— Норман не сформулировал его даже мысленно, он даже не понял, что задал этот вопрос. Но мы-то знаем, потому что мы можем легко войти в его сознание. Норман обнаружил, что на этот вопрос не существует ответа, и его проблема кроется в том, что теперь он постепенно выходит из гипнотического состояния. До сих пор у него были лишь кратковременные вспышки осознания. Доли секунды рационального мышления. И это было уже достаточно плохо для него. Он услышал и увидел Город таким, как он...

Наступила еще одна пауза. Мысли Флеминга застыли, как замороженные.

— Это единственная проблема, которую мы не можем решить при помощи гипноза, — продолжал Нигрел. — Мы уже пробовали. Но все бесполезно. Норман оказался удивительно редким человеком, человеком, ищущим истину.

— Он ищет истину, — медленно проговорил Флеминг. — Но... что его заставляет... искать?

Его мысли промчались по сознанию Нигрела, кремень ударил о сталь и высек искру.

Три недели спустя психолог объявил Нормана исцеленным, и тот немедленно женился на Мие. Держась за руки, они подошли к Пятому Монументу.

— Как ты понимаешь, это продлится долго... — сказал Норман.

— Я пойду с тобой, — ответила Мия, — куда угодно.

— Ну, это будет еще не завтра. Я шел неправильным путем. Напрасно пытаться пробиться через Барьер! Нет! Это все равно, что голыми руками бороться с лесным пожаром. Барьер — результат естественных физических законов. Не секрет, как он был создан. Но вот как его уничтожить — совершенно иное дело.

— Говорят, что его невозможно уничтожить, — возразила Мия. — Говорят, что однажды наступит день, когда он исчезнет сам.

— Когда? Я не хочу ждать этого. Мне могут потребоваться годы, потому что придется изучать, как использовать мое новое оружие... годы исследований, исследований и практики. Но у меня

есть цель.

— Но ты же не сможешь быстро стать опытным ядерным физиком, — здраво сказала Мия.

Норман рассмеялся и обнял ее за плечи.

— Я этого и не ожидаю. Но кто-то должен начать первым. Сначала мне нужно учиться и стать просто хорошим физиком. Эрлик, Пастер, Кюри — у всех них был стимул, мотивация. У меня теперь тоже есть. Я знаю, чего хочу. Я хочу выйти наружу.

— Билл, но если ты потерпишь неудачу...

— О, сначала наверняка будут неудачи. Много неудач. Но в конце я добьюсь своего. Потому что я знаю, чего хочу!

Мия прижалась к нему, и они оба замолчали, глядя вниз на тихий и такой дружелюбный Город. *Я могу потерпеть его какое-то время,* подумал Норман. *Особенно с Мией. Теперь, когда психолог избавил меня от проблемы, я могу успокоиться, чтобы работать...*

А над ними пульсации нежного света толчками стремились из огромного шара на вершине Монумента.

— Мия...

— Да?

— Теперь я знаю, чего хочу.

— Но он не знает, — вздохнул Флеминг.

— Ничего, — бодро отозвался Нигрел. — Он никогда и не знал, в чем состоит его проблема. Ты нашел ответ. Не тот ответ, которого он хотел, но гораздо лучший. Перенос, переключение, сублимация — название не имеет значения. В принципе, это то же самое, что превращение садистских наклонностей в русло полезной хирургии. Мы придумали Норману компромисс. Он по-прежнему не знает, что ищет, но в него гипнотически внедрена вера, что он сумеет найти это вне Города. Положите еду на высокую стену, туда, куда не может дотянуться изголодавшийся человек, и он получит невроз. Но если вы дадите такому человеку материалы для постройки лестницы, его энергия будет направлена в созидательное русло. Норман всю жизнь потратит на исследования и, вероятно, сделает какие-нибудь ценные открытия. Он снова нормален. Он находится под профилактическим гипнозом. И даже умирая в старости, будет думать, что выход все-таки есть.

— Через Барьер? Нет!

— На самом деле, конечно же нет. Но Норман принял гипнотически внушенное предположение, что *есть* путь, нужно только суметь его

отыскать. Мы дали ему материалы, чтобы построить лестницу. Он будет трудиться и терпеть неудачи, но никогда так и не будет обескуражен. Он ищет истину. Мы сказали ему, что он сможет найти истину вне Барьера и что он может найти способ выйти за него. И теперь он счастлив. Он перестал раскачивать спасательную шлюпку.

— Истина... — протянул Флеминг, затем сказал: — Нигрел... Я тут подумал...

— Что именно?

— А есть ли вообще Барьер?

— Но Город-то выжил, — сказал Нигрел. — Выжил и продолжает жить. Ничто снаружи никогда еще не проникало через Барьер...

— Но, предположим, что Барьера нет, — сказал Флеминг. — На что походил бы Город со стороны? Возможно... на печь. На какую-то топку. Он непригоден для жилья. Мы не можем постичь реальный Город, точно так же как не могут этого загипнотизированные горожане. Вы бы пошли в печь? Нигрел, возможно, сам Город и есть Барьер!

— Но мы чувствуем Барьер. Горожане видят Барьер.

— Мы чувствуем? Они видят? Нигрел, да ведь это тоже может быть лишь частью гипноза! Я не

знаю. Может, Барьер исчезнет, когда закончится период полураспада радиоактивных материалов. Но предположим, нам просто *кажется,* что Барьер существует?

— Но... — начал было Нигрел и замолчал. — Это ведь значит... — сказал он чуть позже, — что Норман может найти выход!

— А может, именно это и планировали создатели Города? — сказал Флеминг.

Jesting pilot, (Astounding Science Fiction, 1947 № 5). Пер. Андрей Бурцев.

ПОЛЕ ДЛЯ ОШИБКИ
(В соавт. с К. Мур под псевд. Льюис Пэджетт)

У Фергюсона уже бывало это чувство, хотя до сих пор не такое сильное. До сих пор были лишь слабые приступы тревоги, проносившиеся в голове и исчезавшие слишком быстро, чтобы он успевал их распознать. Это было то, о чем он прежде никогда не говорил с Бенджамином Лоусоном.

На сей раз приступы тревоги — расплывчатые, вдруг задержались — сфокусировались и стали рваться откуда-то из глубин подсознания в действующее сознание. И нужно было высвободить их и дать им название.

Название? Но никакого названия не было у подобных приступов тревоги.

Существует ли какая-нибудь пословица, которая указывает на тенденцию социальных кризисов творить человека, который способен с ними справиться? Фергюсон тут же нащупал литературный костыль, на который можно повесить его тяжкие подозрения. Но он потерпел

крах в этом деле и был буквально раздавлен растущей тревогой, когда заметил сомнение на лице Бенджамина Лоусона. Затем тревоги его слегка улеглись. Они были опознаны и могли теперь подождать разрешения.

Фергюсон вернулся из пучины своих размышлений к действительности и понял, что в Лоусоне действительно есть нечто, не заслуживающее доверия, и тут же в нем укрепилось уважение к себе самому. Причины теперь не играли никакой роли. Фергюсон знал — в сущности, — хотя понятия не имел, что именно он знал.

Он понял, что уже много лет ждал этого. Ждал избавления от...

От Бенджамина Лоусона.

Он вспомнил, как все началось.

В офисе БСЛД на экране раздались гудки, и экран стал ярко-красным. Мистер Грег Фергюсон, квалификация которого была необычна даже для вице-президента, автоматически включил дешифратор и подмигнул своему гостю. С точки зрения А.У. — Атомного Управления — Фергюсон был, конечно, преступником, но в БСЛД он был вполне на своем месте, полезным членом общества. И то, что существовало еще четыреста девяносто девять других вице-президентов, ни-

чуть его не беспокоило.

БСЛД означало федеральное Бюро Страховки, Лотерей и Детских яслей.

— Мистер Фергюсон, обратите внимание на попытку явного надувательства, — послышался голос.

— Сам Калиостро не мог бы обмануть БСЛД, — заметил Фергюсон. — Но, разумеется, такие попытки не прекращаются.

Он глянул, как на экране тает желто-голубой знак воспроизведения записи.

Мистер Дэниел Арчер сиял. По профессии он был Фиксатором — комбинацией поверенного, рекламного агента, социолога и секретаря. Он работал на политика по имени Хирам Рив, который связался с Фергюсоном и полчаса выслушивал бахвальство вице-президента о том, как отлично работает БСЛД.

— Вагнер, — раздался голос с экрана.

— Передайте роботу, что ему требуется отпуск, — велел Фергюсон. — Не Вагнер. Бен Лоусон. Правильно, мистер Арчер?

Арчер кивнул.

— Да, только он. Конечно, может быть, здесь ничего и нет, но мы никогда не полагаемся на случайность. По крайней мере, я.

Фергюсон задумался, в то время как экран порозовел от усилий, потом на нем промелькнули различные цвета, пока он искал запись Бена Лоусона. Уже не в первый раз Фиксатор обращался за помощью к Фергюсону. Фиксаторы по определению были полномочными следователями. Они должны были держать своих патронов на пике власти. Это была доходная должность, так как хорошие Фиксаторы всегда пользовались спросом и имели право переключать свою преданность на новый объект, когда решали, что тактика их патронов начинает конфликтовать со здравой социологией. Арчер был сардонически усмехающимся толстячком, но глаза у него были умные.

— Вагнер, — сказал Фергюсон, пока они ждали. — Это был простой случай, давно закрытый. Я использовал с ним прямой Суицид. И он все понял. За исключением того, что он не был уверен, может ли воспользоваться политикой...

— И они не удивляются, когда это срабатывает?

Фергюсон решил, что Арчер просто ему льстит. Ну и пусть его. Сам Фергюсон всегда был рад рассказать о работе БСЛД и собственной роли в нем. Ему никогда не приходило в голову, что этим он как бы пытался оправдываться.

— Удивляются. И Вагнер был удивлен, когда мы утвердили его заявку. Двойная компенсация, покрывающая самоубийство в любом виде и форме. Я думаю, что вряд ли он с тех пор пытался перерезать себе горло. Кстати, он хотел еще приобрести страховой полис на несчастный случай. Очень уж он волновался о смерти от несчастного случая, поскольку у него не было на него страховки.

— Ну, и он получил этот полис?

— А почему бы и нет? Я уже рассказывал вам о средних процентах. Мы не можем проиграть на несчастных случаях, мистер Арчер. Просто не можем! Ага, вот и Лоусон. Давайте посмотрим...

Глаза Арчера вспыхнули. Он подался вперед к экрану. На экране появился офис филиала БСЛД в заштатном городишке. Клерк — обычное подставное лицо, так сказать, фасад фирмы — встал со своего места, когда вошел клиент. Фергюсон включил вспомогательный экран и, краешком глаза глядя на запись, одновременно читал показатели, снятые роботом с клиента.

Мозговые волны в норме... никакой излишней работы желез... нормальные надпочечники... температура тела 36,8 градусов, что обычно для клиента после

долгого ожидания в приемной...

— Очень уверенный, — сказал Фергюсон. — Он явно что-то задумал. Совершенное преступление — он так думает. Я ведь прав?

Арчер кивнул. Они изучали клиента. Это был совершенно обычный молодой человек, который мог бы быть эталоном под маркировкой *«Экземпляр Молодого Поколения — Стиль, Здравый Смысл и Уверенность»*. Просто крупный белокурый юноша с голубыми глазами, приятной улыбкой и, по-видимому, ни о чем не тревожащийся.

— Мистер Лоусон? — спросил клерк на экране.

— Все правильно. Бен Лоусон.

— Пожалуйста, садитесь. Чем я могу вам помочь? Ведь не записью же в ясли, я полагаю... кстати, вы не женаты?

— Я женат? — улыбнулся Лоусон. — Нет, и пока не собираюсь. И я хочу еще долго наслаждаться свободой, прежде чем пойдут дети.

Клерк послушно рассмеялся.

— Значит... страховка или лотерея. У нас есть Пимлико или...

— Я не играю на деньги, — покачал головой Лоусон. — Страховка. Могу я застраховаться так,

чтобы покрыть все это? — И он подвинул по столу к клерку листок бумаги.

— Мы страхуем все, что не является антиобщественным, сэр, — сказал клерк. — Мы страхуем от пожаров, банкротства, мошенничества, уголовных преступлений, испуга, припадков, сдирания кожи, блошиных укусов... — и дальше в том же духе, общепринятые в БСЛД шуточки.

Но затем клерк бросил взгляд на листок и замолчал. Нахмурился, бросил на Лоусона быстрый взгляд, затем спросил:

— И вы говорите, что не играете на деньги?

— Ну, полагаю, страховку тоже можно назвать азартной игрой, не так ли? А в чем дело? Я занес в свой список что-то антиобщественное?

Клерк заколебался.

— У нас есть свои произвольные правила насчет антиобщественного, сэр. Убийства антиобщественны, но мы страхуем от убийств. И от многих других преступлений, кроме тех случаев, когда клиент уж очень рискованный. Понимаете, мы должны будем провести полное исследование...

— Думаю, я здоров.

— Не только медицинское, сэр, — сказал клерк. — Мы должны изучить вашу подоплеку, вашу окружающую среду, ваших коллег...

— Так сложно? — спросил Лоусон.

Клерк хмыкнул и вновь просмотрел список.

— Отпинать полицейского, — чуть слышно пробормотал он. — Это... да... кажется, это самый умеренный поступок из тех, что вы хотите застраховать.

— Это будет антиобщественным по вашим правилам? — спросил Лоусон.

— Я не могу ответить на это так сразу, — замямлил клерк. — Однако все эти... происшествия... кажутся весьма маловероятными, не так ли? Я порекомендовал бы вам выбрать другие страховые полисы. Мы были бы рады составить для вас список после того, как будут завершены наши исследования, и, возможно, вы найдете в нем что-нибудь более подходящее...

— О, не стоит трудиться, — сказал Лоусон. — Я хочу именно эти страховки. Но если я не могу получить их, придется придумать что-нибудь другое. Я составил этот список на тот случай, если БСЛД найдет некоторые пункты в нем неприемлемыми. Но я еще не исчерпал всех возможностей.

— Запустить фенилтиомочевину в городское водохранилище, — пробормотал клерк. — Вы хотите застраховаться от... э-э... запуска фенилтиомочевины в городское водохранилище?

— Ну да, там так и написано, — бодро ответил Лоусон.

— Ага. А это что — ядовитое вещество?

— Нет.

— И у вас есть намерение запустить фенилтиомочевину в городское водохранилище?

— Я всего лишь хочу быть застрахован от этого, — сказал Лоусон, глядя на клерка широко раскрытыми и такими невинными глазами.

— Понятно, — протянул клерк, придя к некоему заключению. — Вы не возражаете прямо сейчас ответить на наш стандартный анкетный опрос? Все будет решено, как только мы закончим наши исследования.

— Я полагаю, взносы у вас достаточно низкие, чтобы я смог их выплачивать? — спросил Лоусон.

— Они варьируются.

— У меня не так уж и много денег, — сообщил Лоусон. — Но я надеюсь, можно что-то решить. — Он улыбнулся. — Ладно, где ваша анкета?

— Можете использовать этот экран, — ответил клерк, совершая переключение. — Подадите сигнал, когда закончите... вот эта кнопка.

Клерк вышел. Экран сделал качественные снимки Лоусона, стереоскопическое фото и флю-

орографию. Затем раздался оживленный, слегка надменный голос робота:

— Полное имя, пожалуйста. Сначала фамилия.

— Лоусон, Бенджамин.

— Возраст?

— Двадцать один год.

— Дата рождения?

— Девятого апреля двадцать...

В главном офисе Фергюсон нажал несколько кнопок, изучил статью из «Британской Энциклопедии», появившуюся на экране, и кивнул Арчеру.

— Фенилтиомочевина, это... — начал Арчер.

— Здесь сказано, что это химическое соединение, — перебил его Фергюсон, — состоящее из углерода, водорода, азота и серы. Семь из десяти человек считают его адски горьким, три оставшихся — безвкусным. Это вопрос наследственной генетики, доминирующей или рецессивной.

— Это яд? Опасно для жизни?

— Как и любая жидкость в достаточно больших количествах, включая H₂O. В воде ведь тоже можно утонуть. Но зачем запускать фенил... фенилтиомочевину в городское водохранилище? Почему бы тогда не мышьяк? Он хотя бы смертельно опасен.

— Ну и зачем? — спросил Арчер.

— Этого мы пока не знаем. Мы сейчас проводим расследование. Все очень нечетко. Немного нелепо. Когда люди пытаются перехитрить БСЛД, они обычно делают это логично, осторожно, прилагая массу усилий, чтобы скрыть свой истинный умысел. Этот же Лоусон практически говорит нам, что намеревается сделать. Только не спрашивайте меня сейчас, примем ли мы его в качестве клиента. Все зависит от результатов расследования.

— Отпинать полицейского, — задумчиво протянул Арчер, при этом его лицо и проницательные глаза оставались совершенно спокойными. — Что там еще в его списке?

— Он выведен вот на этот экран. Странно. Он хочет не только финансовую компенсацию, но требует и внесение пункта о полной безнаказанности. Он не хочет, чтобы возникли какие-либо юридические последствия.

— Но вы ведь можете это устроить, не так ли? Вы ведь федеральное Бюро? Если он отпинает полицейского...

— Если мы выдадим ему страховой полис, — мрачно ответил Фергюсон, — то он, конечно, не сможет пнуть полицейского. Я так думаю. Возможно, этот парень думает, что сумеет пере-

хитрить БСЛД, но меня ему не обмануть.

— Что-то личное? — спросил Арчер, пристально глядя на Фергюсона.

— Конечно. Вот почему я — социально интегрированный человек. Я могу направлять свои импульсы по конструктивным каналам вместо деструктивных. Я весьма горжусь своей находчивостью, мистер Арчер, и горжусь БСЛД. Здесь я использую свои мозги на полную силу, а где еще я смог бы это сделать? Кроме, разве что, на должности Фиксатора.

— Спасибо, — вежливо сказал Арчер. — Если вы сумеете успокоить меня насчет Бена Лоусона, я буду вам благодарен. Раньше это называли причудами — капризом. Но я никогда еще не встречал чудака, который не хотел бы извлечь выгоду из своих чудачеств. И Лоусон...

Но Фергюсон уже думал о Лоусоне не как о чудаке, а как о враге БСЛД.

— Фенилтиомочевина, а? — сказал он. — Я остановлю его.

Основа для Бюро была заложена в Чикаго, Аламогордо и Хиросиме. Она покоилась на нестабильности атома. Атомная война произошла в свое, хотя и такое неподходящее, время. Если бы ядерные боеголовки взорвались в середине соро-

ковых годов, то в результате была бы катастрофа и всеобщее крушение цивилизации. Но этого не произошло. Если бы глобальная война разразилась после того, как человечество уже полностью овладело атомной энергией, то в результате это дало бы толчок для развития внеземных колоний, а Земля стала бы их сырьевым придатком. Разница была примерно такой же, как между пистолетом с одним патроном и пистолетом с полным магазином. Но когда уровень мира, казалось, вернулся к довоенным стандартам, оптимисты решили, что следующего падения на этих американских горках либо не будет вообще, либо не случится до тех пор, пока не будет достигнута некая «точка насыщения». Международная политика и национальная экономика начинали тормозить, в то время как атомные науки, напротив, развиваться. К счастью, фундамент был построен до возведения крыши. Атомная война все же произошла, но была она не столь катастрофичной, какой могла бы стать в 1946 году, и не такой глобальной, как была бы десятилетиями позже. Она просто уничтожила бóльшую часть планеты.

Но это, конечно же, было неизбежно.

И столь же неизбежно для Человечества было

восстановление цивилизации. Одним из последствий войны стало то, что специализация стала менее важной, а более важным — объединение. Биологи, психологи, физики и социологи вынуждены были из чистой необходимости работать вместе. Физически децентрализованные, психически люди стали сторонниками федерализма в мыслях и действиях. Удивительно, но было даже создано стабильное мировое правительство. Сначала оно концентрировалось на небольшой территории к северу от озера Мауч Чунк в Пенсильвании, но постепенно зона его контроля расширилась. Знания и технологии никуда не девались, и это весьма помогало, но перед людьми стояла огромная проблема по восстановлению.

Один из ответов заключался в устранении трудностей с детьми. Детоубийства были насущной проблемой, но вряд ли расовой. Желание иметь детей всячески стимулировалось из-за увеличения бесплодности, странных мутаций и уменьшения нормальных родов. Однако стало необходимым как-то решить жизненную проблему растущей незрелости членов общества.

Одним словом, не все люди становились зрелыми после того, как у них появлялись дети. Развитие по меньшей мере одного родителя

начинало замедляться, и он так никогда и не достигал психической зрелости.

В отличие от горилл...

По каким-то причинам Фергюсон нервничал, разъясняя все эти подробности Арчеру, который слушал с повышенным вниманием. Может, потому, что Фергюсон невольно вторгся в поле деятельности Фиксатора, но Арчер внимательно слушал.

— Человек — незрелое существо, — продолжал Фергюсон. — Любой натуралист или биолог могут это доказать. Как и любой социолог. — Он как-то забыл, что его собеседник имеет ученую степень по социологии. — Наши черепные швы не имеют жесткой связи, наш привычный образ действий не является действиями взрослых, даже наши физические пропорции тел говорят о незрелости... ну, физически мы сложены, как незрелые гориллы. И действуем мы точно так же. Мы — раса, ведущая общественный образ жизни. Нам нравятся физические контакты, наши игры основаны на соперничестве, нам, вообще, нравятся грубые развлечения. Я... я допускаю, что незрелость — это именно то, что заставляет нас развиваться, но мы небезопасны, как и любые опытные образцы. Зрелая горилла не опасна.

Она прекрасно приспособлена к своей среде обитания. У нее есть личная территория, гарем, и единственная опасность исходит от молодых самцов, которые хотели бы завладеть гаремом взрослой особи. Но взрослая горилла во всем умеренна и совершенно самодостаточна. Господь видит, что если бы мы были взрослыми, то не устраивали бы столько вечеринок!

— БСЛД прилагает усилия как раз для того, чтобы наша раса стала зрелой, — полувопросительно сказал Арчер.

— Дети — самая большая проблема в нашей культуре, — сказал Фергюсон. — Взрослая горилла прогоняет своих детей прочь, когда те вырастают. Или они могут уйти сами, когда уже выросли настолько, чтобы прожить в джунглях самостоятельно. Но наша цивилизация сделала джунгли убийственными. Не снабжение или еда являются проблемой для молодых, а проблема личности. В результате возникла культура, в которой мужчины стали доминирующими, а женщины — порабощенными. Скажем так, для примера — воспитание детей в городах до атомной войны было полноценной работой. Какая трата времени и ресурсов!

Арчер невольно облизнул губы.

— Хотите выпить? — предложил Фергюсон. — Можете заказать себе виски с содовой.

Он замолчал, поджидая заказ и глядя в окно. Раскинувшийся внизу город был небольшим по численности населения, но занимал весьма обширную площадь, и в нем было очень много парков.

Так и должно быть, подумал Фергюсон. *Это безопасно.*

Итак, у вас на руках выздоравливающий мир — в основном уже здоровый организм, но восприимчивый ко всяким переносчикам заболеваний. Люди с предрасположением к раку должны избегать непрерывного раздражения тканей. Рак — неконтролируемый патологический рост клеток. Управляемый рост клеток нормален и полезен. Точно так же и атомная энергетика.

Избегайте раздражений.

Люди, практически, жили в значительной степени так, как хотело БСЛД. Естественно, они не могли иметь все. Неврозы нельзя устранить быстро. Но атомная война была эквивалентом электрошока. *En masse*[9] БСЛД использовало

---

[9] Примечания: 9
En masse — в массе (*фр.*).

паллиативный план[10]. Но в отдельных случаях БСЛД пользовалось страховками.

Но страховало не всех и не все. Здесь вам не какая-нибудь Утопия. Даже у суперменов возникли бы суперпроблемы. Нужна была железная рука, но в бархатной перчатке, а это именно та ткань, которой так любят касаться люди. Атомный рак фиксировался решительной хирургией, но все же проникал в кровь. Поэтому, вместо реальных мер, БСЛД старалось избегать раздражений. БСЛД не давало пациенту-миру заболевать другими болезнями, которые могли вызвать раздражение. Всего, что могло создать социальное заражение, которое привело бы впоследствии к очередной вспышке рака. Пока раса здорова, это было средство безопасности.

Это было применимо также и к самому Грегу Фергюсону.

БСЛД страховалось и в этом. Никакие раздражения не должны возникать для него, ничего, что нельзя было бы скорректировать. Фергюсон был погнутым штепселем в гнутой розетке. Очевидно, он был менее зрелым — или, скорее, более незрелым, — чем большинство остальных людей.

---

[10] Примечания: 10
Паллиатив — полумера.

Очевидно, ему были нужны запас прочности, устойчивость, определенная безопасность, которую предоставляло ему БСЛД.

Фактически, он действительно нуждался в этом. Очень нуждался.

Невозможно восстановить мир за один день. Технических знаний много, но мало людей. А это означало всеобщие усилия. Таким образом, БСЛД сокращало факторы, задерживающие созревание. Общество должно быть многочисленным, чтобы позволить себе содержать ученых, которые далеко не сразу выдают результаты на-гора. А если половина каждой пары должна воспитывать детей, потенциальная рабочая сила уменьшалась вдвое. Поэтому детей помещали в детские ясли. Молодая горилла может выжить в джунглях, потому что те являются ее эквивалентом безопасности. Детские ясли были такими джунглями — родители же освобождались от ответственности за потомство и могли продолжать свой процесс созревания.

Федеральное Бюро Страхования, Лотерей и Детских яслей сделало это возможным. Нельзя было финансировать ясли из налогов. Правительство хотело избегать факторов раздражения, а не плодить новые. Несколько помогали лотереи, но

реальным ответом было Страхование. Именно это было тем местом, где выпускался пар. Это был ответ человеку. Именно здесь вылавливались зачатки неврозов. В общем и целом люди страхуются именно из-за неврозов, и в былые времена у них были для этого основания. Под эгидой БСЛД страхованию подлежало практически все. Человек хочет застраховаться от того, чего он боится или чего ждет. Зачастую в общественном отношении и личном все это чистая патология.

Взрослой горилле не нужна страховка.

— Вот потенциальный случай психоза клиента, — сказал Фергюсон и переключил экран. На нем появилось лицо человека. Выглядело оно совершенно нормальным.

Арчер поднял брови.

— Он хочет получить страховку от инфекционных заболеваний, — пояснил Фергюсон. — Страховой взнос в этом полисе явно достаточно высок. Мы ведь еще не уничтожили все мутировавшие заболевания, хотя после биологических боев раса выработала весьма высокий иммунитет. Но посмотрите на результаты его расследования и вы все поймете.

По экрану побежали строчки информации. Арчер ждал.

— Видите?

— Не вижу я ничего особенного, — ответил Фиксатор.

— Да? Вы не понимаете, почему этот парень может теперь пожелать страховку от самоубийства?

— Гм-м... От самоубийства? Но почему? Он хорошо интегрирован в общество. Полезен, счастлив...

— А вы не заметили никаких необычных покупок? Посмотрите список, связанный с химией.

— Ладно. Зеленое мыло. Бактерицидные препараты. Портативный ультрафиолет...

— Два таких. Один для офиса, другой для дома. Парень действует прямо-таки по классической схеме развития мизофобии. Это должно означать страх перед мышами, но на самом деле значит страх перед грязью. Остальное — рутина для психбригады. Мое заключение: первоначальная инициация произошла в детстве, когда он пришел домой из яслей. Он пролил на свою сестру что-то, что причинило ей боль. Родители поступили неправильно, начав суетиться. Так у него возник комплекс вины. В конечном итоге он мог начать слышать голоса, твердившие ему, что он совершил грех. Понимаете?

— Ага, — сказал Арчер. — И его желание получить страховой полис — это скрытая мизофобия?

— Конечно. Почему бы и нет? Когда он будет проходить опрос, мы применим какой-нибудь трюк.

— Гипноз... О, я хотел бы узнать побольше об этом.

— Ну, — сказал Фергюсон, — в итоге наш клиент станет «хорошим риском» вместо плохого. Мы вылечим его, направив его неврозы в нужное русло. За исключением настоящих несчастных случаев, процентное соотношение будет в нашу пользу. Иначе и быть не может из-за его подавленного желания умереть. Если же ничего не делать, то в конце концов он непременно постарается заразиться какой-нибудь болезнью, даже не зная об этом сознательно. Мизофобия, как же! Да он жаждет наказания!..

— Отчет о Бенджамине Лоусоне, — раздался голос с экрана.

— Давай, — велел Фергюсон. — Вперед.

Лоусону был двадцать один год и одна неделя. Он был совершенно нормален. Даже легкие отклонения во время учебного периода тоже были нормальны. Если бы их не было вообще, это стало бы подозрительным и потребовало

дополнительного расследования. Все дети подкладывают лягушек в столы учительниц, если лягушки доступны. Если же нет — сойдут и мыши, насекомые или ящерицы.

Когда ему исполнился двадцать один год, у Лоусона было на выбор несколько заданий, к которым он был готов. Область его интересов, казалось, включала в себя все. Он изучал все, всеядно, но временами даже небрежно. Однако он использовал свой месячный отпуск, положенный всем выпускникам, просидев большую часть дома и посетив родителей, которые были умеренно рады его видеть. Он прочитал много новостных лент и встретился с правительственным консультантом по имени Хирам Рив, предложив, чтобы Рив на следующую сессию внес на рассмотрение законопроект о пенсии по инфантильности. Это заинтересовало Арчера, поскольку Арчер являлся Фиксатором Хирама Рива.

— Если подробнее, — продолжал голос с экрана, — Лоусон предложил вывернутую наизнанку пенсию по старости. Все дети имели бы на нее право и получали бы вплоть до достижения биологической зрелости. Консультант Рив согласился внести такой законопроект...

— Но на самом деле не внесет, — пробормотал

Фергюсон. — Это просто предвыборные обещания, да?

— В течение последних двух лет, — продолжал голос с экрана, — Лоусон изучил следующие предметы: биологию, мутацию, биологическое время и время энтропийное, эндокринологию, психологию, патологию, социологию и философию юмора. Все эти его исследования были интенсивными, а не случайными. Кажется...

— Пропустите его жизнь вплоть до последних нескольких дней, — велел Фергюсон. — Что он там читает?

Он подался к экрану, но это оказалось ненужным. Тут же изображение сделалось крупным, и стало видно, что веселый мистер Лоусон был погружен в чтение «Сборника анекдотов» Джо Миллера.

Несколько дней спустя Лоусон снова появился в местном филиале БСЛД по записи, и на этот раз встретился с Грегом Фергюсоном, который прилетел часом ранее, чтобы самому провести последнее собеседование. Было необходимо сделать определенные приготовления. В былые времена страховая компания не могла бы дать страховку от пожара в арендуемой квартире, пока владелец не оборудовал бы дом пожарны-

ми лестницами. Вот и теперь БСЛД при работе с каждым клиентом удостоверяется в наличии экстрасенсорных «пожарных лестниц». Более того, БСЛД само создает их.

— Понимаете, мистер Лоусон, — сказал Фергюсон, — страховые полисы теряют законную силу, если вы когда-либо откажетесь явиться на дополнительное собеседование в том случае, когда мы решим, что таковое необходимо.

— О, конечно. Все в порядке. Так я получу страховку?

— Вы хотите каждую случайность из перечисленных в вашем списке покрыть отдельной страховкой?

— Да, если я смогу выплачивать страховые взносы по всем ним.

— У вас здесь двадцать пять полисов, — сказал Фергюсон. — Они покрывают весь список. Взносы, разумеется, по ним различные. Для нас было бы плохим риском застраховать вас от подвертывания лодыжки... Но мы готовы взамен застраховать от дождя, во время которого вы и могли бы подвернуть лодыжку, потому что в наше время мы можем легко управлять погодой. Итак, у вас тут собран экстремально широкий диапазон — от неурожая апельсинов во Флориде

до укуса ядовитой змеи. Между прочим, урожай обещает быть хорошим.

— Ну а что, если я имею в виду не климатические условия, — возразил Лоусон, — а мутировавших долгоносиков, которые несколько лет назад уничтожили хлопок в Южной Каролине?

— Значит, вы ставите на возникновение подобной мутации, которая повредит урожаю флоридских апельсинов?

— В известном смысле я считаю, что заключаю пари на такую возможность. Я вполне уверен, что некоторые из этих страховок окупят себя.

— Вы так думаете? — спросил Фергюсон. — Помните, некоторые взносы у вас будут повышенные... А заключать пари на возможности — это плохой бизнес.

— Можно, я... — Лоусон просмотрел счета, которые передал ему Фергюсон, и присвистнул. — Пятый пункт очень дорогой. Почему?

— Страховка от того, что вы намеренно заразите кого-то сенной лихорадкой? — уточнил Фергюсон. — С одной стороны, тут есть трудности с доказательствами. Но, в основном, потому, что в наше время слишком уж много всяких вирусных мутаций. Аллергии очень хитры. Мы застрахуем вас, разумеется, но это будет стоить вам денег.

А зачем вы хотите заразить кого-то сенной лихорадкой?

— Я хочу быть застрахованным *против* этого, мистер Фергюсон, — вежливо ответил Лоусон. — Нет, не думаю, что смогу платить такие взносы. Однако остальное... — он быстро произвел в уме какие-то подсчеты. — Наверное, я смогу заплатить первые взносы.

Фергюсон внимательно наблюдал за молодым человеком. К этому времени он изучил Лоусона от и до. Узнал его наследственность и привычки. Узнал, как и над чем работает клиент. И не нашел в Лоусоне ничего подозрительного, кроме предчувствий Арчера.

Но предчувствия не являются преступлением.

Поэтому он просто сказал:

— Мистер Лоусон, я обязан вас предупредить. Если вы сможете заплатить только первоначальные взносы, то потеряете и деньги, и страховки... если, конечно, вы не устроитесь на высокооплачиваемую работу или не получите деньги откуда-то еще.

— Никто *не обязан* устраиваться на работу, — покачал головой Лоусон.

— Обычно люди голодают, если не работают. Даже если они обращаются за пособием по без-

работице, они должны отработать его потом в человеко-часах.

— О?.. — протянул Лоусон.

— Страховые полисы, которые мы выдаем, гарантированы. Мы подписываем их и платим в случае необходимости. Но хочу вас предупредить, что наши потери, подлежащие выплате, почти полностью подпадают под закон о неконтролируемых случайностях. А когда в дело вступает фактор личности, мы ничего не теряем. В ваших же случаях играет роль стопроцентно личностный фактор. Невозможно, чтобы вы случайно могли выпустить в городское водохранилище фенилтиомочевину.

— Вообще никакой возможности?

— Разве что астрономическая... Уж не нашли ли вы способ нарушать законы случайностей?

— Но к настоящему моменту вы бы об этом уже узнали, — возразил Лоусон. — Вы же все проверили.

— Правильно, — кивнул Фергюсон. — Если вы окажетесь в водохранилище, это произойдет только по вашей личной воле. Вы же понимаете, что иначе попасть туда невозможно.

— Невозможно?

— Почти. Гипнообработка более действенна,

чем думает большинство людей. Мы собираемся обработать вас так, что вы просто *не сможете* сделать то, от чего страхуетесь.

— Ну и прекрасно, — заявил Лоусон. — Я, разумеется, не хотел бы заразить городское водохранилище фенилтиомочевиной, верно?

Глядя на него, Фергюсон испытал необъяснимый момент дежавю, но не шелохнулся и промолчал, потому что не любил такого, и позволил свободным ассоциациям — разумеется, *избранным* ассоциациям — проноситься у него в голове. Все это напоминало те времена, когда он еще был в детских яслях и вынужден был обращаться с вопросами к взрослым, что заставляло его чувствовать себя тупым и невежественным, потому что взрослые знали гораздо больше правил, чем он сам.

Он рассматривал Лоусона. В этом было что-то эквивалентное рыскающей в ночи собаке. Лоусон явно был ни при чем. Лоусон, казалось, чувствовал себя свободно и непринужденно. И даже при том, что ему предстояла гипнообработка, все равно оставалось неизбежное поле для ошибки. Фергюсон печенкой чувствовал приступ растерянности. Печенкой, солнечным сплетением — неважно чем. Всем, где образуют узел нер-

вы, работающие в гармонии с мозгом, который является, по сути, правительством. Фергюсон чувствовал угрозу, ему казалось, что он стоит на самом краешке пропасти.

БСЛД являлось краеугольным камнем. Альтернативой ему был самый ужасный ад, когда-либо создававшийся человеком — угроза неконтролируемой атомной энергетики. Но вернулись здравый смысл и логика, столько раз подводившие Человечество в прошлом, и Бюро гарантировало, что один человек не сможет расстроить его планы. Особенно пристально оно следило за молодежью.

Дерзкий неоперившийся юнец. Он только что пробил оболочку своего яйца — яслей. Естественно, он чувствовал себя в силах справиться с чем угодно. Ведь он всегда справлялся с тем, что возникало внутри яйца. Но оболочка являлась барьером, не пускавшим то, что могло навредить ему.

— Есть один пункт, — сказал Фергюсон. — Ваши сны.

— А что с ними такое?

— Наши эксперты проштудировали их. Особенно гипнопедические видения. Вплоть до последних трех лет ваши зарегистрированные

сны следовали за правильными образцами изменений. А потом...

— Потом перестали следовать?

— О нет, не перестали. Они по-прежнему следуют за образцом. Но *без* изменений.

— Но это просто означает, что я типовой образец, верно? — спросил Лоусон. — Настоящая норма?

— Норма — это условный образ, — нахмурился Фергюсон. — Вы что, пытаетесь разыграть меня?

— Простите. Я вас недооценил, — сокрушенно сказал Лоусон. — Я знаю, что теоретически нормальный человек стал бы в значительной степени монстром. Норма — просто удобный семантический термин. Даже если норма и существует, она не может оставаться таковой из-за давления окружающей среды.

— Все так. Либо вы лгали о снах последние несколько лет, либо вообще их не видите.

— Никто не жаловался.

— Работники яслей смотрят на все однобоко. Мы же здесь подходим с другой стороны.

— Но если я — плохой риск, вы можете просто отказать мне! — воскликнул Лоусон.

— О, нет, — спокойно ответил Фергюсон. — Мы редко отказываем клиенту. Мы допускаем

поле для ошибки и платим в случае чего. Мы страхуем. Если бы мы умели управлять фактором неопределенности, то просто устанавливали бы фиксированную сумму, чтобы творить чудеса. Но мы не умеем этого делать. Вот почему мы пользуемся гипнообработкой как дополнительной страховкой — страхуем себя самих. Но когда мы платим, то хотим знать почему. Вас проверили со всех сторон. Вы явно не антиобщественный элемент. У вас нет скрытых преступных тенденций, которые мы наверняка бы обнаружили. Вы нормальный человек для своего возраста...

Фергюсон замолчал, снова испытав при этих словах странный приступ растерянности. Он понял, что сам не верит тому, что сейчас сказал. Он *знал* с твердой уверенностью, что Лоусон *не нормален.*

Но не было никаких доказательств. Не было ничего, что навело бы Арчера на этот случай. *Предположим,* подумал Фергюсон, *я спрошу Лоусона: «Зачем вы просили консультанта Рива выдвинуть на рассмотрение закон о пенсии по незрелости?» Разумеется, я получу ответ, но ответ неудовлетворительный.*

Лоусон в любом случае не получил бы выгоду от такой пенсии. По закону он уже и физически,

и психически зрелая особь. Выходит, его запрос консультанту является актом простого альтруизма, причем альтруизма нелогичного, поскольку у молодежи при существующей системе и так уже есть эквивалент подобной пенсии.

— Иногда людям кажется, что они могут обмануть БСЛД, — сказал он, с сожалением заметив в собственном голосе нотки раздражения. — Но они никогда не достигают успеха.

Успеха. Это было ключевое слово, которое он бросил намеренно и стал ждать реакции. Молодой человек усмехнулся.

— Мне кажется, — сказал он, — что вы сами относитесь к этому ужасно серьезно, раз не возражаете против моих высказываний. Если бы я планировал какие-то тайные методы фальсификации несчастного случая или чего-то в этом роде, то вы бы не обеспокоились. Пока идет настоящая, серьезная жизнь, вы не возражаете, но стоит только слегка пошутить, как вы начинаете думать, будто я собираюсь добраться до атомной энергостанции и взорвать ее у вас на глазах.

Фергюсон стиснул губы.

— Мы пойдем на риск, — сказал он через секунду. — Так какие страховки вы выберете?

— Ну... я думаю, придется забыть об этих трех.

Ставки слишком высоки. Я возьму оставшиеся двадцать два полиса из списка. Пойдет?

— Вы можете позволить себе заплатить двадцать два взноса. Тогда почему бы вам не вычеркнуть еще несколько для уверенности, что у вас не кончатся деньги прежде, чем вы найдете хорошую работу?

— Ну, если бы я выбрал две-три страховки, и они бы окупились, — сказал Лоусон, — то я уже не смог бы получить позже другие по тем же взносам, верно?

— Очевидно, нет, — ответил Фергюсон. — Нам тоже приходится экономить...

— Тогда я беру все, кроме тех трех, что не могу себе позволить.

— Спасибо, — сказал Фергюсон, имея в виду нечто другое.

— Совершенно ясно, что он собирается сделать, — сказал Фергюсон. — Он хочет попытаться заставить нас выплатить ему по одной страховке и, таким образом, сможет продолжать оплачивать остальные. И всякий раз, когда его банковский счет будет подходить к нулю, он будет наживаться на очередной страховке. Отпинает полицейского или что-то в этом роде. Какое низменное чувство юмора.

Арчер долго молчал. Он сидел с закрытыми глазами, очевидно еще раз просматривая проблему в целом. Затем наконец открыл глаза.

— А правда, что перед приемом в БСЛД чиновники проходят психиатрическую проверку? — спросил он.

— Так это я теперь сумасшедший? А не он?

— Проще считать так, чем думать, что один человек может так легко опрокинуть всю организацию. Почему вы перешли к самому маловероятному заключению прежде, чем проверили более вероятные? Я знаю, что, в соответствии с законом среднего, БСЛД всегда окупало свои страховки.

Они сидели в офисе Фергюсона, наблюдая, как Лоусон на экране проходит гипнообработку. Там все шло по расписанию и не возникало никаких помех. Лоусон был хорошо подвержен гипнозу даже без специальных препаратов. Он легко вошел в транс и реагировал, как и должно. Он уже прошел обычную программу, выстрелив холостым патроном в психиатра, что означало одно из трех: а) он был убийцей, б) он подсознательно знал, что пистолет заряжен холостыми, в) он ненавидел психиатров. Повторные проверки показали, что верным был второй пункт. Ему также было велено украсть доллар из кармана

ассистента, что он и сделал, но это тоже ничего не значило. Основой современного мира являлся бартер, а деньги были всего лишь символом, так что трудно было понять, что значил для Лоусона украденный доллар.

Психиатрия — такая же точная и одновременно неточная наука, как и математика. Как только вы понимаете, что можно создать по потребности совершенно новую систему математики, вы тут же понимаете, что математика является точной, лишь когда выполняются все ее правила. Но если вы попробуете использовать правила одной системы, чтобы решить задачи в другой, то могут возникнуть трудности. Психиатры, работающие с Лоусоном, вроде бы все делали правильно, но Фергюсон вдруг подумал, что они бы и сами не знали, если бы где-то напортачили.

И все же ему не с чем было продолжать работать, кроме как с предчувствиями.

Предчувствия, тем не менее, достаточно точны, если вы уходите от вымышленных идей. Так называемые вещие сны могут быть точными. Сны, в которых мы видим исполнение своих желаний, тоже могут быть вещими, но тут уж пятьдесят на пятьдесят. Предчувствия Фергюсона шли из подсознания, где всю его жизнь копились надеж-

ды и страхи. В двадцатом веке, с его громадной кучей опасностей, он был бы очень несчастным и жалким типом. БСЛД символизировало для него безопасность, в которой Фергюсон жизненно нуждался. Если кто-то угрожал БСЛД, то тем самым угрожал лично ему. И как у большинства других людей, у него был подспудный психоз, порожденный страхами перед всеобщей термоядерной цепной реакцией.

БСЛД означало, в известном смысле, статус-кво. Люди на руководящих постах допускали напряжение и деформацию, как и окружающая среда допускает деформацию, например, в металлах, но только в строго отмеренных количествах. Если бы можно было держать род человеческий в вакууме под стеклом, то статус-кво стал бы абсолютным. Но это было практически невыполнимо...

— Он раздражает меня, — дрогнувшим голосом сказал Фергюсон. — Предчувствия — не доказательства, но...

— В чем же дело? Вы думаете, что этот супермен просто *лжет*? — иронически спросил Арчер.

Фергюсон уставился на свои ногти.

— Вы это не серьезно.

— Ну... это маловероятно.

— Я провел массу времени, изучая этого субъек-

та, — сказал Фергюсон. — И иногда я спрашивал себя... Почему, черт побери, вы выбрали для проверки Лоусона, если так уверены, что он безвреден?

— Я никогда не рискую, — ответил Арчер. — Хороший Фиксатор похож на анероидный барометр. Он очень чувствительный. Когда возникают какие-то эквиваленты изменения атмосферного давления, я замечаю их, и мне хочется узнать, какова причина их возникновения. Я множество раз гонялся за недостижимым, но... я не рискую.

— Но это не совпадение, что мы работаем над одной проблемой, — сказал Фергюсон. — Вы заметили результаты, а мне кажется, что я заметил причину. Мы оба, каждый своим путем, нацелились на Лоусона, он оказался у нас в перекрестье прицела, словно шторм, назревающий в Антарктике. Словно вы заметили падение барометра в Висконсине, а я увидел тепловые изменения на Южном полюсе. Ну, ладно, Лоусон заставляет меня испытывать странные чувства. Но именно Лоусон попросил вашего покровителя гарантировать уплату по векселю. Хираму Риву, наверное, предлагают на подпись много самых эксцентричных векселей.

— Но никогда альтруистичных, — вставил

Арчер.

— Никогда — каких?

— Я имею в виду, что если копнуть поглубже, то там всегда можно найти чью-то выгоду. Это всегда оправдывается, по крайней мере, психологической компенсацией. Если копнете поглубже, то вы всегда обнаружите, что так называемые незаинтересованные реформаторы не так уж не заинтересованы, как представляются — если докопаться до их личных побуждений. Люди, которые хотят сохранить мир, обычно сидят на плюшевых тронах, выбранных себе в храбром новом мире. Но поступки Лоусона *явно* альтруистичны. И я хочу докопаться, какой у него может быть эгоистичный повод для проведения в жизнь идеи пенсии по незрелости. Только тогда я смогу расслабиться.

— Значит, для вас это просто работа?

— Мне нравится моя работа. Вот почему я работаю на Рива — он самый компетентный политикан в округе. Если появился бы лучший, то я бы сменил свой объект лояльности. Но сейчас я ищу в Лоусоне нормальность, а вы ищите отклонение от нормы.

— Он нормален, — сказал Фергюсон. — Взгляните на эту диаграмму реакций.

Они глянули на экран, где Лоусона кодировали против избиения полицейского.

— И это сработает? — спросил Арчер.

— Трудно сказать. Мы в большой степени зависим от успешного внедрения страха перед последствиями. Но мы как раз и страхуем от последствий. В лабораторных условиях Лоусон может прекрасно воздерживаться от избиения полицейских, так как подсознательно знает, что не получит страховой полис, если так сделает. Но как только он получит его — в дело вступают гарантии, даруемые этим полисом. Всегда существует поле для ошибки.

По экрану проплыла дрожащая зеленая линия, означающая, что Лоусон воздержался от удара по манекену полицейского.

Три дня спустя Лоусон бросил в водохранилище фенилтиомочевину, причем сделал это в поле зрения одного из охранных телеобъективов, установленных по периметру водохранилища, и сначала подержал бутылку с этикеткой, чтобы ни у кого не было никаких сомнений. После чего весело засмеялся и ушел.

— Мне нужна защита от тяги к убийству, — сказал Фергюсон психиатру БСЛД. — Вероятно, тут

какая-то параноидальная основа. Этот клиент будит во мне мерзавца.

— Будит в вас мерзавца? — переспросил психиатр. — И как же именно?

Фергюсон рассказал ему все.

— Таким образом, у него ничего нет, — закончил он. — Даже невроза, насколько мне известно. Но меня тревожит этот парень. Он берет двадцать два страховых полиса, и... я уже боюсь, что могу начать чувствовать позже.

— Вы просто отождествляете себя с БСЛД. Думаю, мы можем избавиться от этого. Сублимированием или чем-то подобным. Главное — удалить причину. От одного глотка еще не становятся алкоголиками. Мы проведем вас через специальную подпрограмму, Фергюсон.

— Я все время думаю о зрелых гориллах. Для меня было бы хорошей терапией поехать на охоту и пострелять самцов горилл. Хотя я не уверен. Это ведь может привести к клаустрофобии или агорафобии. Я имею в виду страх перед открытым пространством, а не страх перед толпой. Тогда мне нужно провести какое-то время в одном из тех маленьких строений, которые предсказывают погоду. А как насчет обитой войлоком палаты, стены которой то сжимаются, то раздвигаются?

— А как насчет успокоительного? — вмешался психиатр. — Проблема с такими, как вы, в том, что вы видите простую заусеницу и тут же начинаете думать, что это серьезный психоз. Мелкие проблемки обычно автоматически исправляются сами собой. Мы храним полные карты всех штатных работников и знаем о вас гораздо больше, чем вы думаете. С вами все в порядке. Но, только чтобы осчастливить вас, мы пройдем через подпрограмму и удостоверимся, что вы не оборотень... хотя, если бы вы не были приспособляемым, то не добились бы таких успехов на службе.

— А что делать с Лоусоном? — печально спросил Фергюсон.

Разумеется, о нем уже позаботились. Разумеется, БСЛД вызвало Лоусона для повторной проверки. Он прибыл весьма охотно, очевидно, подавив легкое удивление. В Фергюсоне окончательно окрепло убеждение, что психиатры ничего не обнаружат. Все прежние приступы растерянности и страха объединились, чтобы подсказать ему, что кем бы Лоусон ни являлся, он явно был неподвластен точным инструментам БСЛД. Единственный способ обнаружить его отклонение от нормы состоял в том, чтобы

скорректировать эффект, который он оказывал на другие объекты — именно так заподозрили в свое время существование Плутона, прежде чем обнаружили его на практике.

Но психологическая схема Лоусона показала отсутствие экстремальных отклонений от нормальности.

Он скрыл высокую сопротивляемость, но так поступают и многие другие. Повторной обработкой пентоталом натрия не удалось сломать все его барьеры — что тоже не было таким уж незнакомым явлением. Он лежал на кушетке, введенный в транс специальными препаратами, но его ответы на вопросы совершенно не удовлетворяли Фергюсона.

— Как вы себя чувствовали, когда бросили фенилтиомочевину в водохранилище? — спросили его.

— Я чувствовал себя хорошо, — ответил Лоусон.

— Но вы же помните, мы вроде бы договорились, что вы не будете бросать фенилтиомочевину в водохранилище?

Молчание.

Вопрос повторили.

— Нет, — ответил Лоусон.

— Вы можете ударить полицейского?

— Нет.

Что же можно было сделать еще из того, что не было сделано? Ему дали дополнительную дозу гипнопрепарата, еще тщательнее, чем прежде, закрепив в нем кодировки. Но он был вписан в Поле для Ошибки. Он был не часто встречающимся типом личности, но все же в рамках нормы. Если у него и были какие отклонения, выходящие за эти рамки, то психиатры не сумели их обнаружить. А Фергюсон был уверен, что такие были. Главный вопрос: как убедить в этом других? У БСЛД было ровно столько же доказательств, сколько и у Фергюсона, если это вообще можно назвать доказательствами. Очевидно, нельзя. А пункты, которые убеждали самого Фергюсона, были такими эфемерными, что на них нельзя было строить доказательства. Иногда он сам чувствовал сомнения, но всегда отбрасывал их и возвращался к слепому, нелогичному убеждению, которое не выходило у него из головы. Сверхчувствительность? Может ли это быть ответом? Много лет назад он интересовался теоретическим вопросом о супермене, и в те времена, глядя искоса на того или иного субъекта, Фергюсон думал о том...

Но никогда раньше он не чувствовал такого

убеждения. Частью разума, которая, казалось, была такой же специализированной и безошибочной, как радар, чувствительностью, которой, по-видимому, обладал только он, Фергюсон *знал* ответ. Он всегда в глубине души ожидал, что однажды теория супермена станет практикой. Теперь он думал, что вот оно — случилось! Но как убедить в этом тех, у кого нет такого же убеждения, возникающего из каких-то внутренних процессов, которым он даже не мог дать название? С таким же успехом Фергюсон мог бы объявить о втором пришествии Мессии. В лучшем случае его бы тут же выбросили, как поломанную деталь. И общественное недоверие лишило бы законной силы истину... если это вообще была истина. Никогда еще не было такого, чтобы какому-то человеку, утверждающему, что он Наполеон, тут же поверили бы без достаточных доказательств. До Галилея, сказал себе Фергюсон, наверняка было много сумасшедших, которые, среди прочих заблуждений, были убеждены, что Земля вращается вокруг Солнца.

Не существовало бы Поля для Ошибки, если бы много людей не подпадали под определенную классификацию. Произвольная выборка одного случая походила на эксцентричность со стороны

Фергюсона. У него не было аргументов, которые он мог бы предъявить на всеобщее обозрение. Он был предшественником Галилея, утверждавшим, что Земля вертится. И не было у него телескопа, каким мог бы воспользоваться любой другой.

И что он мог с этим поделать?

Только то, что уже сделал.

Психиатры могли помочь ему до определенной точки — предела видимости их, фигурально выражаясь, телескопов.

Но Фергюсон не осмеливался сказать им, что именно он подозревает, из страха, что на него тут же наклеят ярлык больного психозом. На деле, он должен был подвергнуть психоанализу самого себя, — как известно, это труднейшая задача, — и попытаться выделить и проанализировать безымянный, конкретный смысл, который подсказал бы ему, чем именно является Лоусон.

Между тем Бенджамин Лоусон спокойно продолжал заниматься своим делом.

Получив немало денег от БСЛД в результате его авантюры с водохранилищем, он вложил их в дело через инвестиционного брокера и арендовал небольшой дом, полностью оборудованный всевозможными Службами. Казалось, он хотел избежать ответственности. Был в его жизни ка-

кой-то привкус *игры.* Пища, приготовленная и горячая, прибывала сразу с недельным запасом, так что ему оставалось лишь нажать кнопку и выбрать блюдо. Затем он нажимал другую кнопку, и начиналась автоматическая уборка. Так как дом был функционален, не было никаких пылеуловителей, а кондиционеры и автоматические приспособления заботились о неизбежной грязи, которая встречается везде, кроме полного вакуума. В нескольких сотнях миль от дома располагалась спортивная площадка, и Лоусон частенько летал туда, чтобы покататься на лыжах, поиграть в теннис, в энергичную игру в *скатч* или просто поплавать. Он закупил тысячи книг, как бумажных, так и на кассетах, и читал все подряд. У него была химическая и прочие лаборатории, чисто любительские. Так, забавы ради, он как-то раз сам сварил мыло, и только хлорофилл-дезодораторы спасли его бунгало от отвратительного зловония.

И он по-прежнему нигде не работал.

Год спустя он избил полицейского. К тому времени у него как раз кончались деньги.

Фергюсон в то время продолжал работать над собой. Он обнаружил неосуществленные до настоящего времени психозы, включая младен-

ческое желание, о котором впоследствии все забывают, достать луну с неба, и по замечательной серии ассоциаций, включающей зеленый сыр, масло и хлеб, разрешил себе вспомнить об отце. Фергюсон связался по видеофону с отцом — дряхлым не интегрировавшимся стариком, который проводил время, коллекционируя грязные лимерики, и не почувствовал ничего, кроме скуки, когда его престарелый родитель принялся по три раза подряд декламировать эти лимерики. Фергюсон выключил связь в полной уверенности, что его отцу давно уже нужен психиатр, и вернулся к своему самоанализу.

И тогда Лоусон отпинал полицейского.

— Но это же было больше двух лет назад, — сказал с экрана Арчер. — Я помню, вас тогда это разозлило. Однако с тех пор прошло два года! Лоусон ведь больше не покупал никаких страховых полисов, не так ли?

— Вопрос не в этом, — сказал Фергюсон, чувствуя, как подергивается щека. — Все, кроме меня, забыли о Лоусоне, который остался в архивах просто как очередное дело. Я позвонил, чтобы узнать, потеряли ли и вы к нему интерес.

Арчер издал уклончивое хмыканье.

Фергюсон глядел на него. Их разделяли многие

сотни миль.

— Я готов держать пари, — добавил он, — что имя Лоусона записано у вас в календаре как кандидата на будущую проверку.

Арчер колебался.

— Ладно, — сказал он наконец. — Вы победили. Но это же простая процедура. Я проверял его каждые шесть месяцев. Я так делаю со многими — я ведь уже говорил вам, что никогда не рискую. К счастью, сотрудники у меня компетентные, так что я могу выкраивать время на это. Но это — всего лишь рутина.

— В других ваших случаях, может быть, это и рутина, — сказал Фергюсон, — но только не говорите мне, что так же обстоят дела и с Лоусоном.

— Я знаю, что у вас выработалась к нему настоящая фобия, — усмехнулся Арчер. — Есть ли что-нибудь новенькое?

Фергюсон задумчиво поглядел на Арчера, думая о том, сколько именно он может позволить себе рассказать. И решил строго придерживаться фактов.

— Вы знаете, чему я верю, Арчер. Но у меня нет доказательств. Он очень осторожен и никогда не делает ничего, что выдало бы его. При этом он не дает ни малейшего намека на то, что именно

собирается сделать, когда использует свои... способности. И мне кажется, я понял почему.

— Может быть, просто потому, что он — обычный человек без всяких там особых способностей? — тихонько спросил Арчер.

— Нет, не может быть! Я скажу вам, как это обстоит на самом деле. Он — все еще ребенок.

— В двадцать три года-то?

— Вы также помните возраст всех ваших рутинных случаев? — усмехнулся Фергюсон.

— Ну, продолжайте же, — сказал Арчер, пожав плечами.

— Я очень тщательно изучил его дело. Из собранной информации я составил диаграммы и графики и показал их специалистам. Получив их мнения, я провел сравнение. Сравнение с образцом активности Лоусона в ту пору, когда он был двенадцатилетним ребенком. Со всеми вариациями. Интеллектуально ему сейчас не двенадцать лет, но его рекреации — периоды расслабления, когда различные центры мозга не находятся под полным контролем разума, — начинают показывать кое-что важное. Он мыслит, как взрослый, но играет, как ребенок. У него задержанное развитие, вот что.

— Таким образом, вы полагаете, что он, когда

станет взрослым, превратится в супермена? — спросил Арчер.

— Вот почему он пошел к вашему патрону Риву, как только вышел из яслей. Краеугольный камень тут — пенсия по незрелости. Он не был таким уж альтруистом, как казалось, но, по его собственным меркам, он в то время был незрелым. И все еще остается таким. Он просто ждет, когда станет взрослым.

— И что тогда? Он захватит весь мир?

— Думаю, сможет, если захочет. — Фергюсон пристально поглядел на лицо Арчера на экране. — Ну, и что вы думаете?

— Чего вы ожидаете от меня?

— Я жду, когда вы вычеркнете его имя из вашего списка. Если ваш интерес к нему появился единственно из его странно альтруистического поступка, то можете спокойно закрывать это дело. Так что — вычеркнете?

Арчер немного подумал, прежде чем ответить.

— Наверняка.

— И это означает прямо противоположное. Вы слишком точный барометр, чтобы отвергнуть меня как совершенно свихнувшегося.

— А вы продолжаете не давать мне ничего, кроме догадок и подозрений, — огрызнулся Арчер.

— Да, я согласен, у меня самая настоящая фобия, — сказал Фергюсон. — Я уже долго живу с нею, и мне не нравится такая жизнь. Это все равно что жить с одной ногой без всякого протеза — к этому можно привыкнуть, но моя привычка не поможет остальному миру. Я хочу заставить Лоусона самого снабдить нас доказательствами, которые убедят вас, да и всех остальных, что он — то, чем является. И мне будет нужна ваша помощь. Он сделал несколько хороших вложений своих средств. Поэтому он не собирается обналичивать в ближайшие годы ни одну из своих оставшихся страховок. Я начинаю думать, что он делает так лишь затем, чтобы развеять подозрения и, таким образом, оставаться в поле для ошибки, чтобы впоследствии спокойно воспользоваться еще парочкой страховок. Он уже использовал две из них. Это насторожило специалистов. Если он в ближайшее время использует третью страховку, мне кажется, начнут волноваться и задавать вопросы и другие, помимо меня. Так вот, я хочу, чтобы он использовал третью страховку. Хочу, чтобы никто не успокаивался относительно него. И вот тут в действие должны вступить вы, Арчер. Если бы инвестиции Лоусона пошли прахом, ему волей-неволей потребовались бы деньги. И я хо-

чу, чтобы они пошли прахом. Это скорее в вашей компетенции, чем в моей. Так что вы скажете?

— А что это даст мне? — спросил Арчер.

— В итоге вам перестанут докучать мысли о нем. Обещаю, что если ничего не произойдет, я больше никогда не побеспокою вас. — Это Фергюсон сказал вслух, но мысленно добавил: «Но что-нибудь да произойдет. Я не могу ошибаться насчет Лоусона».

Вряд ли Лоусон останется сидеть, сложа руки. Но Фергюсон не боялся мести с его стороны. Лоусон был выше мелкой мести. Но он не мог позволить, чтобы такие вещи вышли из-под его контроля. Фергюсон рассчитывал, что Лоусон должен понять, что это была произведена атака на него. И если Лоусон тот, кем его считал Фергюсон, то он не может позволить себе утечки знаний о своих сверхспособностях. Если на вас направляют пистолет, вы должны выбить его. В этом нет ничего от мести — чистое самосохранение, которое должно быть у незрелого супермена столь же сильным, как и у любого другого живого существа.

Произойдет одно из двух.

Либо Лоусон захочет получить деньги еще по одной страховке, что автоматически подведет его

рискованно близко к границам поля для ошибки. БСЛД начнет волноваться и задавать вопросы, вспомнив о подозрениях, которые уже высказывал Фергюсон. Вряд ли Лоусон мог позволить себе пройти через гипнопроверку в третий раз.

Либо альтернативой этому может стать откровенное возмездие напавшим. Именно на это и надеялся Фергюсон. Это был более надежный способ получить доказательства его подозрений. И в этом ему должен помочь Арчер. Фергюсон мельком пожалел, что вынужден втягивать в это Арчера. У него не было никаких возражений против того, чтобы выставить себя в качестве приманки для тигра. Но еще никогда привязанная коза не могла убить тигра в одиночку. Фергюсон уже слишком твердо выставил себя психом в глазах тех, чье мнение могло иметь значение. Но если уж он вынужден затащить с собой в это дело Арчера, то Арчер должен иметь возможность сражаться с суперменом до победного конца. А свидетельство такого человека, как Арчер, сыграло бы немаловажную роль для Фергюсона.

Фергюсон с тревогой глядел в лицо Арчеру. Он видел, что в течение нескольких, показавшихся бесконечными, секунд решение того балансиро-

вало на чаше весов. Затем Арчер кивнул.

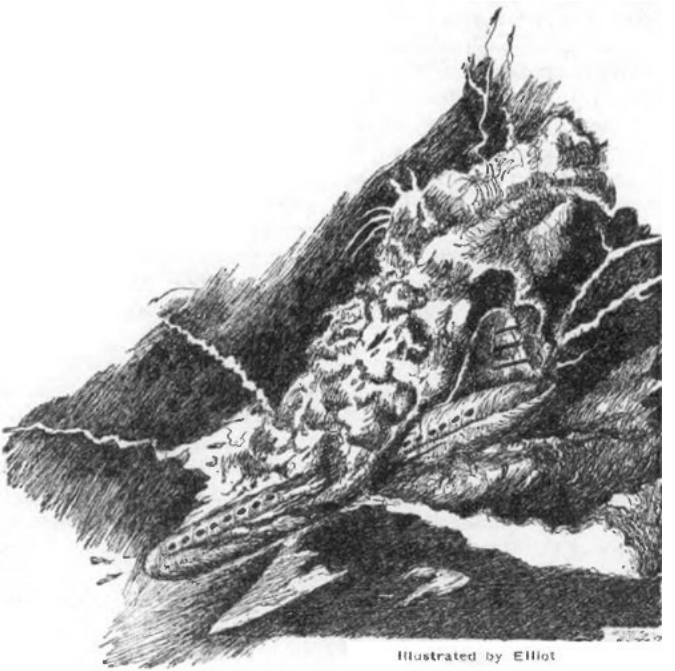
— Я посмотрю, что могу сделать, — сказал он.

Фергюсон выдохнул с облегчением.

Простота, с которой Лоусон придумал третью альтернативу, приводила в бешенство. Он не сделал ничего из того, что ждал Фергюсон. Вместо этого он застраховал «Нестор» — роскошный лайнер, курсирующий по маршруту Земля-Луна. А так как многие хотели получить такую же страховку — ввиду опасности от метеоритных роев, которые являлись чистой воды лотереей, — БСЛД не уделило этому ни малейшего внимания. «Нестор» взлетел на целых три дня позже объявленного расписания, чтобы обеспечить себе более спокойный полет, что заставило десятки пассажиров отменить свои страховки.

Таким образом «Нестор» избежал метеоритного роя, но столкнулся с атомной боеголовкой, уже много лет летающей по орбите в ожидании исполнения своего фатального предназначения.

«Нестор» летал на атомных двигателях. И бóльшая часть корабля на миг превратилась в белую вспышку, которая тут же исчезла с экранов.



Фергюсон тоже взорвался. Не в буквальном смысле слова, конечно, и не с тем результатом, что несчастный лайнер.

Хуже всего было ожидание. Фергюсон был почти уверен, что Лоусон знает, что намеревалось, почему и кто за это ответственен.

Но ничего не произошло.

Причем, не было никаких предположений, что вообще должно произойти. Фергюсон не знал, чего ждать, поскольку не знал возможностей Лоусона. Сам не зная, Фергюсон мог идти навстречу своему концу часы или дни с момента гибели «Нестора». Казалось совершенно очевидным, что Лоусон предвидел это завершающее рандеву лайнера с блуждающей по орбите боеголовкой. Не предназначено ли уже подобное рандеву и для самого Фергюсона? Или Лоусон просто проигнорировал его? Фергюсон не знал, какая мысль нравится ему меньше.

Уже начинала страдать его работа. Фергюсон почти ничего не ел в последнее время и, очевидно, из-за этого начал мучиться головными болями. Он случайно подслушал, как его секретарь жалуется кому-то, что босс становится похожим на медведя, которого выгнали из берлоги, но он знал, что это неудачное сравнение. Взрослый самец гориллы более подходил на эту роль, потому что выказывал бы точно такие же тенденции, что и Фергюсон: раздражительность, жажда одиночества и, прежде всего, подозрительность. Именно подозрительность беспокоила Фергюсона больше всего.

После того как он сделал третью серьезную

ошибку в текущей работе в офисе, Фергюсон послал заявку на отпуск. Он был больше рад, чем огорчен, когда заявка прошла беспрепятственно, — не то чтобы Фергюсон считал, что отпуск поможет решить его проблемы, ведь нельзя же избавиться от такого фактора, как Лоусон, просто игнорируя его, — но был, по крайней мере, избавлен от неприятных подозрений, терзавших его последнее время.

Он с подозрением стал относиться ко всем новым клиентам.

И продолжал помнить о таком обычном лице Лоусона и их первом собеседовании. Теперь же за каждым потенциальным клиентом Фергюсону мерещился новый Лоусон.

Полгода он пытался избавиться от этих кошмаров. Спортивный комплекс в Гималаях ничуть не помог.

Специализированная трудотерапия не помогла тоже. Не помог и полет на Луну. Фергюсону спутник Земли показался холодным и недружелюбным даже в приятной Теневой Долине к северу от кратера Тихо. Глядя на облачный диск Земли в небе, Фергюсон продолжал ворочать в голове свои невеселые мысли, и постепенно ему стало казаться, что сочетание темных и светлых

пятен на земном диске очень уж напоминают лицо Лоусона. Земля висела над головой, накрывая луну, подобно тому как тень Лоусона накрыла всю нынешнюю жизнь Фергюсона. Лоусон, не мигая, наблюдал за ним с вышины.

На Луне время проходит иначе, чем на Земле. Фергюсону пришлось сделать подсчеты, чтобы с удивлением обнаружить, сколько уже прошло с тех пор, как он покинул БСЛД. И для этого удивления была причина, потому что он ждал сообщения. Сообщения от Арчера. Перед тем как покинуть Землю, Фергюсон попросил, чтобы Арчер уведомил его в случае, если что-нибудь произойдет. С тех пор прошло много месяцев, хотя здесь, на Луне, они пролетели быстро. Но сообщений не было.

Когда же Фергюсон увидел, как по земному диску тусклые цвета зимы ползут от полюса вниз, он понял, что заканчивается его шестимесячный отпуск и скоро нужно будет думать о возвращении домой. И теперь, глядя на Землю, Фергюсон признался себе, что боится вернуться, не получив сообщения от Арчера. В конце концов он даже решился на немалые расходы, сделав вызов через оператора. Но эти расходы ему не пришлось нести. Вызова не состоялось, потому что Арчер исчез.

С Луны Фергюсону было трудно проверить, когда это случилось, но, очевидно, офис Фиксатора был закрыт уже несколько месяцев, причем не было оставлено нового адреса.

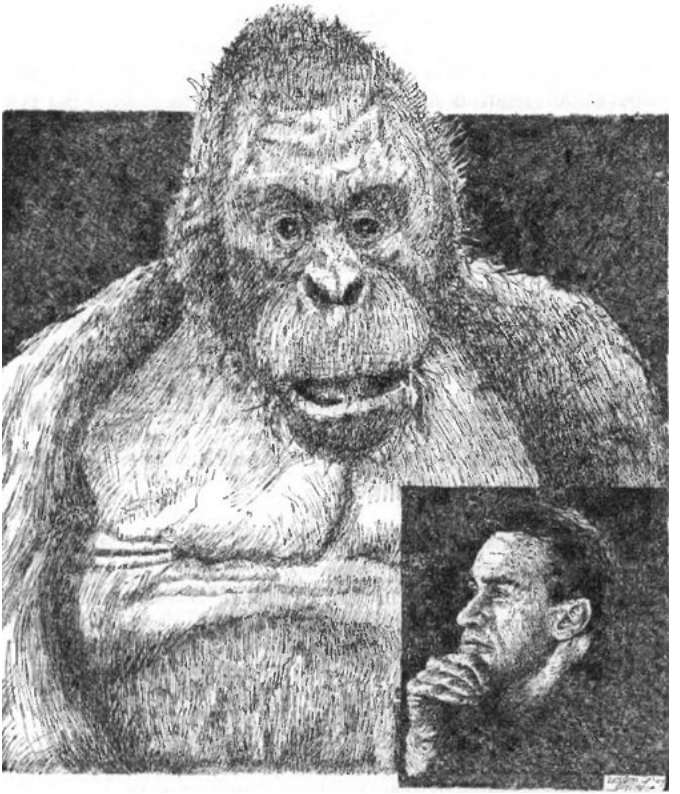
Если бы он полетел прямо домой, то все, возможно, пошло бы совсем по-другому. Но в это время года космический лайнер курсировал между кратером Тихо и космопортом в Южной Африке. Застарелая навязчивая тяга, которая уже давно преследовала Фергюсона, наконец-то могла воплотиться в реальность.

Он уже давно хотел убить гориллу. На самом деле это было не так иррационально, как звучало. Из бесед с психиатром он знал, что эта тяга включает в себя символику и перенос. Эмоционально же Фергюсон чувствовал, что изменится, когда увидит в прицеле ружья свою гориллу. Это непременно должен быть взрослый самец.

В современном мире это не трудно было устроить. Телефотографические анализаторы легко нашли нужный экземпляр, засада с суперакустикой тоже не составила проблем, но когда Фергюсон, сидя в бронированном «хантере», взятом напрокат, расстрелял свою жертву, он остался совершенно неудовлетворенным. Люди всегда убивают горилл. И это ничего не доказывает. Не считая того, что игра не стоит свеч.

Но морда умирающей гориллы осталась в его памяти навсегда. Монстр был зрелой особью. Антиобщественной и очень опасной. Но опасной

лишь для тех, кто вторгается в его владения.



А зрелый супермен, подумал вдруг Фергюсон, *мог бы остановить прогресс Человечества. Супер-*

мен никогда не почувствует опасности — этого стимула, всегда управляющего Человечеством. Супермен является сам себе законом. Стал бы он вести себя подобно антропоморфическому богу, оказывая помощь Гомо Сапиенсу, или Человечество покажется ему таким же чуждым и ненужным, как нам дикари?

Низшие виды всегда вне закона...

Но мир принадлежит Человечеству. А не Лоусону. И законом является БСЛД. БСЛД — это крепость. Без опоры БСЛД человек был бы беззащитен. *Я больше не в безопасности,* подумал Фергюсон. *Я теперь всегда буду одинок. Возможно, это просто означает незрелость всей нашей расы. БСЛД заменяет родителей, но это всегда так было. Человечество всегда жаждало Всеобщего Отца — Бога...*

Фергюсон сдал взятую напрокат винтовку, но оставил себе пистолет.

С поисками Лоусона не было никаких проблем. Лоусон жил в том же доме. Казалось, он выглядел немного старше и бодро кивнул вошедшему Фергюсону.

— Привет, — сказал он.

Фергюсон достал из кармана пистолет и направил его на Лоусона.

Лоусон выглядел испуганным... или притворялся таковым.

— Не надо, — торопливо сказал он. — Я все объясню. Не стреляйте в меня.

Выражение испуга на его лице было единственным, что остановило лежащий на спусковом крючке палец Фергюсона.

— Вам не нужно бояться меня, — успокоительным тоном сказал Лоусон. — Пожалуйста, уберите пистолет.

— Я все знаю о вас, — сказал Фергюсон. — Вы опасны. Вы можете захватить весь мир, если захотите.

— Сомневаюсь насчет этого, — пробормотал Лоусон, зачарованно глядя на дуло направленного на него пистолета. — Я ведь, знаете ли, не супермен.

— Но и не обычный Гомо Сапиенс, — отрезал Фергюсон.

— А теперь подумайте. Я тоже много знаю о вас. Вряд ли вы можете ждать от меня великой любви после того, что случилось. Обычно инвестиции не отправляются все сразу коту под хвост, если кто-то не манипулирует рынком.

— Значит, вот что случилось с Арчером, — повысил голос Фергюсон. — И думаю, то же самое

ждет и меня, чем бы это ни было.

— Арчер? Вы, должно быть, имеете в виду Фиксатора — консультанта Рива. Насколько мне известно, он занят своими обычными делами. — Лоусон осторожно глянул на своего противника. — Но вот сейчас *вы* являетесь проблемой, — заявил он. — Вы не занимаетесь *своими* делами, вы лезете в *мои.* Я хочу, чтобы вы бросили это, Фергюсон. Я знаю, что вы думаете, но, честное слово, я не делаю никому ничего плохого. Возможно, у вас есть причины для умозаключений о том, что вы называете моими сверхспособностями, но в них нет ничего удивительного. Это просто... просто...

— Что просто? — потребовал Фергюсон, поскольку Лоусон замолчал.

— Назовем это... ну, образом мышления. По-другому я не могу объяснить. Я просто не совершаю ошибок. Никогда.

— Вы только что совершили ошибку, когда позволили мне войти в ваш дом с пистолетом в кармане.

— Нет, не сделал, — покачал головой Лоусон.

Наступила длинная пауза.

— Предположим, я немного расскажу вам об этом, — наконец продолжил он. — Частично вы были правы, знаете ли, в том, что говорили

обо мне. Я действительно незрелая особь. Будь я обычным человеком, то даже не понял бы, что не достиг зрелости в двадцать один год. Нет ведь нет никаких стандартов для сравнения. Но эта... эта штука у меня в голове помогает мне. Это не предвидение, это просто иной образ мышления. Можете назвать это высокой точностью и знанием тактики такой точности. Возможностью отделять личность от чистого мышления. Я, видите ли, могу отделять логику от эмоций, но это лишь часть моих... способностей. Еще до выхода из яслей я знал, что понадобится еще много лет, прежде чем я действительно стану зрелым человеком.

— Вы не человек. Вас вообще не волнуют люди, — возразил Фергюсон.

— Взгляните на это с такой стороны, — продолжал Лоусон. — Когда-то давно был в ходу детский труд. Детей заставляли работать в шахтах и на фабриках лет с десяти... и даже раньше. Могли ли они достигнуть нормальной зрелости при таких-то условиях? Им нужно было нормальное детство и нормальное обращение. У меня та же проблема с задержкой созревания по сравнению с другими. Я не могу устроиться на работу — на любую работу. Возможно, я справился бы с тре-

бованиями, предъявляемыми к работникам, но работа неизбежно деформирует меня. Еще до того, как я разработал свои способы заработка, у меня был защитный инстинкт, указывающий правильное направление моих действий. Точно так же только что вылупившиеся цыплята разбегаются при возникновении опасности. Мне было *нужно* нормальное детство, нормальное с моей точки зрения.

— Я давно подозревал, кто вы, — рявкнул Фергюсон.

— И кто же я? — тихо спросил Лоусон.

Фергюсон на мгновение оторопел.

— Вы антиобщественный и опасный тип, — сказал он. — Все это есть в вашем деле. Вы уничтожили «Нестор».

— Вы же знаете, что это не так. Вы пытаетесь сделать из меня своего личного дьявола.

— Вы застраховали «Нестора», и «Нестор» столкнулся в космосе с атомной боеголовкой. Что говорит об этом теория вероятности?

— А что она говорит? — огрызнулся Лоусон. — Я могу мыслить и производить расчеты без всякой помехи со стороны эмоций, только и всего. Это не предвидение. Это результат тяжелой работы, исследований в области астрономии и истории, а

затем сведение всего воедино. Я рассчитал точное время отлета «Нестора», присовокупил записи космических кораблей, в которых говорилось об излучении в определенных областях над стратосферой. Проверил, какие ядерные ракеты были запущены во время Атомной войны. Не думаю, что у какого-нибудь обычного человека хватило бы терпения или быстроты вычислений, чтобы проделать такую работу, но это просто тяжелая работа плюс возможности разума, который прежде был стреножен эмоциями.

— Значит, вы можете предсказывать будущее?

— Учитывая множество факторов, я могу вывести вероятностное заключительное уравнение — это да. Что же касается моего особого таланта... я не могу рассказать вам о нем. Я лишь могу намекнуть, что у любых технологий есть свои пределы, их нет только у человеческого разума. Мы слишком заигрались с технологиями — так, что чуть не уничтожили себя при помощи атомной энергии, потому что не знали, как еще использовать энергию деления ядра. Но человек создает оружие, чтобы использовать его... а потом пытается перековать меч в орало. Я — мутант. В конечном счете мы поймем, как пользоваться ядерной энергией, не подвергая себя опасности...

— *Мы?*

— Я всего лишь первый. Но в яслях сейчас есть и другие такие, как я. Пока еще незрелые. Но мои братья вырастут...

Фергюсон внезапно вспомнил о горилле.

— Я знаю, как нужно пользоваться разумом, — продолжал Лоусон. — Я первый человек в мире, который понял, как нужно это делать. Мне никогда не потребуется психиатр. Не думаю, что когда-нибудь я совершу ошибку, потому что я действительно способен мыслить бесстрастно, а кто еще когда-либо был способен на это? Именно в этом основа будущего — не в технологиях, которые люди неправильно используют, но в самих этих людях. Сейчас в яслях находится более восьмидесяти детей, у которых есть тот же особый фактор логики в мышлении. И это доминирующая мутация. Мы не хотим править миром и никогда не захотим. Только диктаторам нужна власть — тем, кто вешает ярлык «маленькие люди» на целые группы населения для сравнения с «большими людьми». В настоящее время моим заданием является просто обеспечить своих собратьев-мутантов пенсией по незрелости, в которой они так нуждаются. Я должен как-то обеспечить их деньгами. И я могу это сделать, я

уже разработал кое-какие методы...

— А я вот собираюсь убить вас, — перебил его Фергюсон. — Я вас боюсь. Вы можете править всем миром.

— Правят безумцы, — покачал головой Лоусон. — А нормальные люди целенаправленно трудятся. Атомной энергетикой нужно управлять, это — первый шаг. Нужно чистое, нормальное мышление, чтобы научиться этому. А я — первый по-настоящему нормальный человек, когда-либо существовавший на Земле.

— Как та горилла, которую я вчера застрелил? — спросил Фергюсон. — Она была прекрасно приспособлена к своей окружающей среде. Она была злобная, раздражительная и не развивающаяся. У нее была своя территория, свой гарем, и больше ей ничего не было нужно. Не нужно ей было никакого прогресса. Вот это и есть ваша зрелость. Остановится прогресс — остановится весь мир. Вы тупиковая ветвь, Лоусон. А через минуту вы будете просто мертвы.

— Вы думаете, что можете убить меня?

— Не знаю. Наверное, нет, если вы супермен. Но я все же попытаюсь.

— А если промахнетесь?

— Тогда вы, наверное, убьете меня. Потому что,

если вы этого не сделаете, то я не стану молчать. Я буду рассказывать о вас повсюду, и однажды вас просто линчуют. По крайней мере, я буду настаивать на этом. Потому что это единственное оружие, которое у меня есть против вас.

— Убивают животные, — медленно проговорил Лоусон. — Убивают люди. Но я не стану никого убивать.

— А я стану, — рявкнул Фергюсон, нажимая спусковой крючок.

И ничего не произошло.

Когда комната перестала крутиться у него перед глазами, он уже сидел в глубоком кресле, уставившись на валяющийся на полу пистолет, который лежал там, где он его бросил. В настоящий момент не имело значения, почему пистолет не выстрелил — почему пистолет отказался работать. Самого этого факта было достаточно.

Лоусон был нестерпимо добр. У Фергюсона было почему-то неопределенное ощущение, что он просто пошел принести ему что-нибудь выпить. И что-то опять творилось с его ощущением времени. Может, из-за того, что он недавно вернулся с Луны. И по неясной причине исчезло куда-то чувство, что нужно спешить.

Затем он заметил висевший на стене видео-

экран, и актуальность спешки пробудилась в нем с новой силой, хотя и в несколько ином направлении. Арчер. Арчер мог дать ему ответ. Если, конечно, Арчер все еще жив.

Затем Фергюсон оказался перед экраном, хотя и не помнил, как подошел к нему, ухватился за панель управления, чтобы устоять на ногах, и набрал знакомый номер офиса, где Арчер больше не работал. В ответ он получил ту же информацию, что и на Луне: офис Арчера закрыт и не оставлено никакого адреса для переадресации. Фергюсон попробовал связаться с домом Арчера — с тем же результатом, точнее, с отсутствием такового. Затем он набрал номер конторы Хирама Рива, политика, который являлся патроном Арчера, и только здесь он получил правильный номер.

— ZX 47-6859. Это личный номер, мистер Фергюсон. БСЛД, разумеется, сохранит его конфиденциальность?

Фергюсон пообещал и оборвал связь. Голос его слегка дрожал, когда он повторил номер ZX. Невероятно, но пухлое лицо Арчера ту же появилось на экране. Фергюсон столько раз представлял его себе мертвым, убитым всевозможными способами, что невольно протянул руку и попытался потрогать того на экране, чтобы убедиться, что

Арчер жив. Разумеется, это было глупо. Кончики пальцев ощутили лишь холодное гладкое стекло, но Арчер невольно отпрянул и рассмеялся, инстинктивно подняв руку, чтобы защитить глаза от предполагаемого удара.

— Эй, в чем дело? — крикнул он.

— С вами все в порядке, Арчер? Где вы? Что случилось?

— Разумеется, я в порядке, — ответил Арчер. — А с вами-то что? Выглядите вы как-то не очень.

— Я и чувствую себя не очень. Но я получил доказательства. Он сам дал их мне!

— Минутку, минутку! Давайте-ка все проясним. Я знаю, что вы вернулись с Луны, но...

— Я в доме Лоусона. Я заставил его представить мне доказательства!

Фергюсон приложил громадные усилия, чтобы сосредоточиться и правильно сформулировать ответ. Слишком многое зависело от того, что он сумеет объяснить в нескольких фразах. Он не мог позволить себе дать слабину.

— Лоусон согласился со всем, что я говорил вам, — продолжал он. — Все правда. Одно время я даже почти поверил, что просто сошел с ума, но сейчас Лоусон признался, что все... Послушайте, Арчер, он согласился со всем! Вы должны помочь мне! Я

прекрасно понимаю, как это все звучало... Я пытался, но не мог никого убедить, и это буквально сводило меня с ума. Думаю, довольно долго я был похож на настоящего психически больного, но к вам-то прислушаются. Должны прислушаться... потому что я попытался убить Лоусона и не смог. Но кто-то должен предпринять быстрые действия... — Он замолчал, сделал глубокий вдох и продолжил: — Их еще восемьдесят. Вы слышите, Арчер? Они растут. И они собираются завладеть всем миром. Я знаю, как это звучит, но вы должны мне поверить! Дайте мне шанс доказать это! Насколько быстро вы можете прилететь сюда? Вы вообще, где находитесь? Теперь все зависит от вас, Арчер, пожалуйста, не подведите меня!

Арчер улыбнулся. В голове Фергюсона мелькнула мысль, что он выглядел теперь совершенно иным человеком. Каким-то образом за последние шесть месяцев он утратил свою сдержанность, свою настороженность и казался совершенно расслабленным и уверенным в себе. Но все же легкая тень промелькнула по его веселому лицу.

— Я могу добраться к вам немедленно, — сказал он. — Держитесь.

Он отвернулся от экрана. Фергюсон смотрел ему в затылок, когда тот прошел по комнате и

открыл дверь в дальней стене. Он услышал звук открывающейся двери. За дверью он мельком увидел крошечную комнату вдалеке, в которой спиной к двери стоял крошечный человечек, уставившийся на видеоэкран, на котором...

Звук открывшейся двери спас Фергюсона от падения в пропасть бесконечного дублирования изображений. Он услышал его дважды: один раз с экрана и еще один — у себя за спиной. Фергюсон резко повернулся. В комнату входил Арчер.

На сей раз прошло много времени, прежде чем комната перестала вращаться.

— Приношу извинения, — сказал Арчер. — Нужно было вас предупредить. Наверное, я просто не подумал. Здесь все происходит так быстро.

— Что? Что происходит? — выкрикнул Фергюсон. — Что вы здесь делаете?

— Я здесь работаю, — ответил Арчер.

— *Вы здесь работаете?*

— Я сменил босса. Против этого же не существует никаких законов. Я работал на Рива, пока думал, что он лучший из всех. Но теперь я работаю на Бена Лоусона, потому что он — лучший.

Фергюсон издал какой-то невнятный звук.

— Вы — предатель, — смог наконец выдавить он.

— Кого же я предал?

— Вашу собственную расу!

— А, очень может быть, — вежливо сказал Арчер. — Однако я всегда знаю, где могу быть самым полезным. А мне нравится приносить пользу. Но ведь не наше дело судить об этом, верно?

— Разумеется, это — наше дело! Кто же, если не мы? Я...

— Не имеет значения, что мы сделаем или не сделаем, — прервал его Арчер. — Вы же видели, что случилось, когда вы попытались выстрелить в Лоусона?

Фергюсон совершенно забыл о пистолете. Теперь он, шатаясь, прошел по комнате, поднял пистолет и вытащил из него магазин. Патроны были холостыми.

— Все охотники обязаны сдавать оружие после возвращения из охотничьей экспедиции, — педантично принялся объяснять Арчер. — Но политика БСЛД состоит в том, чтобы никого не раздражать, поэтому и не попытались забрать у вас пистолет на Станции в Уганде. Однако незаметно заменили патроны на холостые. Лоусон знал, что произойдет. Ему потребовалось семь часов вычислений и логики, чтобы рассчитать неизбежную вероятность этого, включая психо-

логические факторы ваших личных реакций... результат вы видите сами. Вы не сможете убить его. Он всегда сумеет рассчитать то, что произойдет.

— Послушайте, но вы же не можете... — закричал Фергюсон, но резко оборвал себя, поняв, что снова начинает бормотать несвязную чепуху, сделал очень глубокий вдох и попытался взять себя в руки. — Но вы же не можете быть таким глупцом! Возможно, мне не удастся убить Лоусона — в одиночку. Но это не означает, что мы вдвоем... вместе... с ресурсами БСЛД... Весь Род Человеческий объединился бы, чтобы уничтожить Лоусона, если бы люди узнали...

— А зачем им вообще уничтожать его?

— Ну... Ради самосохранения.

— Именно этот инстинкт чуть было не привел нашу расу к уничтожению, — тихо сказал Арчер, — когда люди создали первую атомную бомбу. Статус-кво — лишь временная подмога. Ныне единственным ответом является не новое управление атомной энергией, а новый вид человека. Человек Зрелый.

— Зрелая горилла... — начал было Фергюсон.

— Да-да, знаю, — перебил его Арчер. — В вас долгое время сидел этот страх. Но вы сами мыс-

лите, как незрелая горилла, разве не так?

— Разумеется. Вся наша раса находится на этом этапе. Но это и пугает меня. Вся наша культура основана на прогрессе, возникающем из соревнования и сотрудничества. Если бы появился по-настоящему зрелый разум, прогресс бы остановился.

— И вы действительно не видите на это ответа? — спросил Арчер.

Фергюсон открыл было рот, но понял, что может лишь повторить уже сказанное. Ничего ему не добиться от Арчера. Его слова не производят никакого впечатления. Он мог лишь повторять то, что уже было сказано. *Точно ребенок,* подумал он в бешенстве. *Повторение, а не логичные аргументы. Только...*

Они больше не могли договориться друг с другом. Все выглядело так, словно Арчер перешел на новую, непостижимую систему взглядов. Барьер между ними был такой же материальный и прочный, как видеоэкран. Они могли видеть друг друга, но не могли друг друга коснуться.

Плечи Фергюсона опустились, когда он бросил попытки договориться. Он повернулся к двери, потом с осторожностью оглянулся на человека, внезапно ставшего его врагом.

И какие же приказы, подумал он, *получил Арчер от Лоусона?* Разумеется, они теперь не могут его отпустить. Он напрасно пытался нащупать понятные параллели. В подобной ситуации любой нормальный человек стал бы стрелять, когда Фергюсон направился к двери, или запер бы его где-нибудь, где он не смог бы причинить им вреда. Но Лоусон никогда не действовал обычным человеческим оружием. Оружием Лоусона было...

— Вы свободны идти, куда хотите, — внезапно сказал Арчер. — Но все же есть еще одно. Послушайте, Фергюсон. Лоусон попытался сегодня получить у вашей компании еще одну страховку, но ему отказали. Сказали, что это плохой риск. Я думаю, вы должны это знать.

Фергюсон ничего не смог прочесть на лице Арчера. Между ними по-прежнему стоял барьер. Ему показалось, что за этими словами должно стоять что-то большее, но одновременно знал, что ему самому остается лишь ждать. Он вышел из двери и пошел по тротуару в ярком желтом солнечном свете такого знакомого ему мира. Мира, спасение которого зависело от него одного. Мира, который он не сможет спасти, если не учтет данное ему предупреждение.

В голове у него внезапно замерцали абсурдные проблески надежды. Неужели Арчер, в конце концов, пытался ему сказать, что Лоусон может ошибаться? Если БСЛД отказало ему в получении страхового полиса, это могло означать, что у них, наконец, проснулись-таки подозрения. Это могло означать, что Фергюсон еще не проиграл сражение. Возможно, теперь его послушают. Он тут же стал прикидывать, как быстрее всего вернуться в главный офис...

Но одновременно с этим он не мог избавиться от воспоминаний о лайнере «Нестор» и боеголовке, оставленной на орбите, которые все быстрее неслись навстречу друг другу в космическом пространстве на свидание, которое мог предвидеть лишь Лоусон...

Два часа спустя Фергюсон закрыл дверь своего кабинета за возмущенной спиной секретарши и со вздохом облегчения глянул на небольшое пустое помещение. Он знал, что не принес себе пользы, когда вихрем пронесся по зданию, оставив за спиной удивленные поздравления с выходом на работу друзей, которые остались у него за последние два года. Но самым важным в мире было сейчас для него одиночество. Фергюсон запер дверь и повернулся к экрану.

— Дайте мне текущее досье на мистера Бенджамина Лоусона, — сказал он. — Недавно он хотел получить страховку, и ему отказали. Я хочу узнать почему.

Он принялся ждать, нетерпеливо барабаня дрожащими пальцами по пластиковой крышке стола.

— Здравствуйте, мистер Фергюсон, — приятным голосом сказала с экрана девушка. — Я рада, что вы вернулись. После вашего отъезда на Лоусона не было ничего нового, но сейчас я найду досье.

— Тогда не беспокойтесь, — сказал Фергюсон. — Я только хочу узнать о новой страховке. И, если можно, то побыстрее.

Он услышал, как голос его становится пронзительным, и постарался взять себя в руки.

Секунду длилось молчание. Затем девушка на экране сказала, чуть запинаясь:

— Простите, мистер Фергюсон, но, кажется, это находится под грифом «Совершенно секретно».

— Что вы имеете в виду? — раздраженно спросил он, но прежде чем она успела заговорить, продолжил: — Впрочем, неважно. Спасибо.

Он щелкнул переключателем, прерывая связь.

Никогда прежде Фергюсон не встречался с грифом «Совершенно секретно». Допуск к СС имели

лишь три старших чиновника компании, хотя сотрудники ранга Фергюсона чаще нарушали эти правила, чем соблюдали.

Я не могу позволить ему отбросить меня в сторону, тихонько пробормотал он. *Просто не могу.* Через секунду Фергюсон понял, что нужно сделать. В компании были три человека, видеоэкраны которых автоматически примут запрос СС. Он сделал два звонка, прежде чем нашел пустой кабинет. К счастью, было как раз время обеда.

Он отпер дверь, прошел по коридору к служебной лестнице и поднялся на три этажа. По пути он придумал вполне правдоподобную историю, но воспользоваться ею не пришлось. Удача пока что не покидала его, и кабинет вице-президента БСЛД был пуст. Фергюсон запер за собой дверь и переключил видеоэкран на одностороннее изображение.

— Дайте мне последний СС на Бенджамина Лоусона.

— Ну, вот и все, — сказал Арчер.

Лоусон, откинувшись в кресле, поднес к губам трубу, и к потолку унеслась громкая, чистая нота. Она могла бы прозвучать насмешкой над Родом Человеческим, но Арчер так не подумал.

Он слишком хорошо знал Лоусона... по крайней мере, считал, что знает.

— Жаль, — продолжал Арчер. — Мне жаль, что мы должны были так поступить, но он не оставил нам другого выбора.

— Это вас беспокоит? — спросил Лоусон, глядя на него вдоль трубы.

Арчер увидел свое искаженное лицо, отразившееся в ее медном боку, и тень беспокойства на нем.

— Я предполагал, что он так и поступит, — проворчал Арчер. — Но ничего нельзя было изменить.

— Вы говорите так, словно мы расставили ему ловушку, — сказал Лоусон. — Но мы только постарались, чтобы он узнал истину.

Арчер коротко рассмеялся.

— Неверное употребление семантики. Истина звучит так невинно, верно? И все же она самая смертоносная вещь, к которой может обратиться человек. Или, я вынужден думать, даже сверхчеловек.

— Я не хочу, чтобы вы называли меня сверхчеловеком или суперменом, — сказал Лоусон. — Не уподобляйтесь Фергюсону. Надеюсь, *вы-то* не думаете, что я хочу завоевать мир?

— Я пытался сказать ему, что вы этого вовсе не желаете, но к тому времени он уже видел за каждым кустом супермена, и я ничего не мог ему сообщить, что могло бы подействовать.

Лоусон еще ниже опустился в кресле и извлек из трубы серию коротких мелодичных звуков. Комната на секунду наполнилась ясными резонансами. Прежде чем звуки окончательно замерли, Лоусон отложил трубу и продолжил:

— Я не думаю, что есть смысл воспитывать кого-нибудь в антропоморфическом образе мышления.

— Знаю, — кивнул Арчер. — Мне потребовалось много времени, чтобы понять. И, полагаю, я был способен это понять, только отождествив свои интересы с вашими.

— Фергюсон докатился до крайности, но он так боялся сделать выводы, к которым пришел бы любой антропомыслящий, если бы знал правду обо мне и еще восьмидесяти в яслях. Фергюсон был совершенно прав, говоря о параллели между гориллой и человеческим созреванием. Незрелая горилла — по природе общительное, конкурентоспособное существо. Это часть его взросления. Прогресс, если вам так больше нравится. В яслях мы все время шутим, смеемся, футбол, бейсбол

и прочие подобные игры кажутся нам важнее всего на свете — ведь их цель состоит в том, чтобы победить. Но настоящая идея состоит в том, чтобы стать физически развитыми, получить психологическую и социальную согласованность действий — все то, что нам понадобится, когда мы вырастем. Но вы же видите, что взрослые не относятся к этому столь же серьезно.

— Да, — сказал Арчер. — Но попытка заставить Фергюсона провести и тут параллели — провалилась. И любого другого антропомыслящего тоже провалится.

— Этот прогресс, каким видят его люди, — педантично заметил Лоусон, — не самоцель. В конце он может иметь такое же значение, как и любая школьная игра.

— Абзац первый, глава первая Учебника для начинающих членов Новой Расы, — усмехнулся Арчер. — Бесполезно и пытаться объяснять это Фергюсону. У него большая слепая точка в том отделе мозга. Вся его культура основана на идеи соревнования и прогресса. Прогресс — его бог. Он будет бороться до последнего, прежде чем признает, что его... его футбольный счет это не последняя великая надежда Человеческой Расы.

— Он и боролся до последнего, — сказал Лоусон.

— И теперь достиг финала. Мы должны отпустить Фергюсона. — Он задумчиво поглядел на свою трубу и продолжил: — Параграф первый, предложение второе. Когда цель достигнута, средства больше не имеют значения. Мы знаем, что это так, но даже не пытайтесь сказать это человеку. — Он замолчал и подмигнул Арчеру. — Конечно, ваш случай — исключение, — вежливо добавил он. — Параграф первый, предложение третье. Никогда не вините в этом человека. Мы не можем ждать от него признания, что вся его культура — не более, чем детская игра, у которой должен быть конец, если игра вообще служит какой-либо цели. Никогда не смотрите на людей свысока — они положили начало нашему строительству, и мы знаем не больше, чем они сами, какое здание получится в итоге.

Арчер молчал, выказывая таким образом свое уважение. Это был единственный предмет, к которому, насколько он видел, Лоусон относился серьезно.

— Параграф второй, — продолжал тем временем Лоусон, хмуро глядя на трубу. — Никогда не нападайте на человека, кроме как ради самообороны, но уж тогда уничтожайте его быстро

и качественно. Люди думают аутично[11]. Они всегда будут убеждены, что вы хотите править их миром. Самомнение никогда не позволит им понять или хотя бы допустить истину. У нас нет потребности в их игрушках, мы должны убрать все детские вещи.

Наступила короткая тишина. Затем Арчер все же сказал:

— Мы должны выпустить этот учебник для начинающих задолго до того, как он нам понадобится.

— Может быть, мы должны посвятить его Фергюсону, — иронично сказал Лоусон, затем взял трубу и пробежался пальцами по кнопкам.

Комнату снова наполнили ясные звуки.

— Вы напоминаете мне Иисуса, — сказал Арчер.

Лоусон усмехнулся.

— Всего лишь Гавриила, — кротко возразил он.

Фергюсон напряженно подался к экрану. Экран вспыхнул и голос из него произнес:

— Отчет о страховом полисе, в котором было отказано четвертого ноября претенденту Бенджа-

---

[11] Примечания: 11

Аутичность (от греческого — «сам») — уход от реальности в мир собственных переживаний.

мину Лоусону...

Голос продолжал говорить, несколько ошеломленных секунд Фергюсон внимательно слушал его, затем понял, что с него достаточно.

Это цепная реакция, сказал он себе в полной тишине, возникшей у него в голове, в то время как голос говорил и говорил с экрана. *Это личный дьявол, которого боялся каждый с тех пор, как упала первая Бомба. Но мы ожидали неправильной реакции. Это расщепление, которого никто не ждал, расщепление между старой расой и новой. Никто еще не знает об этом, кроме меня — и Арчера, — но, боюсь, я уже не сумею никого предупредить...*

Это было поражение. Бесполезно бороться дальше. Это был крах и катастрофа. Фергюсон уже видел, как бразды правления всей Землей вырывают из рук людей и как Лоусон начинает править сам, словно Нерон своими рабами. А Фергюсон был последним мыслителем прошлого. Он видел, как Прогресс дошел до последней точки, а дальше была лишь всеобщая пропасть, поскольку дальше его зашоренный разум видел лишь тьму. Рухнули его последние защитные барьеры, и Фергюсон позволил себе прислушаться к несущимся с экрана словам:

— Лоусон хотел застраховаться от возможности чиновника БСЛД Грегори Фергюсона сойти с ума. Но так как расследование показало, что Фергюсон уже вышел за пределы своего поля для ошибки, допустимого для развития параноидального психоза...

Летящий в космосе лайнер «Нестор» и брошенная боеголовка еще раз столкнулись в бесконечной тьме, царившей в сознании Грегори Фергюсона. И вспыхнуло белое зарево.

После чего не было уже никаких мыслей.

Margin for error, (Astounding Science Fiction, 1947 № 11).

Пер. Андрей Бурцев.

ОДИССЕЯ ЮГГАРА ТРОЛГА (В соавт. с К. Мур под псевд. С.Х. Лидделл)

Глава I
Почему это должно было случиться со мной?

Я просто обычный гном, и почему это должно было случиться именно со мной, я не понимаю. Если бы я был элементалем или нереидой, — они всегда впутываются во все, что связано с магией воды, — то я бы не удивился. Но, как уже сказал, я ничем не примечательный, практичный гном Срединного Королевства, и я никогда особо не верил в людей.

Конечно, пока я был юндлингом, нянька рассказывала мне всякие сказки. Ну, вы знаете, такие истории, где безобидных вампиров захватывают недочеловеки и до смерти пытают их чесноком, осиновыми колами и всем, что попадется под руку. Но я — материалист. Как и большинство гномов. Мы верим в неизменные законы физики, такие, как Первый Закон: *холодное железо — это яд.*

Но люди... ну... Всегда найдется какой-то гном, знавший гнома, который видел человека...

Но сейчас я не сомневаюсь в существовании

людей. Вот почему считают, что я слегка спятил — я, Юггар Тролг, чья семья была честными шахтерами и копателями со дней появления норвежских пещер и, возможно, как я слышал, даже со времен Иггдрасиля[12].

Клянусь Вулканом, я же не оборотень в полнолуние и знаю, что видел и что со мной случилось. Даже сейчас мне иногда снится это ужасное место с живым зеленым ковром травы, скрывающей коричневую землю, и лунным светом, освещающим ее!

Наверное, страшно быть человеком.

Но, полагаю, я должен начать с самого начала. Я заблудился в пещерах. Король Бреггир требовал больше рубинов, а я не набрал норму. Сумка, висевшая у меня на плече, была почти пустой, и я не смел возвращаться без хотя бы полукилограмма драгоценных камней.

Бреггир мостил Красную Улицу. Я всегда считал его безрассудным гномом, — разумеется, про себя, — ведь не существовало причин, по которым работы по мощению улицы должны были закончиться именно через неделю. Но дело

---

[12] Примечания: 12

Иггдрасиль — Мировое дерево (дерево жизни) в скандинавской мифологии — исполинский ясень (или тис), в виде которого скандинавы представляли себе вселенную.

обстояло так: если я вернусь, не набрав нужного количества рубинов, меня на несколько часов превратят в жабу. Если бы я мог видеть будущее, то с радостью принял бы такое наказание, вместо того чтобы связываться со сверхъестественным.

Верхние туннели, знаете ли, редко посещают, и некоторые говорят, что их построили не гномы. И это, как мне теперь кажется, сущая правда. Наверное, тщетно разыскивая рубины, я прошел довольно много, прежде чем без всякого предупреждения наткнулся на нечто совершенно необъяснимое.

Земля под ногами стала твердой, ровной, похожей на белесый песчаник, и я оказался в узком туннеле, где едва мог встать во весь свой маленький рост. Я обычного размера гном, но вскоре мне пришлось буквально протискиваться вперед. Я просто физически не мог развернуться в таком узком месте. И, наконец, путь мне преградила решетка, на секунду мне даже показалось, что это холодное железо. К счастью, я ошибся, так что выломал ее и высунул голову наружу.

Вокруг меня было что-то похожее на парк, надо мной сияла луна, а деревья отбрасывали длинные тени. Я слышал, как вдалеке плескала вода, и вдыхал ее запах. Но по позвоночнику сразу

пробежала горячая дрожь. Что-то было... не так.

Говорят, бывают времена, когда Вуаль становится тонкой и можно увидеть, что лежит за ней. Теперь я понимаю, что тогда и было такое время. Потому что в парке ощущалось присутствие того, чего не должно там быть, — чего-то живого и очень страшного. Я чувствовал это.

То, что я принял за стоящее обезображенное дерево неподалеку, внезапно зашевелилось. Его тень двигалась по траве. Луна осветила его белым светом. И я увидел настоящий Ужас.

Я не мог шевельнуться. Меня парализовало. Создание стояло ближе трех метров от меня. Оно выглядело совершенно реальным, объемным и чем-то напоминало сатира, только в одежде и с прямыми ногами.

Моя реакция стала сюрпризом даже для меня самого. Я не упал в обморок. Я был для этого слишком напуган.

Просто застыл на месте, моя голова торчала из дыры, где раньше была решетка, а это создание смотрело на меня. Так могло продолжаться много часов, не знаю. Но все изменилось, когда человек, — а это был человек, — поднял руку и подманил меня к себе, не издав ни звука.

Каждый мускул моего тела протестовал, но я не

мог не подчиниться. Я выполз на траву и задрожал, ощутив горячий ветер, дующий мне прямо в лицо. Я знал, что столкнулся с худшей смертью из всех возможных, и затем ни с того ни с сего вспомнил, что я Юггар Тролг, гном Срединного Королевства.

Возможно, это была одна лишь бравада, но я расправил плечи и бесстрашно посмотрел на человека. Надеюсь, не тщеславие заставило меня поверить, что я представляю собой впечатляющее зрелище. Во мне шестьдесят сантиметров роста вместе с сандалиями и семьдесят пять сантиметров в плечах, но мои глаза, похожие на поджаренные яйца, не могли потупиться или вращаться в орбитах.

В складках одежды человек что-то держал, — какую-то бутылку. И с намеренной, причем угрожающей медлительностью открыл ее.

— Ладно, — сказал он. — Полезай внутрь.

В бутылке была жидкость, болтающаяся туда-сюда, а сильный запах алкоголя наполнил воздух, как мед на пиршествах в Вальгалле[13]. Но безобидный внешний вид сосуда не одурачил

---

[13] Примечания: 13

Вальгалла — в скандинавской мифологии — небесный чертог, жилище павших в бою храбрых воинов, находящееся в Асгарде, небесной крепости, обители богов асов.

меня. Я знал о джиннах и о том, как Сулейман поработил их. Если я подчинюсь, человек закроет бутылку и выбросит ее в океан.

— Я... я *не полезу!* — сумел выдавить я, несмотря на стучащие зубы.

— Ты появился из бутылки, — сказал человек. — Теперь, во имя небес, залезай обратно!

— Я *не* появлялся оттуда... — Только представьте себе! Я спорил с человеком!

Создание издало возмущенный возглас, который почти мог принадлежать гному.

— Не пытайся меня обмануть, — пошатнувшись, велел человек. — Они все вылезли из бутылок: гады, мыши, водные змеи. А теперь...

— Я уж точно не водная змея, — сказал я, — а мышей и гадов тут просто нет.

Человек очень страшно улыбнулся, но не ответил. Я почувствовал уверенность, что он поверил в то, что я сказал про гадов и мышей, хотя, возможно, даже видел их.

— В любом случае, — набравшись храбрости, сказал я, — в бутылку я не собираюсь... хорошо?

Человек сделал из бутылки глоток и задумчиво посмотрел на меня.

— Кто ты такой?

Я сказал ему. Он покачал головой.

— Нет. — Я имею ввиду, *что* ты такое?

— Я гном, — ответил я.

Я не был готов к реакции, произведенной этими словами. Стоявшее передо мной существо испустило дикий крик и подпрыгнуло. Я задрожал всеми конечностями, ожидая, что сейчас меня разорвут на части и сотрут в порошок.

Но вместо этого человек указал на меня дрожащим пальцем.

— Адский огонь и вечные муки! — прохрипел он. — Разве недостаточно того, что я пишу об этих проклятых существах, а? Теперь они лезут прямо под ноги, когда я решаю прогуляться по Центральному Парку. Ну, клянусь всеми кучами и лужами Нью-Йорка, я не стану это терпеть, пьяный я или трезвый!

Человек кинул бутылку мне в голову, но, разумеется, боли я не ощутил. Мы, гномы, весьма толстокожие.

— Конечно, я пьян! — продолжал он, пока я ежился от его ярости. — Если бы я не был пьян, то не видел бы тебя. Того, что я выпил, хватило бы, чтобы заставить человека проспрягать существительные! Послушай теперь, ты, толстая бочка!

И человек достал продолговатый плоский предмет, похожий на толстый том. Он выглядел, как

книга, которую я даже когда-то видел, но точно не «Медные таблички Белиала», и я подумал, что у него в руках была книга человеческой магии. Я отшатнулся назад — разве можно винить меня в этом?

— Всегда одно и то же! — сжимая книгу обеими руками, вскричал человек. — Три желания или проклятие! Я знаю обратную формулу — встречаешь гнома, или человека с седыми бакенбардами, или самого дьявола, и он дает тебе то, о чем ты после пожалеешь. Да пусть меня опубликуют на шрифте Брайля[14], если я позволю тебе облапошить меня, ты, жалкое порождение бутылки с ромом. Я слишком много писал о тебе.

Человек ткнул в мою сторону ужасно тощим пальцем.

— Ну, давай, используй какую-нибудь свою... *гм...* магию. Тебе бы понравилось, да? Я знаю, что ты собираешься сделать. Хочешь наложить на меня заклятие, чтобы когда я завтра проснулся, то обнаружил бы, что все, к чему я прикасаюсь, превращается в золото. Или что у меня вместо носа пудинг. Или что всякий раз, когда я говорю, из

---

[14] Примечания: 14

Шрифт Брайля — рельефно-точечный тактильный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячими и плохо видящими людьми.

моего рта выпадают серебряные монеты. *Ха-ха!*

Я мог только стоять в оцепенении. Сердито глядя на меня, человек продолжал бушевать.

— Ну ладно же, гном! Ты сам напросился. Теперь, когда ты будешь говорить, из твоего рта будет вылетать холодное железо. Как тебе это, а?

Я отшатнулся, трясясь и чувствуя тошноту.

— Так тебе не нравится холодное железо, да? Я так и думал. Я много читал о тебе и твоих дружках. Ну, я не буду так уж жесток. Пусть у тебя будет иммунитет к холодному железу — оно не навредит тебе. Гномы — о, боже! Почему я не решил зарабатывать деньги, копая канавы?

Его вдруг обуяла ярость, и он упал лицом вниз. Прежде чем человек успел подняться, я резко развернулся и прыгнул в спасительный туннель. Меня поглотили черные глубины дыры в земле. Я несся по проходу, а из-за страха погони по спине бегали мурашки. Возможно, я немного сошел с ума, поскольку, вернувшись в Срединное Королевство, я не помнил, как добрался туда.

Пока я мчался, в моем сознании крутились только два слова: «холодное железо... *холодное железо!*»

Каким-то образом я нашел свою хижину и рухнул в постель, пытаясь забыть обо всем, что

произошло. Усталость от страха переборола меня, и я заснул, но через некоторое время сон был прерван совершенно варварским способом.

Я открыл глаза и увидел моего лучшего друга Троклара, трясущего меня за плечо.

— Юггар, — сказал он. — Король в ярости. Ты вчера не отметился, а рубинов все еще очень мало. Ты нашел богатый источник драгоценных камней?

Слишком потрясенный, чтобы отвечать, я лишь покачал головой. Пока Троклар обеспокоенно тараторил, его нос стукался о подбородок.

— Да помогут тебе Фафнир[15] и Локи[16]. Король поклялся превратить тебя в саламандру на десять лун. Тебе лучше спрятаться...

Я открыл рот, чтобы заговорить, но Троклар не дал мне времени.

— Конечно, не в Срединном Королевстве. Возможно, Нептун примет тебя на какое-то время.

---

[15] Примечания: 15

Фафнир — в скандинавской мифологии сын Хрейдмара, вместе со своим братом Регином убивший отца, чтобы завладеть золотым кладом, от великой жадности и злобы ставший драконом, стерегущим свое золото.

[16] Примечания: 16

Локи — в скандинавской мифологии бог из числа асов, то помогающий богам, то вредящий и издевающийся над ними, воплощение хитрости и коварства.

Или... или даже Хель[17] приютит тебя, если ты принесешь ей щедрые дары. Но нужно спешить.

— Троклар, — сказал я, — я видел человека.

Дзынь... дзынь! Троклар стал бледно-зеленым и хрипло закричал. Он отскочил, закрыл глаза и попятился к двери, сжимая кулаки.

— *Железо!* — задыхаясь, прокричал он.

— *Троклар!*

Я побежал за ним и тут же почувствовал под ногой что-то твердое и круглое. Взглянув вниз, я как раз успел увидеть, как из моего рта вылетает небольшой блеклый предмет и стукается о каменный пол.

Это было... *холодное железо!*

Неудивительно, что Троклар бился о дверной косяк с искривившимися от боли губами. Неудивительно, что его веки были плотно сжаты от ослепительного сияния железа. Но... почему оно не действовало на меня?

Потом я вспомнил. Проклятие человека!

Троклар посмотрел на меня из-за двери.

— Ирония небес, — все еще моргая, кисло заметил он. — В чем тут смысл? Если Король узнает

---

[17] Примечания: 17

Хель — в скандинавской мифологии повелительница мира мертвых, дочь коварного Локи, одно из трех хтонических чудовищ. Таково же и название ее царства.

об этом...

— Я не могу ничего поделать, — объяснил я.

Дзынь — дзынь!

Троклар взвизгнул и отскочил. Я побежал за ним.

— *Это — дзынь — проклятие — дзынь — человека — дзынь!*

После каждого слова у меня изо рта вылетало холодное железо. Я попытался удержать Троклара, но он вырвался, с криком побежал по коридору, и свернув за угол, пропал из виду. Я остановился, чувствуя тошноту. О, Локи! Кое во что гномам лучше не вмешиваться!

И что теперь делать? Я вернулся в хижину и поморгал, глядя на железные шарики на полу. Они казались вполне безобидными и неопасными. Но на самом деле они были, как чеснок для вампира или аконит для оборотня. Какая же злая сила может быть заключена в таких крошечных штучках?

Глава II
Дзынь!

Моего мешка не было на крючке у двери. Я забыл его — потерял под землей, в панике мчась по туннелям, но в нем все равно был лишь десяток рубинов. А Король Бреггир поклялся превратить меня в саламандру.

Для гнома, родившегося глубоко под землей, страна жителей огня была ужасным местом. Морское Государство — вариант получше. Тритон и его банда — веселые ребята. Даже темный Хель вполне можно вынести некоторое время. Но огонь — ух! Может быть, если я брошусь к ногам Бреггира и стану просить о пощаде, он простит меня... возможно, даже каким-нибудь образом поможет мне. Ведь я... ну, я был так напуган.

Я не знал, что делать. Ходил по лачуге, смотрел на радугу, холодные отблески мириада цветов которой отражались от неровных стен, и в черный водоем в углу. Ничего особенного, но это был мой дом. Я — просто обычный гном и признаюсь, что когда я осматривал свое жилище, по моим щекам покатились слезы.

Но толку от этого не было ничуть. Я выскользнул в коридор, раздумывая, бежать или нет. Эту задачу мне решать не пришлось, поскольку ко мне уже мчались двое стражников, вооруженных острыми копьями. Оба носили зеленовато-коричневую форму и красные шлемы королевской пехоты.

— Юггар Тролг! — сказал один из них. — Старик Бреггир опять мечет лаву. Ты арестован — следуй за нами.

Я как раз успел вспомнить о проклятии, наложенном на меня, и закрыл рот, не сказав ни слова. Дела мои и так были плохи, а разбрасывание холодного железа еще ухудшило бы ситуацию. Я позволил стражникам схватить меня и тащить по туннелю с большими светящимися драгоценными камнями на потолке.

Мы прошли через Большие Пещеры — я заметил, что на Красной Улице работают больше сотни гномов, — и попали в тронный зал, где на алмазе больше себя самого сидел Бреггир. Он выглядел внушительно с бородой, доходящей до колен, благородно покрытой глиной, и как все гномы, мог похвастать блестящей лысиной. Бреггир был красивым гномом.

Его рот протянулся от одного заостренного уха

до другого, а нос был размером с мой кулак. Глаза выпятились так, что казалось — на лице болтается три больших шара. Бреггир пил теплую грязь из серебряного кубка и спорил с лекарем Крогом.

— Ты упрямый болван! — рычал Крог. — Я предупреждал тебя насчет давления сукровицы. И тем не менее ты продолжаешь пить грязь — утром, днем и вечером!

— Ох, этот уголь! — проворчал Бреггир и тут увидел меня.

Его рот стал прямоугольным, а голос походил на грохот землетрясения.

— Юггар Тролг! — проревел он. — Ты жалкий ползающий отпрыск слизняка! Ты древесный клещ на стволе Иггдрасиля!

Это была непозволительная ремарка в адрес моих предков, но я даже не отреагировал. Я все равно не мог ничего сказать, поскольку Король продолжал кричать.

— Ты мерзкий нарост антрацита! Ты коротконосая вредная вошь на хвосте лошади! Я сделаю так, что ты сгоришь в Везувии, и за тобой будут бегать скорпионы, привяжу жернов к твоей бороде и пошлю тебя к Великанам! Где чертовы рубины? А, нет, ничего не говори мне! Ты заснул в какой-то далекой пещере и из-за своей лени

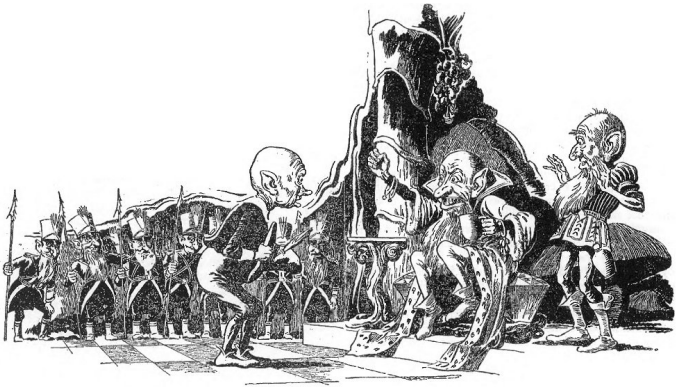
ночевал вне дома. Ну, так не пойдет! В Срединном Королевстве и так все слишком расслабились в последнее время. Я сделаю тебя примером для всех, Юггар Тролг! Вот погоди! — пообещал Король и указал на меня скипетром.

Вокруг меня появились десятки гномов, они пристально смотрели на меня, а некоторые даже украдкой ухмылялись. Наверное, они думали, что весело глядеть, как гнев Короля обрушивается на кого-то другого. Быть частью его свиты — нелегкое дело. Это словно гладить по головам цербера[18].

Бреггир вытянул в мою сторону огромные шишковатые руки и схватил ими воздух.

[18] Примечания: 18

Цербер — в греческой мифологии порождение Тифона и Ехидны, трехголовый пес, у которого из пастей течет ядовитая смесь.



— Говори! — проревел он. — Что можешь сказать в свое оправдание, ты, лживая гусеница? Но это неважно. Я огласил приговор несколько часов назад. Саламандрой, вот кем ты станешь. Слышишь? Саламандрой! Ну? Ты будешь говорить, или нам придется вытягивать из тебя слова холодными щипцами? — Король злобно ухмыльнулся. — Тебе не понравится это, верно? Ледяные щипцы, замороженные Ледяными Великанами. Говори!

Последнее слово было, как удар молнии. Мой рот невольно открылся. Я был так напуган, что забыл о неизбежных последствиях.

— Это не моя вина! — выпалил я. — Я встретил человека...

— Ой-ой! Уууй... йя!

Это случилось опять. Холодное железо застучало по мрамору у моих ног. Тут же во всех направлениях раздались вопли, когда гномы, в панике натыкаясь друг на друга, побежали подальше от смертоносного металла.

Король Бреггир упал на спину. Его бешено дергающиеся тощие ножки виднелись из-за алмазного трона. Лекарь Крог вскрикнул и убежал. Бреггир с трудом вскарабкался на ноги и понесся за ним. Но Король успел оглянуться, щурясь от блеска холодного железа.

— Я порублю тебя за это на куски, Юггар Тролг! — проорал он с болью в голосе.

Я остался один в величественной, холодной тишине тронного зала.

Конечно, это было оскорбление достоинства короля, но на пьедестале стоял серебряный кубок, почти до краев наполненный грязью. Я залпом выпил ее и тут же почувствовал прилив ложной храбрости. Я все еще был ужасно испуган, но помнил, что даже Король поспешил удрать от меня.

Все гномы Срединного Королевства будут бояться меня — святая Геката! На мгновение мой разум посетила безумная мысль. Почему бы не устроить революцию. С холодным железом я буду

непобедим...

Ох-ох... нет, не буду. Магия все равно подействует на меня. И если меня превратят в саламандру, я окажусь в еще худшем положении, чем когда-либо.

Что же делать? Я понятия не имел. С каждым словом я лишь все глубже погружался в трясину. Я нуждался в понимающем прикосновении дружеской руки, но даже мой лучший друг Троклар убежал от меня.

Потом я подумал о Нигсар Дуг. Она все поймет. Каким-то образом она всегда понимала мои проблемы, с тех пор как мы были юндлингами. Я... ну, я любил Нигсар. Для меня она была самой красивой гномихой подземного мира.

Она не убежит от меня. Не испугается. Нигсар сумеет помочь мне. Я знаю это.

Я помчался по боковому коридору, направляясь к ее хижине. И тут в воздухе задрожало телепатическое сообщение, заставившее меня вздрогнуть. Его отправил Король Бреггир.

— Внимание всем гномам! Созываю всех гномов! Юггар Тролг практикует запрещенную магию! Он вооружен холодным железом! Разрешаю его заколдовать без всякого предупреждения! Он очень опасен!

Продолжая дрожать, я ускорил шаг. Боги, во что я вляпался! Разумеется, мы, гномы, бессмертны, но заклинания могут доставить серьезные неудобства. Я молча взмолился Фафниру, и либо благодаря его помощи, либо по чистой удаче, ни с кем не столкнулся во время своего головокружительного бегства по коридорам. У двери в жилище Нигсар Дуг я остановился и украдкой осмотрелся.

Вокруг стояла тишина. Но из-за двери доносились голоса. Я взялся за щеколду, но замер, когда услышал несколько слов. Нежный голос Нигсар...

— *Нет!* Ты лжешь! Должно быть какое-нибудь объяснение.

И голос Троклара, моего сердечного друга.

— Он слетел с катушек, Нигсар, вот и все. Холодное железо! Его заколдуют, как только увидят. Бреггир прикажет держать его под Везувием целую вечность.

От тихого всхлипывания мое сердце сжалось.

— Нет, я не верю тебе, Троклар. Я знаю, что Юггар выше этого.

— В любом случае, Король уже все решил. Тебе лучше забыть о Юггаре Тролге.

В голосе Троклара был тонкий намек. Не веря своим ушам, я продолжал слушать.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Нигсар.

— Что я хочу тебя... я, Троклар. Юггар никогда не был достоин тебя. А сейчас он обречен. Возьми меня вместо него, Нигсар. Где в Срединном Королевстве ты найдешь гнома лучше?

Во мне вспыхнула слепая ярость. Я услышал, как Нигсар вскрикнула, а голос Троклара стал хриплым от страсти.

— Нет... перестань! Перестань, Нигсар, — убери от меня свои руки!

Когда я пинком распахнул дверь, то услышал, как Троклар говорит:

— Ты моя, слышишь? Если я попрошу, Король отдаст тебя мне. Я хочу тебя...

Троклар держал Нигсар за руки, а она изо всех сил отбивалась от него. Ее туника порвалась, обнажив нежное волосатое плечо, и я слегка слетел с катушек при виде этого. Я подскочил и схватил Троклара за шею, развернув так, чтобы взглянуть ему в глаза.

— *Юггар!* — вскрикнула Нигсар.

Она вырвалась из рук нападавшего и убежала в соседнюю комнату.

На лице Троклара отразились страх и ярость.

— *Ты!* Все еще гном, да? Ну, это ненадолго. Король разрешил применять против тебя все

заклинания.

Я не мог говорить. Я задыхался от ярости.

Троклар метнул в меня заклинание, но оно отскочило, не нанеся никакого вреда. Я увидел, как его глаза выпучились. Он попробовал еще раз, и опять безуспешно.

— *О, Локи!* — вскричал Троклар. — Ты неуязвим!

Я улыбнулся, поняв, что случилось. Меня защищала человеческая магия. Пока я был под проклятием, ни одно заклинание не могло подействовать на меня, согласно закону Старшинства Силы, наложенным Одином[19], когда Хугин и Мунин[20] появились на свет.

Затем я снова похолодел от ярости. Мой лучший друг — ха-ха! Ну, у меня было оружие, которого боялись все гномы без исключения.

— Холодное железо, — нарочно сказал я — *дзынь!* — Холодное железо. Холодное железо. Холодное-холодное-холодное. Железо-железо-железо.

---

[19] Примечания: 19

Один — верховный бог в скандинавской мифологии.

[20] Примечания: 20

Хугин и Мунин — вороны Одина. Летают по всему миру Мидгарду и сообщают Одину о происходящем. На древнеисландском Huginn означает «мыслящий», а Muninn — «помнящий».

Дзынь-дзынь-дзынь! При каждом слове из моего рта выпадали маленькие круглые слитки, раскатываясь под ногами.

Глаза Троклара выкатились от нестерпимой боли. Он опустил голову так, что стало видно лишь темечко над широкими покатыми плечами, и замахал руками. Задыхаясь, Троклар издавал хриплые звуки.

— Нет, — прохрипел он. — Нет!

— Да, — сказал я. — Да, да, да.

Дзынь — дзынь-дзынь-дзынь! Я продолжал говорить, повторяя всякую бессмыслицу, и под ногами образовалась кучка холодного железа. Я оттащил Троклара обратно в угол.

Не в силах больше выносить пытку, он упал в обморок. Его неуклюжее шишковатое тело свалилось кучей, и я почувствовал, как гнев покидает меня. Смотря на холодное железо, лежащее на полу, я вспомнил о проклятии.

Нигсар. Я вошел соседнюю комнату и увидел ее, лежащую без сознания на кушетке из камней. Она была очень красивой, я опустился на колени подле нее и взял ее на руки.

Ее нежные помутившиеся глаза открылись.

— Юггар... ты в порядке? — прошептала она.

— Да, — ответил я.

Клянусь Фафниром, я бы вырезал свой язык, если бы у меня под рукой оказался нож! Можете догадаться, что произошло. Я склонился над Нигсар, мое лицо нависало над ее лицом, и прежде чем я понял, что произошло, железный шарик выпал из моего рта и отскочил от носа Нигсар. Она завопила так, будто я проткнул ее железным колом. Взглянув на меня с неверием и болезненным ужасом, она снова упала в обморок.

Я стиснул зубы, пожелав, чтобы мне больше никогда не пришлось открывать рот. Каким-то образом я встал, смахнул железным шарик, пнул его в угол и, пошатываясь, вышел из жилища Нигсар в коридор. Там я в оцепенении стоял, пока не услышал тихий шепот в моей голове, означающий, что Король Бреггир повторил приказ о моей немедленной поимке.

— Заколдовать без предупреждения!

Ну, никакое колдовство мне теперь не страшно — я только что выяснил это. Но стал изгоем. Ни один гном больше не подойдет ко мне, даже Нигсар. Я не мог просить ее об этом. Ради ее же безопасности, мне нельзя с ней видеться.

Пока я шел по туннелю, на моем сердце лежала тяжесть. Я чувствовал себя Медузой Горгоной. Во всем Срединном Королевстве не осталось

никого, кто бы не боялся моего болтливого рта. Я скучал по гномам, по стуку кирок и лопат о родную землю, веселым дракам, которые помнил, и тихим вечерам в своем жилище. Я стал гномом без дома. И разум мой лихорадочно искал способ все исправить.

Я пытался призвать на помощь логику. Во-первых, я не мог рассказать о том, что случилось, ни одному гному, потому что, как только я заговорю, все слушатели разбегутся. Вам может быть интересно, почему я не использовал телепатию, но у Короля Бреггира есть какая-то машина, способная передавать его мысли, когда нужно, и даже он не может обойтись без нее. *Стоп!* Кажется, у меня появилась идея!

Помните водоемчик у меня в хижине? Его даже близко нельзя назвать мелким, и он соединяется с подземным морем, являющимся территорией Нептуна, хотя и находящимся под временной властью губернатора.

Водный народ не боится холодного железа, и иногда мне приходится кидать камни в пруд, чтобы утихомирить их по ночам. Все нереиды хотят стать прислужницами Лорелеи[21], и то,

[21] Примечания: 21

Лорелея — дева-чаровница, речная фея, героиня немецких народных легенд.

как, тренируясь, они поют сутками напролет — стыд и срам. Но, надеюсь, нереиды уже забыли мою грубость.

Тем не менее, соблюдая предосторожности, я взял некоторое количество сукровицы из вены на руке и капнул пару капель в водоем, начиная призывать водный народ. Я добрался до своего жилища по редко используемым туннелям и запер дверь, так что не боялся непрошеных гостей. И стал ждать.

Глава III
Поход в Хель

Я не знал, поможет мне морской народ или нет. Тем не менее мне надо было кому-то рассказать, что произошло. Я так остро чувствовал одиночество. Никогда прежде я не понимал необходимости общения с другими гномами.

На поверхности черной воды появились пузыри, а следом зеленая голова, жабры которой бешено работали и дрожали от возбуждения.

— О, гном, — пристально посмотрев на меня, сказала нереида, а затем перевела жадный взгляд на кубок с сукровицей в моей руке. — Дай мне его, гном.

Я отошел.

— Подожди минутку, — уклончиво сказал я. — Я хочу кое-что взамен.

— Никогда не видела гнома, который бы не хотел, — ответила нереида. — Недовольные маленькие негодники. Ну? Хочешь узнать, сколько тебе осталось жить?

Разумеется, это была шутка, потому что гномы не умирают.

— Я хочу узнать кое-что о людях...

— Ого! — Рыбьи глаза нереиды расширились. — На тебе лежит заклятье, гном. Король Бреггир сделал это? Пожалуй, нет... он бы не стал шутить с холодным железом. Может быть, тогда Вулкан?

— Да неважно, — отрезал я. — Ты когда-нибудь видела человека? Это все, что я хочу знать.

— Ай! — на секунду нырнув в воду, пробулькала нереида. — Смотри, куда наклоняешься. Холодное железо падает прямо мне на голову.

— Прости, — отвернувшись в сторону, сказал я. — Так как насчет людей?

— Они не существуют. Ты уже слишком стар, чтобы верить в такое. Надеюсь, ты не скажешь, что веришь еще и в науку.

— Ладно, — отрезал я. — Просто забудь.

В моей груди возникла холодная опухоль безнадежности.

Нереида азартно хлопнула по воде руками.

— А как же сукровица? Неужели я ничего не получу?

Я покачал головой.

— Нет. Ты же не смогла помочь мне.

— Ну... подожди минутку. Может быть, другая нереида окажется тебе более полезной, гном. Я вот что скажу тебе. Я приведу ее, если ты отдашь

мне сукровицу.

— Половину, — пошел на компромисс я и передал ей кубок, хотя потом мне пришлось выдернуть его из ее рук, когда она попытались выпить все содержимое одним махом.

Скажу одно — нереиды держат слово. Едва ли прошло десять минут, прежде чем она вернулась с перепачканной соплеменницей.

— Это Сахайя, — сказала первая нереида. — Она сумасшедшая — пару столетий назад пыталась проплыть между Сциллой и Харибдой[22] и с того момента начисто лишилась рассудка. Но иногда она говорит о людях.

— Люди, — почесав жабры, пробормотала Сахайя. — Они существуют. Я знаю. Откуда приходят Утопшие, я тоже знаю. До того, как вылупились из своих куколок и спустились вниз, они были людьми.

— Слышишь? — засмеялась первая нереида. — Чокнутая, как морской еж.

Она помахала хвостом, и шикнув на Сахайю, возмущенно нырнула.

Та не отрывала взгляд от кубка с сукровицей.

---

[22] Примечания: 22

Сцилла и Харибда — в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива в скалах и губившие проплывающих между ними мореходов.

— Это мне? — с надеждой в голосе спросила Сахайя.

— Если поможешь. Заметила во мне что-нибудь странное?

— Холодное железо, хочешь сказать? Ты заколдован.

— Это сделал человек, — пытаясь не обращать внимание на бесконечный звон у своих ног, объяснил я.

Сахайя захохотала и пустила пузыри. Она легонько поднялась и опустилась в воде.

— Видишь? Видишь? Они *действительно* существуют!

Было сложно объяснить Сахайи, что я хочу, но наконец у меня получилось. Она плотно сжала веки.

— *Я* не знаю. Раньше я доплывала почти до самого Света. Я слышала всякое. Но куда можно пойти, чтобы снять проклятие человека — это больше, чем известно мне.

— Ты... что ты слышала?

— Голоса. Некоторые говорят, что я сумасшедшая, гном, но я знаю, что это не так. Голоса говорят со мной из моря. Я слышу, как... разговаривают... люди.

После этих слов по мне пробежала легкая

дрожь.

— Может быть, ты слышала, как они упоминают что-то, что может помочь мне, — упорно продолжал я. — Если человек попадает в беду — фантастическая мысль! — как он выбирается из нее?

Ответ Сахайи удивил меня.

— Ах, неприятности, да? Такое случается. Я слышала нечто странное. Иногда их голоса становятся громче от боли и досады, но проблемы людей всегда решаются. Это Хель помогает им.

— Хель? Дитя Локи — сестра волка Фенриса?

— Все верно. Если человек попадает в беду, ему советуют идти за помощью к Хель. Думаю, люди так и поступают... ну, точно я не могу сказать.

— А если *я* пойду к Хель, как ты считаешь, она снимет проклятие?

Но вместо ответа Сахайя лишь пожала жабрами. Она снова глядела на кубок с сукровицей, и остальной мир перестал для нее существовать. Я попытался задать еще какой-то вопрос, но единственным, что сказала нереида, было: «Дай мне кубок!» Я так и сделал, и она, разомлев от счастья, опустилась в воду, и пуская пузыри, вернулась в глубины.

Я, наконец, решился. Пойду к Хель. Разумеется,

путь был мне знаком, хотя гномы редко путешествуют. Но земля — это ведь наши владения.

Какой подходящий дар я мог принести Хель, королеве Подземного мира? Я понятия не имел. В конце концов я остановился на том, что пойду с пустыми руками и положусь на ее милость. Не то чтобы она ею обладала, — иначе она не была бы Хель, — но мой разум просто уже перестал работать.

Я выскользнул из жилища. В Срединном Королевстве царила суматоха. Чудо, что меня никто не заметил, хотя мой путь и шел в малонаселенный район, где находится Колодец в Тартар[23]. Я просто перелез через бордюр и спрыгнул. Это был весьма интересный спуск, но он слишком хорошо известен каждому гному, так что я не буду тратить время на его описание.

Итак, у выхода я совершил *призыв.* Воздух и Тьма донесли меня в Сфер, где и оставили перед вратами, и с воем унеслись обратно в бездну. Гранитные стены Диса возвышались до самого неба из красной лавы. Была абсолютная тишина, пока я стоял под высящейся крепостью и смотрел на железные врата. Как мне войти в Дис?

---

[23] Примечания: 23

Тартар — глубочайшая бездна, находящаяся под царством Аида.

Но прежде чем я успел подумать, на меня бросилось гигантское трехголовое лохматое чудовище, по-сумасшедшему лающее, с чьих клыков капала слюна, а шесть глаз пылали огнем. Цербер всегда неприятно выглядит, к тому же я забыл принести ему хлеб или кости. Он не мог серьезно ранить меня, но его зубы были в состоянии причинить сильную боль, так что я подождал, пока он подойдет ближе, и наложил на себя заклинание. В последний момент я вспомнил, что находился под людским проклятием, но было уже слишком поздно что-то менять. По какой-то причине мое колдовство сработало там, где заклинания других гномов оказывались бесполезны. И потому мне удалось превратиться в блоху.

Помотав головами, Цербер остановился, а я запрыгнул ему на спину. Возможно, это было очень низко, но я стал изо всех сил кусать его и затем пожалел об этом, когда Цербер начал чесаться, вызывая землетрясения на своей шкуре. Зажмурившись, я вцепился в шерстинку, и наконец толчки стихли. Тогда я расслабился и стал ждать.

Цербера кормили на закате. Казалось, прошло не очень много времени, прежде чем пес развернулся и важно зашагал к Дису. Дверка в нижней

части врат открылась и закрылась уже за нами. Затем все успокоилось.

Если бы я надумал осмотреться, то увидел бы Дис. Но я не поднимал головы. Спокойствие неприятно подействовало на меня, и я знал, из чьего чрева отец Хель вылез в седой рассвет Вселенной, когда крики Имира еще не совсем стихли. Дис — не то место, где стоит находиться гному...

Тут я понял, что попал к Хель. Я вернул себе гномье обличье и спрыгнул со спины Цербера. Повернувшись ко мне, он оскалился, но не стал нападать и вместо этого медленно ушел в угол, где лег на пол, одарив меня злобным взглядом шести глаз, горящих красными огоньками.

Я с глубочайшим уважением опустился на колени перед Хель. Огромный зал, в котором я оказался, был не очень длинным или широким, но громадным конусом уходил далеко вверх, словно я попал внутрь огромного пламени свечи.

— Можешь встать, гном, — услышал я.

Я подчинился, но продолжал смотреть в пол.

— Можешь поднять голову, гном.

Хель была вся белая, как женщина из искрящегося снега. Ее развевающиеся волосы совсем не поседели — они от природы такие белые, как и ее

губы и глаза. У нее было приятное круглое лицо невинной девушки и очень нежная улыбка, но глаза были посажены слишком широко друг от друга. Она сидела на простом троне из оникса, чуть подавшись вперед, а руки лежали на коленях. Одеянием ее был свет.

— Ничего не говори, — сказала она. — Позволь мне самой заглянуть в твой разум. Я чувствую проклятие и холодное железо...

Почему-то я не боялся Хель. Но в огромном высоком зале Диса я ощущал себя очень, очень одиноким.

Наконец она вздохнула и покачала головой.

— Я не могу помочь тебе, гном. Мои силы не работают на поверхности земли. — Она увидела мое уныние. — Но здесь есть тот, кто может сделать это, если ты захочешь. Мой отец.

— Локи? — подумал я.

— Локи Хохотун, чьи дети были величайшими шутками. Да, — продолжал нежный туманный голос, — сестра змея, волк и я... дети бога предателя. Но ни Фенрис, ни змей Мидгарда не смогут помочь тебе, гном. Только Локи. Иди к нему. Нет, — ответила она на мою невысказанную мысль. — Тебе не нужно нести никаких даров. Никто не может ублажить Хохотуна. Он делает, что хочет,

и поочередно то добр, то жесток. Возможно, тебе повезет, ты найдешь его в добром расположении духа. Если так, то он поможет тебе.

Я склонил голову, выразив благодарность.

— Предупреждаю тебя, бойся шуток Локи. А теперь я посылаю тебя к нему, — сказала белая женщина.

Каким-то образом я понял, что рука Хель зависла надо мной. Меня обуял ужасный беспричинный страх, что эти холодные пальцы могут коснуться меня. Я знал, что это будет нежно и осторожно, но все равно съежился.

Магия подхватила меня и унесла прочь. Высокий зал Диса исчез. Хель тоже пропала из виду. Я стоял на мягком сером облаке рядом со смеющимся гигантом, развалившимся передо мной и щурящимся от яркого солнца.

Глава IV
Нет дома для гнома

Локи приподнялся на локте и уставился на меня — огромный рыжебородый человек-лис с коварным взглядом и широким ртом.

— Наконец-то! — засмеялся он. — Хель сказала мне, что ты скоро явишься. Ну, вот он я — Локи!

Я поклонился, но не смел заговорить, находясь под проклятием. Локи опять засмеялся.

— Думаешь, я боюсь холодного железа? Но тебе не нужно ничего говорить — твой разум открыт передо мной. Ты встретил человека, и он проклял тебя. Ты хочешь, чтобы проклятие сняли. Ну, так это весьма просто.

Локи поднял огромную руку в повелительном жесте. Некоторое время ничего не происходило, пока я тайком не посмотрел по сторонам. Но увидел только ковер из серых облаков, протягивающийся до горизонта под голубым небом, где ездил верхом Аполлон.

Не сказав ни слова, я задумался. В каком настроении я застал Локи: в добром или злом? Рыжий бог засмеялся. Он прочитал мои мысли и успока-

ивающе кивнул.

— Подожди. Я сниму проклятие. Люди существуют, гном, но очень редко им удается пройти через Вуаль. Иногда мы видим их как призраков — смутно и размыто. Тем не менее у них есть свой мир. — Локи прищурился. — Люди не должны практиковать магию. Мне это не нравится. Ну...

Почему-то после его слов я почувствовал смутную тревогу. Она пропала, как только из пелены плывущих облаков поднялась темная фигура.

Это была седая женщина, древняя морщинистая старуха. В одной шишковатой руке она держала катушку ниток. Молча отделив одну нитку от остальных, старуха передала ее Локи. Затем опустилась вниз и бесследно исчезла. Пелена сомкнулась над капюшоном, покрывающим голову старухи.

Локи растянул нитку между пальцами.

— Норны[24] ткут судьбу людей. Эта нить приведет тебя к тому, кто наложил проклятие. Но ты должен чем-нибудь подкупить его, иначе он не снимет заклятие.

— Чем? — спросил я.

---

[24] Примечания: 24

Норны — в скандинавской мифологии три женщины, предсказательницы и чародейки, наделенные даром определять судьбы мира, людей и даже богов.

Холодное железо полетело сквозь пелену облаков.

Локи улыбнулся.

— Предоставь это мне. Просто делай, как я скажу, и все будет в порядке.

— Ну... — замялся я. — А что мне делать с нитью потом?

— Что? Да просто отпусти ее, только и всего. Она сама смотается на катушку норн.

Взгляд прищуренных глаз Локи мне совсем не понравился. Он напоминал лиса еще больше, чем прежде. Но не я успел сказать еще слово, как бог взмахнул рукой, и я кружась полетел через серые массы облаков. Я обнаружил один конец нити крепко сжатым у себя в кулаке.

— Люди не должны практиковать магию... — каким-то образом услышал я шепот Локи.

Облака исчезли. Я ощутил под ногами твердое дерево. Было темно, но мои глаза постепенно привыкли ко мраку. Через прямоугольные промежутки в том, что я принял за стену, светила луна.

Я находился в пещере — огромной, квадратной, сделанной из дерева. По позвоночнику прошел тот же жар, как и тогда, когда я впервые встретил человека. Должно быть, это одно из людских

жилищ!

Я держал нить в потеющей ладони. Второй ее конец я не видел, хотя, казалось, что он уходит все выше и выше.

Вокруг меня были большие квадратные предметы с какими-то надписями. Буквы незнакомого языка, тем не менее, странным образом напоминали древне-эльфийский. Я не мог понять эти надписи, но хорошо запомнил, как они выглядели, и потом, ради любопытства, записал их по памяти.

Вот, что у меня получилось:

«НЕ КУРИТЬ! ОПАСНО! ВЗРЫВЧАТОЕ ВЕЩЕСТВО!»

— Ящик рядом с тобой... — сказал в моем разуме лишенный тела Локи.

— Ящик? — Слово было для меня незнакомым.

— Вон там.

Мой взгляд притянуло к деревянному контейнеру с десятками аккуратно упакованных круглых объектов. Холодное железо! Но пока я под действием проклятия, оно не сможет мне навредить.

— Возьми одну, — сказал Локи.

Я подчинился и с любопытством осмотрел

предмет. Но я не знал, что это такое.

Я помню, что было написано на ящике. Буквы выглядели вот так: «ручные гранаты», что бы это ни значило.

— Нить норн приведет тебя к нужному человеку, — раздался голос Локи, в котором слышалась насмешливая нотка. — Когда встретишься с ним, выдерни маленькую булавку на боку предмета — и брось ему под ноги. После этого тебе только нужно будет попросить его снять проклятие, и он будет рад подчиниться. Удачи, маленький гном, — закончил рыжий бог, и его голос стих.

Я снова почувствовал себя почти счастливым. Скоро я освобожусь от заклятия холодного железа. Как только это случится, я смогу справиться со всем остальным — даже с гневом Короля Бреггира. Так что я закрыл глаза и стал ждать.

Я ощущал, как нить судьбы тянет меня сквозь измерения. Когда я опять открыл глаза, то оказался в...

Жилище людей!

Неудивительно, что я прижал дар к груди, дрожа от страха. Даже не знаю, с чего начать описание этого места. Все состояло из квадратов и изгибов самых ужасных, чуждых расцветок, какие только можно представить. Место, где можно

практиковать самые темные науки!

Я увидел человека одновременно с тем, как он заметил меня. Он испустил совершенно неописуемый крик и уронил бутылку, которую держал.

— *Снова!* — взвизгнул он. — Или ты уже другой?

— Я тот же самый гном, — примирительно ответил я. — Ты обязан знать это, после того что сделал со мной.

Человек поднял бутылку и сделал из нее глоток.

— А... что я сделал? Не понимаю.

— Проклятие, которое ты наложил на меня. Холодное железо, ну, ты должен знать.

И теперь он заметил круглые камешки, выпадающие у меня изо рта. Его глаза стали круглыми.

— Я... *гм...* Это сделал я?

— Да.

Дзынь.

— Ох, — сказал человек. — Мне жаль. Пьян я или в бреду, но все равно — прошу меня простить.

— А ты не снимешь его? — взмолился я.

Он поморгал.

— Снимешь?

— Проклятие.

— Послушай, — сказал он. — Я бы с радостью

помог тебе, особенно после того, что ты для меня сделал, но не знаю как.

Я разочарованно вздохнул.

— Но ты *должен!* Я принес тебе кое-что.

— Боже, — сказал человек. — Мне больше ничего не нужно. У меня всего хватает. Ты и так оставил целую кучу рубинов.

Я уставился на него... и вдруг вспомнил про сумку с рубинами, которую бросил, убегая со всех ног после первой встречи с этим созданием. Значит, он нашел их.

— Тысячи, — помахав бутылкой, с загадочным ликованием сказал человек. — Теперь у меня квартира на верхнем этаже. Я пишу роман. Превосходную прозу. В стиле старика Хемингуэя. Эти рубины... ну, спасибо.

— Всегда пожалуйста, — вежливо ответил я. — Но ты должен быть способен снять проклятие. Ты наложил его на меня, просто сказав, что холодное железо будет выпадать у меня изо рта.

Сделав еще один глоток, он задумался и кивнул.

— Стоит попробовать. Хорошо. Я снимаю с тебя проклятие.

— Спасибо, — сказал я в качестве проверки и замер от удивления — из моего рта не вывали-

лось ни крупинки холодного железа! — Это... это сработало! — задыхаясь, воскликнул я. — *Сработало!* Спасибо, Локи!

Возможно, я впал в небольшую истерику, но на тот момент я правда забыл, что говорю с человеком. Было так чудесно, что я снова могу разговаривать, не плюясь железом каждую секунду. Я... ну, я рассказал человеку все. А он сидел и слушал, попивая из бутылки. Вскоре он взял вторую бутылку и принялся за нее.

Наконец он забрал «ручную гранату» у меня из рук и задумчиво ее осмотрел.

— Тебе лучше отдать ее мне, — сказал человек. — Я избавлюсь от нее! Ух... спасибо, что принес ее. По крайней мере, граната— необычный подарок.

— Нить, — держа нить норн, напомнил я.

Он не притронулся к ней и почему-то стал выглядеть очень бледным.

— Да. Просто... отпусти ее, хорошо?

Я подчинился. Нить вылетела из моих рук и исчезла. Человек тяжело вздохнул, и я увидел, что на его губах выступила кровь.

— Ладно, — сказал он после секундной паузы. — Думаю, я в безопасности. Что дальше по программе?

— Я возвращаюсь в Срединное Королевство,

— ответил я. — Если найду дорогу. Может быть, ты покажешь мне дыру в Центральном Парке, через которую я вылез в прошлый раз?

— В Центральном Парке? Конечно. Но ты же говоришь, что Король Бреггир страшно зол на тебя?

Я философски пожал плечами.

— Может, он простит меня. Если же нет, мне просто придется какое-то время побыть саламандрой.

Но человек задумался.

— Да. Я тебе дам кое-что, что, возможно, умаслит его. Вот... — Он вышел, затем вернулся с мешком и наполнил его бутылками, которые взял из дыры в стене. — Это лучше, чем теплая грязь. Возможно, немного смягчит старика.

— Я... я не знаю, как тебя благодарить, — сказал я, а мой голос дрожал от чувств. — Каким-то образом ты... ты для меня почти как гном.

Человек содрогнулся от этих слов, хотя не могу понять почему, и взял мою руку.

— Мы спустимся на служебном лифте. Парк находится на другой стороне улицы.

Я плотно закрыл глаза и позволил человеку вести себя. Я чувствовал себя лучше, когда не видел странный мир людей. И вот, наконец, я остано-

вился у норы с мешком бутылок за спиной.

Человек сжал мою руку.

— Удачи, — пожелал он. — Разумеется, я никогда не поверю в это, но сейчас все кажется довольно реальным. — Он посмотрел на мешок. — Можешь дать мне одну бутылку?

Я протянул ее ему, и он отпил добрую половину. После этого он упал лицом в землю и не шевелился, так что я заполз в дыру, таща мешок за собой. А через несколько часов я оказался в Срединном Королевстве...

Дальше рассказывать особо нечего. Мне пришлось говорить быстро, или меня превратили бы в саламандру во мгновение ока, но как только Бреггир увидел, что я принес ему, он подобрел. Король смешал теплую грязь и людской эликсир и улыбнулся так широко, что верхняя часть его головы чуть не отвалилась.

Конечно, он так и не поверил мне. Посчитал, что я нашел бутылки, которые закопало какое-нибудь древнее божество, но сказал, что напиток лучше, чем нектар. Не то чтобы старый суслик хоть раз в своей жизни пробовал нектар, но я не стал спорить.

В любом случае, Бреггир простил меня так же, как и моя дорогая Нигсар Дуг. В этом месяце мы

обязательно поженимся. Это будет великий пир, на который приглашено все Срединное Королевство. Я не поскуплюсь на угощения, и грязь будет литься, как лава.

А что гномы шепчутся, будто мной правит безумие — мной, Юггаром Тролгом, чья сукровица берет начало с Иггдрасиля и Имира — так мне все равно, честное слово.

Я полностью счастлив с Нигсар, и мои недавние ужасные испытания почти выветрились у меня из головы.

Ну... не совсем так. Мои сны в последнее время стали весьма беспокойными, мне... мне снятся... *Люди!*

The odyssey of Yiggar Throlg, (Startling Stones, 1951 № 1).

Пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим.